

СПЕЦ
ВЫПУСК

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

КАЧКА АНАРСКИЕ РАНИ

В.Ф. Маргелов:

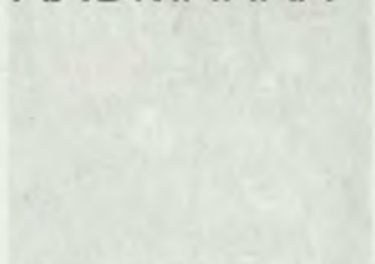
*Сбит с ног -
сражайся на коленях,
идти не можешь -
лежа наступай!*

Качканарские грани

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

СПЕЦВЫПУСК

Безымянный Уланов
Прозрачные Сны
Космос и Земля
Светлая Жизнь
Воспоминания
Стихи

5/4

ДОРОГИЕ БРАТЬЯ-ДЕСАНТНИКИ! УВАЖАЕМЫЕ КАЧКАНАРЫ!

Евгений Тетерин,
Председатель Свердловского регионального
отделения Межрегиональной общественной
организации
«Союз десантников»

Примите искренние поздравления с замечательной датой – 85-й годовщиной со дня образования воздушно-десантных войск!

Нам с вами выпала честь служить в войсках, которые по праву называют одновременно и элитными, и «продуваемыми всеми ветрами». Потому что здесь органично сочетаются героическая слава наших дедов, 70 лет назад победивших фашизм, крепкие традиции «крылатой гвардии», преумноженные нашими отцами, готовность выполнить любые задачи в любое время и в любой обстановке, что вы и доказали добросовестным выполнением своего воинского долга, в том числе и в горячих точках. Государственные награды и воинские знаки отличия по праву украшают грудь каждого из вас.

Десант – это не только годы службы, десант – это состояние души, десант – это навсегда. Спасибо вам и за то, что вы, находясь в запасе, продолжаете высоко нести гордое звание десантников, храните воинское братство, бережете память о погибших товарищах, являетесь примером для подрастающего поколения, делаете добрые дела во славу ВДВ, своего города, нашей великой Родины. Сейчас, когда наша страна обретает прежнюю мощь и величие – это очень важно и нужно. Будем и в мирной жизни руководствоваться святым принципом воздушно-десантных войск: «Никто, кроме нас»!

Желаю вам здоровья, счастья, благополучия!
Храни Бог вас и ваши семьи!

Слава ВДВ!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

С юбилеем

Леонид Хабаров «Имел Честь служить в «продуваемых всеми ветрами» войсках»	6
Михаил Быстров «Это те, кто прославил десант»	11

Солдатские мемуары

Никто кроме нас: АБХАЗИЯ

Павел Беляков «Серьёзных эксцессов не было»	1
Дмитрий Хамидулин «Это рай, но спали в бронезилетах»	25

Никто кроме нас: АФГАНИСТАН

Марат Гиматутдинов «Огромное впечатление – это второй этап вывода 40-й армии»	28
Василий Кузнецов «Каждый день что-нибудь случалось»	32
Андрей Логинов «Операции проводились по всем направлениям»	34
Олег Малышев «Побывать там – уже геройство»	36
Александр Черноголов «Тут почти как в Союзе, если не считать, что в Афганистане»	61

Никто кроме нас: ГРУЗИЯ

Сергей Герасимов «Мы были не на курорте»	70
---	----

Никто кроме нас: ПРИДНЕСТРОВЬЕ

Виктор Завгороднев «Служба в Приднестровье прошла в секретах»	77
--	----

Никто кроме нас: ЮГОСЛАВИЯ

Михаил Коновалов «Не допускали столкновений между сербами и албанцами»	82
Сергей Фирсенков «Не понимаю, почему они конфликтовали»	87

Никто кроме нас: ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ

Александр Дудин «В любой момент схватил оружие - и побежал»	90
--	----

Десантники всех поколений

Владимир Шкиндер «Мы себя называли самоубийцами»	95
---	----

Валентин Полуляхов «За два года службы я совершил 26 прыжков»	100
Владимир Селезнёв «Мы сделали свой выбор»	103
Юрий Жирнов Спать нам практически не приходилось	111
Александр Коробейников Меняйте себя, мир изменится сам	114
Владимир Григорьев «Десантные войска отличаются железной дисциплиной»	121
Андрей Спиридонов Я реализовал свою мечту	125
Владас Кучка «Этот год для меня не потерян»	165

Очерки

Василий Верхотуров Чтобы выжил... Чтобы жил...	170
Михаил Титовец Дело жизни Дмитрия Порываева	174
Наталья Титовец Война требует силы духа	177
Максим Плесников В нас стреляли. Мы в ответ стреляли тоже	181
Ирина Пономарёва Он очень рад, что его жизнь переплетена с небом!	183
Инна Васильева Как моряк стал десантником	192

Династия

Надежда Трушкова Из 11 Банниковых, трое – «десантура»	202
--	-----

Поэзия

Татьяна Семакина Братская могила	204
Погибшая мечта	205
Святая дата	206

Наследники

Дмитрий Травкин Колыбель десантников	207
Лариса Плесникова Кадеты стали украшением Качканара	210

В 2015 году отмечают 85-летие воздушно-десантные войска Вооружённых сил России. Это знаменательная дата не только этого рода войск, не только Вооружённых сил, но и всей страны, потому что воины-десантники проявили невиданные мужество и отвагу, отстаивая интересы Родины как внутри, так и за её пределами.

Ветераны воздушно-десантных войск являют собой яркую грань общественной жизни Качканара, настолько яркую, что мы решили посвятить им специальный выпуск литературно-художественного альманаха «Качканарские грани». Тем самым мы хотим выразить им признательность за честно выполненный воинский долг – как в мирное время, так и в горячих точках.

Попробуем самыми общими штрихами обрисовать спектр ветеранского десантного движения в Качканаре: от ветеранов Великой Отечественной войны до недавно уволившихся в запас. Постараемся показать географию участия качканарских десантников в локальных конфликтах «от А до Ю» - от Абхазии до Югославии.

«Опиши героев минувших и история твоя родит героев времён будущих», - писал в XIX веке Ф.Глинка. Очень верные слова! Именно этой цели стараемся мы оплотнеть, рассказав о жизни земляков. Напомним, что в 2006 году вышла книга «Афганистан живёт в моей душе». Уверены, что всё это падает на благодатную почву. Не сомневаемся, что достойными защитниками Отечества станут и нынешние качканарские мастер-кадеты, и воспитанники клуба «Афганец», и сотни парней, которые сегодня сидят за школьными партами.

Откуда такая уверенность? Да потому, что маятник общественно-го сознания качнулся в сторону здорового патриотизма, и потому что есть реальные образцы для подражания, за которыми ходить далеко не нужно, так как эти люди живут в одном с тобой городе.

В этой связи хочется обратиться к ветеранам ВДВ: не стесняйтесь рассказывать о своей службе. Потому что если не будете рассказывать, откуда ж молодое поколение будет знать об этой важной составляющей жизни настоящего мужчины? И кого тогда вырастим, кого воспитаем? И пусть от этих воспоминаний будет попахивать потом, а может даже кровью. Зато это будет лучшим пособием для пацанов, как сдать экзамен на настоящего мужика.

С юбилеем! Слава ВДВ!

Редакция альманаха

С юбилеем!

Л. В. ХАБАРОВ,

Заместитель председателя Правления Свердловской
областной Организации РСВА

ИМЕЛ ЧЕСТЬ СЛУЖИТЬ В «ПРОДУВАЕМЫХ ВСЕМИ ВЕТРАМИ» ВОЙСКАХ

2015-й год – урожайный на знаменательные даты. 9 мая – 70 лет Победы Советского Народа в Великой Отечественной Войне, когда все нации и народности Советского Союза во главе с системообразующим, государствоопределяющим Русским Народом в жестокой и кровопролитной войне одержали знаменательную Победу.

2 августа 2015 г. исполняется 85 лет славным воздушно-десантным войскам. Я благодарен Судьбе, что с 1966 года имел Честь служить в наших «продуваемых всеми ветрами» войсках от гвардии рядового до гвардии полковника, хотя приходилось периодически во время личного «ремонта» после ранений служить в мотострелковом соединении, структуре боевой подготовки военного округа, руководить объединённой военной кафедрой, военным факультетом, военным институтом.

Начал свою военную карьеру гвардии рядовым в учебной воздушно-десантной дивизии в Литве. В «учебке» мне ещё пришлось носить, где-то с полгода, красный берет. Но наш легендарный Командующий, основоположник ВДВ Герой Советского Союза генерал армии Маргелов Василий Филиппович решил, что десантные береты должны олицетворять ангельский цвет бездонного голубого неба (откуда, наверное, слова из песни: «Как ангел с неба он слетает, зато дерётся он, как чёрт»).

Потом сержантом в рязанском парашютно-десантном полку. Срочная служба тогда ещё была 3 года. Понял, что это моё призвание. Поступил в Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище.

После окончания училища считая, что службу надо начинать проходить с самых тяжёлых мест, сам попросился в Ферганскую воздушно-десантную дивизию. А там – в 100-ю отдельную разведывательную роту дивизии (рота – войсковая часть в\ч 64011) командиром взвода разведки.

Что поступил в училище, прослужив срочную 2 года, не пожалел: вписался в армейский коллектив, как патрѳн в обойму.

Если образно сравнить, что ВДВ – стрела Вооружённых Сил, то разведка – её остриё, наконечник, глаза и уши. Разумеется, подготовка в любое время года и суток увеличивается в разы. Тут и марш-броски многодневные, пустыни и горы, стрельбы из всех видов оружия, знание языка вероятного противника, хотя бы в объёме допроса пленного, затяжные прыжки и прыжки в горы на ледники, рукопашная подготовка, альпинизм и скалолазание, учения на выживание. Самое суровое наказание для разведчика было – это перевод его в другие подразделения, войсковые части. Часто вспоминаю ребят. Самые тёплые воспоминания, конечно, связаны с разведчиками – это люди особой касты. Имел Честь командовать нашей 100-й отдельной разведывательной ротой, которая считалась лучшей в ВДВ среди разведрот. Наш Командующий не раз уделял нам своё внимание.

Дальнейшая служба – командиром парашютно-десантного батальона в 351-м парашютно-десантном полку в городе Чирчике этой же Ферганской 105-й воздушно-десантной дивизии.

1979 год. Командующий ВДВ, анализируя обстановку в Афганистане, предвидя развитие событий, берёт ответственность провести на его территории рекогносцировку. Проводится она офицерами Ферганской 105-й ВДД, от комбата и выше, под видом туристов. Командующего отправляют в отставку, 105-ю воздушно-десантную дивизию, специализирующуюся и предназначенную для ведения боевых действий в горах и пустынях – расформируют (почему, зачем – тема отдельного разговора).

На базе остатков 351-го парашютно-десантного полка формируют Отдельную десантно-штурмовую бригаду. Дополняется она личным составом из других родов войск, и офицерами, некоторыми, даже из запаса, прибывшими из «учебки» специалистами (механиками-водителями БМД, наводчиками-операторами, командирами

БМД), призванными молодыми солдатами. В 56-й ОДШБр формирую десантно-штурмовой батальон. Выход эшелонам под границу с Афганистаном на полевой аэродром «Какайты». Подготовка личного состава, вооружения, техники – и днём, и ночью.

В результате нашему батальону было приказано, почти за сутки до общего ввода войск в Афганистан, совершить форсированный марш-бросок 450 км., который батальон совершил смешанной колонной колёсной и гусеничной техникой за 22 часа, и захватить перевал «Саланг». Тем самым обеспечить беспрепятственный переход наших войск через высокогорный хребет «Гиндукуш» при общем вводе войск. Полтора месяца бои за перевал зимой в сложных условиях высокогорья.

Не удержусь, процитирую слова офицера-десантника Валерия Степановича Штепо из одной его книги, очевидца, которому, будучи подполковником, пришлось побывать на «Саланге» зимой: «Что такое Саланг? Возьмите тучи. Размесите, взбейте их руками и ногами. Добавьте снега. Всё это сдобрите ветром, лучше шквальным. Приправьте холодом под минус тридцать. Всё это поставьте на стальные скалы на месяц. Кислорода как можно меньше. Сделали? Вот это и будет перевал Саланг. В переводе с афганского – «суровый». Высота 3600 метров над уровнем моря, которого в Афганистане нет.

И потом, сдав перевал усиленному мотострелковому полку, 4-й десантно-штурмовой батальон 56-ой Отдельной десантной штурмовой бригады оставался какое-то время в резерве Командующего 40-й Армии, как пожарная команда. В смысле, где горело – туда и бросали. Бои в горах и пустынях, населённых пунктах. За неполный год сменилось только комбатов – четверо, кто тяжело ранен, кто погиб. Начиная с меня первого (крепко зацепило в «Панджшере»).

Афганская война ещё раз показала, что лучше нашего солдата – нет. Это выносливость в любых природных, погодных условиях. Мужество, а порой и самопожертвование в бою. Где самое жёсткое наказание – лишение выхода на боевые действия. Человеку для самоутверждения необходимо познать себя, на что он способен, пройдя какое-то испытание, понять смысл этой жизни, познать цену мужской дружбы и как высшей формы её проявления – братства солдатского. А война – это серьёзное испытание. Человек понимает, что есть в этой жизни что-то большее, чем твоя собственная жизнь. Сколько угодно примеров, когда, рискуя своей жизнью, вытаскивали из под огня своих раненных товарищей, прикрывали собой командира или отход товарищей, подрывая себя последней

гранатой. Сколько ребят, вернувшихся домой, даже после ранений, столкнувшись здесь с той душной атмосферой того времени – гибели Советского Союза и построении капитализма в России, разложения жизненных норм, основ морали, нравственности, лишения основной массы населения уверенности в завтрашнем дне и самого смысла существования, и от безысходности вновь уходили на войну. Будь то снова Афганистан или Сербия, Ливия, Сирия, Северный Кавказ, а теперь Донбас – Новороссия. Уходили и сейчас идут защищать интересы России. Ибо, давля дружественные нам страны, американцы-запад неуклонно идут к нашим границам. Следующие на очереди – мы. Поскольку девиз «Тонет ребёнок – спасай, дом горит – туши, Родина в опасности – защищай» всегда был и остаётся нашим жизненным принципом. Испокон веков в России (Советском Союзе) мужчинам приходилось вставать на защиту своей земли, своей семьи, Родины. От набегов орд Батыя с юга, тевтонского ордена, Наполеона, фашистов и другой нечисти с запада.

И нет в этом ничего удивительного, так как территория России, данная нам Богом, самая богатая в мире по природным ресурсам, поскольку 30% земных богатств планеты расположены на её территории: – 10% пашни; – 20% пресной воды; – 25% леса; – 30% энергоносителей (10% нефти, 30%газа; 16% угля), а также значительные запасы золота, алмазов, железных руд, цветных и редких металлов.

И вполне понятно, что окружающие нас страны, в первую очередь Америка с Западной Европой, смотрят на нас «голодными глазами». Не случайно государь российский Александр III-й сказал: «У России есть только два союзника, – это её Армия и её Флот». Вспоминаю те

лихие 90-е годы крушения Советского Союза и всеобщего беспредела, когда чиновники позволяли себе говорить «афганцам» – безквартирным, безработным, больным, инвалидам на их справедливые проьбы: «Я вас в Афганистан не посылал». Если вопрос с выделением квартир «афганцам» в других городах области не стоял, то в Екатеринбурге – это было острой проблемой. Когда наша екатеринбургская «афганская» организация убедительно доказала в необходимости незамедлительного решения этого вопроса. В чём в кратчайшее время убедили руководство города и области. В результате, все безквартирные на тот период времени, 100% получили квартиры.

Тогда наша «афганская» организация считалась самой боевой и значимой в России. Сейчас, по мнению правления СОО РСВА, ваша организация является одной из самых боевых и значимых в Свердловской области, где идёт упорная кропотливая работа по организации жизнедеятельности ветеранского движения вчерашних участников боевых действий. И Душа-движитель этого движения – Дмитрий Павлович Порываев. Вы, ваша организация, руководство города Качканара, всего Северного Управленческого округа Свердловской области, помогающие вам и всегда идущие вам навстречу в решении проблемных вопросов, делаете великое – святое дело. Ваше ветеранское движение, уважаемые боевые друзья, ваша кропотливая работа с молодёжью имеет мощное воспитательное значение. Это вы, по своему образцу и подобию, воспитываете молодых ребят, вытаскиваете их из грязи бездуховности, делаете их патриотами-защитниками нашей Великой-многострадальной Родины, ВДВэшниками по жизни, не ищущими тёплых, укромных местечек, спрятавшись от жизни, которых пугают не трудности, а нудности. Как в стихотворении одного из наших боевых поэтов:

«И если есть Десантные Войска,

То будет жить и Матушка-Россия.»

От всей души поздравляю Россию с предстоящим 85-тилетним юбилеем её славных боевых ВДВ. С наступающим праздником вас и ваших воспитанников, уважаемые боевые друзья. Желаю всем великой, процветающей России, мощных и высококомобильных ВДВ!

МИХАИЛ БЫСТРОВ,

председатель Качканарского отделения общественной организации «Союз десантников России»

«ЭТО ТЕ, КТО ПРОСЛАВИЛ ДЕСАНТ»

Чтобы говорить о качканарцах десантниках, необходимо немного знать историю самого города. 58 лет назад на всесоюзную комсомольскую стройку прибыла молодежь со всего, тогда еще необъятного Советского Союза. Приехали романтики, люди сильные духом, приехали те, кто своим трудом хотел продолжить великую историю нашей Родины. Говорю это без пафоса, потому что так жили, так были воспитаны и эту веру они передали нам, своим детям. Сколько национальностей трудилось на ударной комсомольской стройке, сейчас трудно сказать. Но то, что вновь созданные молодые семьи дали сильный приток обновленной крови, это правда. Любовь – не знает границ и национальностей. Грузин и русская, татарин и украинка, азербайджанцы, евреи, удмурты, башкиры... Сколько было создано многонациональных семей, и самое главное какие у них родились дети. Мы и сейчас гордимся нашим, уже третьим поколением детей, их яркими победами в спорте, искусстве, учебе, работе.

А первое поколение? Здоровые, живые, активные, как и их родители, а главное верящие в то, что наша страна самая лучшая, наша Родина великая и нерушимая. Скажите, время было таким. Да время было другое. И вместе с молодежью, город строили более восьмисот ветеранов Великой Отечественной войны. Представьте эту внушительную колонну 9 мая, марш «Прощание Славянки», блеск и тихий перезвон медалей и наши еще молодые деда идущие торжественным парадом по улицам города. Вспомните, как во дворах накрывали общие столы, пили за Победу, пели песни о войне. Мы, сопливые пацаны, крутились тут же, рядом. Ловили каждое слово сказанное дедами – героями, с трепетом прикасаясь к боевым наградам на их груди. Ни какие современные тренинги и уроки по воспитанию не заменят тех уроков жизни, что преподали нам ветераны той великой войны. И самое важное, что большинство из нас вынесло из детства это – я хочу быть как они,

наши славные деды. Хочу, что бы Родина так же гордилась моими делами и поступками. Наверное, по этому и шли служить в те войска, которые составляли элиту Советской Армии. Вчерашние мальчишки, воспитанные на примере героя – пограничника Н. Ф. Карацупы, шли защищать границы нашей Родины. Те, кто бредил океанскими просторами, штормами и дальними странами – служили в военно-морском флоте. А мы болели небом, вслушивались в звонкие и короткие как выстрел девизы – «С неба – в бой», «Есть десантные войска, и нет задач невыполнимых!» Но, пожалуй, самым важным из всех девизов, определивших наш выбор служить в десантных войсках, был девиз «Никто, кроме нас!». Вот она основа и главная составляющая Воздушно-десантных войск. На ней держалась и будет держаться честь и слава русского десанта. Это не тот, парадно-лакированный шик сдвинутых набекрень беретов и начищенных до сияния блях, а пропахший потом, сбитыми костяшками рук, кровяными мозолями ратный труд солдат и офицеров, труд во все времена считавшийся почетной обязанностью гражданина Отечества.

«Попал в ВДВ – гордись, не попал – радуйся!» – эту поговорку можно воспринимать и в шутку, и в серьез. В шутку – это сейчас, за праздничным столом, когда служба осталась позади и все тяготы и лишения воспринимаются с юмором. Любая армейская служба состоит из людей. И как эти люди несут службу, такое и отношение к этому роду войск. Долго ли продержался бы ореол славы и романтичности десантных войск, не имея под собой основания? Думаю, вряд ли, особенно в той среде, что называется Армия. Армия – закрытое сообщество со своими законами и уставами. И хотим мы это или нет, это сообщество ежедневно требует доказательств твоей принадлежности к тому, что называется элитой вооруженных сил. И здесь не поможет шустрый чиновник, отписавшийся, что мы самые лучшие. Пахать – значит выкладываться по полной и даже больше, казалось бы в обыденных учебных буднях. И ты спрашиваешь себя в минуты слабости «Зачем, не война же?». И только чуть позже понимаешь, что доведенные до автоматизма военные навыки, позволяют действовать в любой сложной ситуации четко и слаженно. Спросите любого человека – мастера своего дела, будь то спортсмен или художник, плотник или учитель, легко ли досталось ему его мастерство, каким он обладает сегодня, думаю, ответ будет однозначным.

Главная цель создания воздушно-десантных войск – действовать автономно, в глубоком тылу противника. И не просто отсиживать

ся «до прихода наших», а вести активные боевые действия. Отсюда проистекают и такие простые вещи как – плечо товарища, десантное братство и опять же подтвержденное боевым опытом – «Сбили с ног, сражайся на коленях, встать не можешь – лежачий наступай!». Тяжелая служба, да тяжелая, поэтому еще в начале службы, в учебных подразделениях, были случаи, когда направляли рапорта с просьбой перевести служить в другие войска. Кто не выдержал, бог им судья, по крайней мере, честно ушли, что бы в трудную минуту не подвести товарищей. Кто остался, выдержал, сохранят свой боевой опыт на всю оставшуюся жизнь. Бывших десантников не бывает, мы можем называть их ветеранами, но это не меняет сути, прошедших суровую армейскую школу каждый из них останется до конца жизни верным защитником своей Родины.

Кто же они – качканарские десантники, своим ратным и повседневным трудом поддерживающие честь и славу нашего города. В первую очередь хотелось бы отметить ветеранов – афганцев создавших в 1989 году военно-спортивный клуб «Афганец». Данный клуб стал отправной точкой для объединения не только ветеранов боевых действий, ветеранов воздушно-десантных войск, но и стал серьезной площадкой для подготовки молодежи к службе в армии. В 1987 году инициативная группа, в которую вошли: Порываев Д., Жеребцов А., Воронин О., Малышев О., Кудряшев В., Лабухин М., Поченигин Д., Утузиков Л., Воронков Е., Дерышев О., Черноскутов О., Просыпкин А., совместно с 20-ю «трудными» подростками состоящими на учете в детской комнате милиции приступили к ремонту

и созданию клуба. Название «Афганец» пришло само, из народа. Кто строит – афганцы, где – у афганцев, так и прижилось, и даже пацанов, что помогали строить, а в последующем и занимались в этом клубе стали звать – афганцы. 27 декабря 1989 года по адресу 10 микрорайон дом 20 был открыт военно-спортивный клуб «Афганец» имени Михаила Ладейщикова погибшего в Афганистане. Славные традиции клуба живы и сейчас, даже после того, как клуб переехал в более комфортное помещение бывшей школы №2.

За 25-летний период клуб выпустил более 800 воспитанников, часть из которых прошли службу в горячих точках, награждены орденами и медалями Российской Федерации. Многие продолжили славную традицию своих старших товарищей – с честью и достоинством отслужив в воздушно-десантных войсках. Особенно ярко на этом фоне судьба тех 20 ребят, кто принимал участие в создании клуба, а в дальнейшем отслужил в ВДВ. Это – Павел Беляков, Дмитрий Кислицын, Дмитрий Любимов, Андрей Покаляев, Александр Сильных, Дмитрий Гусельников и другие.

Стоит отметить, что такую серьезную подготовку молодежь смогла получить благодаря руководству и тренерскому составу клуба, состоящему в основном из ветеранов афганской и чеченской войны, десантников. Это ветераны афганской войны, десантники – директор клуба с 1989 по 2001 г. – Порываев Д. П., Жеребцов А. Н. – директор клуба с 2001 по 2003 г. тренер по пауэрлифтингу Лабухин М. М., тренер по рукопашному бою, ветеран афганской войны, пограничник Зотин Э. Н., тренер по рукопашному бою ветеран чеченской войны, морской пехотинец Лобода О. В.

С 2006 г. по настоящее время клуб возглавляет Арапов Николай Александрович. Грамотно выстроенная система работы позволяет

добиваться воспитанникам клуба высоких результатов. С 2011 по 2014 г. клуб «Афганец» постоянный призер соревнований по военно-прикладному многоборью среди военно – спортивных клубов Северного управленческого округа Свердловской области. В 2008 г. клуб стал победителем соревнований по военно – прикладному многоборью Свердловской области. Основным составом, защищающим честь клуба и города на различного уровня соревнованиях являются воспитанники клубного формирования «350-й Парашютно-десантный полк».

В 1997 г. ветераны локальных войн, ветераны ВДВ обратились с инициативой в администрацию города по созданию памятника качканарцам, погибшим при исполнении воинского долга. Следует отдать должное мэру города Сухомлину Виктору Степановичу за оперативность в решении данного вопроса. 18 декабря 1997 г. выходит постановление главы администрации города Качканара о строительстве памятника. А уже 31 августа 1998 г. памятник был торжественно открыт в парке «Строитель». Сегодня на мраморных плитах высечено 38 фамилий качканарцев погибших при исполнении воинского долга. 18 из них погибли в локальных войнах, 5 человек служили в воздушно-десантных войсках. Качканарцы-десантники с честью и до конца выполнили свой воинский долг. Нуриев Гаптельбар- служил в 345 отдельном парашютно- десантном полку. Погиб, прикрывая вынос раненых в Афганистане 12 марта

1981 года. Награжден орденом «Красной звезды» посмертно. Ладейщиков Михаил – служил в 350 парашютно-десантном полку 103 воздушно-десантной дивизии. Погиб, закрыв грудью командира взвода в Афганистане 20 марта 1984 года. Награжден орденом «Красной звезды» посмертно. Вепрев Владимир – служил в 357 парашютно-десантном полку 103 воздушно-десантной дивизии. Погиб, прикрывая отход боевой группы в Афганистане 23 августа 1984 года. Награжден орденом «Красной звезды» посмертно. Шумихин Евгений – служил в 345 отдельном парашютно-десантном полку. Погиб в бою, удерживая господствующую высоту в Афганистане 12 сентября 1984 года. Награжден орденом «Красной звезды» посмертно. Сергеев Андрей – служил в 317 парашютно – десантном полку 103 воздушно – десантной дивизии. После срочной службы в Афганистане вернулся домой. В 1993 году ушел служить по контракту на таджикско – афганскую границу. Погиб при подрыве фугаса 29 августа 1994 года. Награжден медалью «За боевые заслуги».

Как уже говорилось выше, Качканар кузница молодой, здоровой молодежи. Как факт, на долю первого поколения выпал Афганистан, а после распада Советского Союза и другие локальные войны и конфликты. Одна из самых кровопролитных для города стала война в Чеченской Республике, в которой мы потеряли 12 качканарцев. Те же, кто вернулся с этих объявленных и необъявленных войн с гордостью носят звание ветеран боевых действий. Многие ветераны боевых действий, десантники за свой ратный труд награж-

дены орденами и медалями. Мы гордимся такими ветеранами ВДВ как Просыпкин Александр – награжден орденом «Красной звезды», медалью «За отвагу», знаком «За разминирование», Лабухин Михаил – медаль «За отвагу», афганской медалью «За отвагу и мужество», Мостный Борис кавалер двух медалей «За отвагу», Жубрин Александр кавалер двух орденов «Мужества» и многими другими, с честью выполнившими поставленные боевые задачи. В 70-летний юбилей Победы советского народа в Великой Отечественной войне именно ветераны десантники стали достойными участниками военного парада проходившего в нашем городе 9 мая.

Пять лет назад, когда мы запускали наш проект – сбор средств на икону Ильи-пророка, были определенные сомнения. Сможем ли собрать, успеем ли к юбилею? Успели, но самое удивительное, что проект поддержали не только десантники, но многие жители нашего города. Переданная в наш православный храм «Воскресения Христова» икона Ильи-пророка заняла свое почетное место. Для десантников города стало доброй традицией начинать свой праздник со службы в Храме. И это не дань моде, и не атрибут веселого праздника. Это наше отношение к жизни и к Богу. Наверное поэтому очередной народный проект «Журавли», где на равне со всеми жителями города участвуют и ветераны десантники при всей своей трудности стал реальным как и наш девиз «Есть десантные войска,

и нет задач не выполнимых». За три с половиной года восстановлено 7 памятников в местах захоронения качканарцев погибших в локальных войнах. В 85-летний юбилей Воздушно-десантных войск десантники совместно с жителями города намерены завершить данный проект, восстановив две оставшиеся могилы погибших качканарцев.

Радует и отношение Администрации города (Глава Набоких С.М.), Думы Качканарского городского округа (председатель Русских Г. В.) к работе организации качканарских десантников.

Выделенное в 2013 году помещение преобразилось в «Центр ветеранов боевых действий и военной службы». Важную роль в открытии Центра сыграл грант в размере 1 миллиона рублей на ремонт помещения от Благотворительного фонда «ЕВРАЗ». И это не единственное участие фонда – в 2015 году он выделил 200 тысяч рублей на создание музейно-выставочной экспозиции Центра. Руководители малого и среднего бизнеса города, так же не оставляют без внимания обращения ветеранов десантников. Поэтому, еще раз хотелось бы подчеркнуть, что такое отношение необходимо заслужить, что десантники города Качканара доказывают своими делами и поступками.

Воздушно-десантные войска национальное достояние России. Честь и гордость Российской Армии. Меня, как и всех, кто носил тельняшку и голубой берет, волнует будущее наших Вооруженных сил. Волнует до скрипа зубов, порой до мата. Поэтому, когда 2 августа в едином порыве убеленный сединами ветеран и только что отслуживший еще юный, но уже десантник скандируют – «За ВДВ! За Маргелова», на душе становится теплей. Не все потерянно. Когда наш праздник превратился в общегородской, и жители города не шарахаются от пьяной десантуры, а идут на мероприятия всей семьей, а заботливые мамы поправляют на малышах тельняшки и съехавшие набекрень береты, не все потерянно. Если в нас верят, не все потерянно.

Чистого Вам голубого неба. За ВДВ, за Качканар!

Солдатские мемуары

Никто кроме нас. АБХАЗИЯ

Павел БЕЛЯКОВ

Павел Фёдорович Беляков родился в 1972 году в Качканаре. Закончил 8 классов школы №2 и СПТУ №87 по специальности «Сварщик». В 1990-1992 годах служил в рядах Вооружённых Сил. После увольнения в запас работал в частной организации. С 1996 года по настоящее время работает в Качканарском ГОКе.

СЕРЬЁЗНЫХ ЭКСЦЕССОВ НЕ БЫЛО

То, что буду служить в воздушно-десантных войсках – для меня было очевидно. Дело в том, что я один из первых строителей военно-спортивного клуба «Афганец». Ребят-афганцев знаю практически всех, общался с ними ещё при строительстве клуба. Тогда был ещё подростком, трудным причём. А Дмитрий Павлович Порываев собирал всех, в том числе через детскую комнату милиции. Собрались с ребятами: «Пойдём, попробуем». Попробовали. Затянуло, и клуб стал родным домом. Ходили в будущий клуб после уроков. Начали с самого начала, с подвала – там всё было захламлено, хоть и бомбоубежище было. Мусор оттуда вытаскивали, пилили, строгали, ...

Где служить – для меня было решено. Даже маме устроил небольшой концертик. Она на радиозаводе работала. Где-то я прослышал, что могут не забрать в связи с работой родителей. А я к тому же хотел попасть в Афганистан. Но – обошлось. С 16 или 17 лет вызывали заранее в военкомат. Спрашивали, не желаешь ли съездить на прыжки? Да, желаю! Отпрыгался – попал куда хотел. Попал без по-

сторонней помощи. И форма всегда нравилась: десантник – это десантник! Форма красивая, ребята brave. А мы пацанами тем более были. На «ура» всё это принималось.

Уходил из Советского Союза, вернулся в Россию. В учебке, в Литве в Гайжюнае, ещё ходили голосовать за сохранения Советского Союза. И в Литве обстановка как бы ещё ничего была.

Учебка – полгода. Сильная учебка, довольно-таки серьёзная была контора. Мощная, по сравнению с армией, я имею в виду с войсками. Попал в командирскую роту, где готовили младших командиров.

Закончил учебку, получил звание младшего сержанта. Предоставили несколько пунктов перевода. Один пункт был такой: Кировабад. Разговоры шли, что горячая точка, живут в окопах, кормят вшей... Туда не ходите, там тяжело. Чуть ли не война. Написал заявление по собственному желанию и пошёл именно в Кировабад. Хотел попасть туда, где потяжелее.

6 июня нас туда отправили. По прилету, привезли в штаб, где до ночи нас распределяли по подразделениям. Ночью отправили в полк. Я попал в героический 345-й полк. После вывода из Афганистана, он дислоцировался в Азербайджане. Там, видать, до этого была какая-то часть: с казармами, с парком. Я застал дембелей, которые ещё при афганцах служили. Отцы-командиры ещё кое-кто попадались, но потом их поменяли. Но дух афганский всё равно присутствовал.

Сначала попал в батальон – прослужив там недели полторы. Формировали разведроту: собирали со всего полка в разведчики. Попросился в разведчики – и попал в разведроту – командиром отделения. Тяжеловато было. Во-первых, жара. А во-вторых, в разведке служба лёгкой не бывает, разведка она есть разведка. Командир у нас был крутой. Было такое дело Холодова, когда в 1994 году в результате взрыва в редакции газеты «Московский комсомолец» погиб известный журналист. Обвинили в этом офицеров-десантников, в том числе бывшего командира моей роты Морозова. Их судили несколько раз, но оправдывали за недоказанностью. Очень толковый был командир, одним словом – вояка. Все командиры рот уже ходили в капитанах, а он – всё в старших лейтенантах – такой характер был. Потом его перевели в Медвежьи озёра, он ещё в Абхазию к нам приезжал.

Бытовые условия были сносные – особенно у нас в разведке. Там служили уважающие себя люди, поэтому всё вовремя стиралось, гладилось, всё прибиралось. Ни как в батальоне. В батальоне одна взлёт-

ка – две роты 7-я и 8-я по бокам; в одной роте 5 человек ночью дежурят, в другой 5 человек дежурят, утром в одной роте дембеля просыпаются без тельников, и в другой дембеля просыпаются без тельников – украли. А у нас – деньги в тумбочке спокойно лежали. Тельняшку постирал – никто не тронет. Уважение к разведке полковой было.

Никакой воды только настой из верблюжьей колючки. Воду запрещали пить насторого. Если ты воды попил – две недели дизентерии обеспечено. Отдельно за полком палатка стояла для заболевших, и вырыли окоп вместо туалета. На построении могли проверить, к любому подойти проверить фляжку: если пустая или просто вода без верблюжьей колючки – получал своё, жёстко наказывали. В Азербайджане сырую воду не пили вообще.

Разведка всегда впереди поэтому тяжелых моментов хватало. В командировки очень часто ездили. В Тбилиси, например. У меня за службу было 4-5 командировок в Тбилиси: сопровождение машин. Когда расформировывался медицинский склад Закавказского военного округа – оттуда мы медикаменты вывозили, по 16-20 машин сопровождали. Именно разведчики. Раз отправили комендантскую роту без нашего сопровождения – их разоружили полностью. А мы без ЧП нормально ходили.

В Азербайджане, буквально через полгода, нас стали выставлять на посты – по 2-3 человека по периметру полка. Обстановка становилась напряжённой. Уже местные стали борзеть, машины у военных отбирать. Если раньше машина ходила по городу без сопровождения, то потом местные стали тупо останавливать машину, выбрасывали водителя, офицера – и угоняли. Ездили как? Обкладываем кузов полностью мешками с песком, сами ложимся в кузов и так гоняли по городу. Случались и стычки при попытках завладеть техникой. Как-то прилетает ГАЗ-66: забрали две машины! Дежурному по части доклад, нас быстро по боевой в машину. Взяли мы их всех – местных жителей, но почему-то в военной форме. Каких либо серьезных претензий к нам со стороны местного населения не было, но это на уровне простых работяг, а вот видать чуть повыше... Может голову им забили. Вскоре у азербайджанцев стали появляться военные формирования. У нас одна рота летала на вертолетах в Нагорный Карабах – помогали выводили **366** полк. Напряженная обстановка усиливалась.

Полк был готов в любое время выйти на боевую задачу. Каждую субботу парко-хозяйственный день, чистка оружия, экипажи свои боевые машины готовят, автобат свои. За оружием смотрели – не дай Бог.

В один из дней – объявляется тревога. Боевое построение. Собирается всё, грузится на машины. Потом – на аэродром. Полностью весь полк. Личный состав на машинах, БЭХи – своим ходом колонной. В самолёт грузимся – и полетели. В комплект вооружения входили бронник, каска, автомат, сухой паёк, РД, форма, бушлаты. У меня, как командира отделения, был бинокль ночного видения. Летели – не знали куда. Мне вообще ни о чём не говорило: что за Абхазия, что за страна? Второй раз в жизни приземлялся на самолёте, обычно – на парашюте – 18 прыжков. Прилетели – куда, что? Видим – юг. Что за место? Потом уже выяснили – Абхазия! С Грузией воюет. Но это все на уровне разговоров. Уже потом, когда обосновались, на построение полка довели: мы должны, мы обязаны помочь дружественному народу.

Приземлились – обложили аэродром Гудаута. Самолёты выгрузились и полк двинулся своей колонной. В 3-4 км от аэродрома когда-то воинская часть была, необорудованная. Сначала наши солдаты в спальниках ночевали, потом потихоньку обустроились. Распределили – кого в лабораторию на гору Афон, на космическую точку батальон отправили – ходили мы туда, раза 3 сопровождали. Разведчики лично оборудовали КПП – потом его за нами и закрепили. Высшие офицеры, весь генералитет, жили в санатории – нас поставили охранять санаторий.

Потом нас в Пицунду закидывали – на вертолётах. Жили там 3 недели: точки охраняли, а большинство – на сопровождение машин. Офицер полковой едет, машины 2-3 берёт, разведчиков посадил и поехал. С Адлера гоняли продукты в Гудауты через Гагры, в Россию едем загружаемся и обратно едем. То есть в основном сопровождение. Боестолкновений, как таковых не было, под обстрел попадали часто. Попадали жёстко. Ну ничего, нормально. Потерь не было

А с абхазами пересекались мало: военное положение, поэтому контакты с местными не приветствовалось. В населенных пунктах много разрушений, постоянные канонады, обстрелы. Первый раз там услышал про чеченов. Может байки, но в каждой байке есть доля правды. Стоит один чеченец с ножом в окружении 15 грузинов и подойти к нему боятся. Автомобиль УАЗ с пулеметом ДШК ходил чеченский. Слышал, вырезали танки полностью, один чеченец мог вырезать ножом весь экипаж танка. Ребята серьёзные были.

Бытовые условия были нормальные. Начали обустроиваться окультуриваться. Казарму стали ремонтировать – собственными руками. Нас учили: где десантник, там должен быть порядок. Поэтому стара-

лись. Мой дембельский аккорд – сделать ленинскую комнату от начала до конца – и я улетел одним из первых. Стояли титаны с горячей водой. Кто хотел – ходил чистым, побритым, подшитым. Нас за это спрашивали очень серьезно. Был у нас старшина – хохол, большой, здоровый, лысый. Он ловил батальоновских солдатиков. Идёт такое чадо – нестиранное, небритое. Он его ловит, ведёт в казарму, в душевую, даёт ему мыло и мочалку и он на себе одежду стирал. «Вот так должен выглядеть настоящий десантник, а не так, как ты ходишь».

Питание было добротное. Но как с учебки уехал, больше тарелок не видел, только котелки. В Абхазии было полегче – там вода другая.

Про командиров. Когда пришёл в разведроту, у нас на стажировке были курсанты рязанского училища. Через какое-то время вернулись обратно. Серьёзные ребята. У них ещё внутри кураж. С моей службы прошло 22 года, я своего взводного нашёл перед новым 2015 годом. Долго искал, но нашёл, он в Челябинске сейчас, только что вышел на пенсию. Другой, его потом поставили командиром роты, сейчас на генеральской должности. Ребята серьёзные были.

Годы службы хорошо вспоминаются, но тяжело было. Побегай каждый день по 10 км утром, в обед и вечером. Марш броски постоянно. А в выходной для солдата – это, если выходной – то активный, как праздник – то спортивный. Беготни было много. Так как полк небольшой, в наряды ходили в основном 27-29 караулов, но в наряд по столовой мы не ходили. Начальник штаба разведку уважал очень сильно. У нас полк-то был небольшой – чтоб не соврать 356 человек, недокомплект, рота 30-32 человек, а по штату – 54. Отделение – экипаж машины БМД.

Развала страны, бардака не ощущалось. Уходил из дома – всё было нормально, добротно, всё по человечески. Первый раз там сникерс попробовал. Первый раз пошли в самоволку в город, походили по комкам, посмотрели: турецкое всё – там же рядом. Ребята-дембеля там закупались, гражданку брали. Посмотрели, что такое коммерция.

Служба оставила яркие ощущения. Я ведь до армии нигде толком не бывал, а в армии поездили везде, посмотрели. Даже на море побывал. Вспоминается только хорошее. Вино там отличное было. Отправили мы как-то молодого за вином, дали денег, он принёс 10-литровую канистру. Посидели с сослуживцами. На утро встаёшь – ни во рту, ни в голове. Посылаем второй раз – возвращается раздетым, в подштанниках. Что случилось? Давай его пытаться. Оказывается, он увидел, что дед наливает вино в гараже. Зачем деньги тратить? Он взломал гараж, налил десяточку и принес нам. Когда мы его отпра-

вили второй раз, он смотрит: на гараже замок, деда нет. Вскрывает – а дед сидит с ружьём, его ждёт. Мы собрали тушёнки, сходили к деду, он нас понял, договорились, чтобы никаких обид на солдат не было. Первый раз попробовал коньячный спирт. С товарищем с Каменска – мы с ним вёдрами ели хурму «королёк» – она не вяжет и в ней большое содержание йода. И грецкие орехи.

Поездили по дачам государственным – всё было брошено. Как-то раз сидели в одном здании, с нами был инженер-подполковник. Он говорит: «Знаете, где вы сидите? Здесь снималась знаменитая сцена из фильма «Весёлые ребята».

Природа – шикарная. Даже в октябре купались. Рыбку половил.

На 100 дней до приказа барана приготовили. Он у нас пасся на колышке за казармой. Кто только на него глаз не положил. Не отдали

В Абхазии у нас самоволок не было там посерьёзнее. В Азербайджане люди привыкли – полк не первый год стоит, с местными отношения более менее нормальные, а в Абхазии – боевая обстановка, там не до смеху, не дай Бог где-то попадёшься. Хотя серьёзных эксцессов не было.

У абхазов своих воинских формирований не было, дембелей наших уговаривали, предлагали остаться. У них своих-то вояк не сказать, чтоб много было. Поэтому и появились чечены, русских добровольцев было много. Были предложения. Тогда контракта не было, была сверхсрочная служба. Когда увольнялся, мы впятером хотели остаться и продолжить службу, но у нас было условие: отпустить в отпуск домой. Но нам сказали: либо да – либо нет. Отказали – мы развернулись и ушли.

Улетал 30 ноября. С утра ждали борт – кто в гражданском, кто в военном. Борт прибыл после обеда. Планировали до Краснодара – там погоды не было. Посадили в Таганроге, оттуда – до Ростова, с Ростова до Москвы, с Москвы – домой. Вылетал из Абхазии, было плюс 17, дома – минус 32. Прибыл в Качканар 4 декабря – на последней электричке. Фруктов привёз родителям целую парашютную сумку.

Сначала работал у частного. В 1996 году ушёл в ГОК, работаю на шихте, на том месте, где работал отец. Закончил строительный техникум. Сыну два года, друг ему десантный берет подарил. Поддерживаю отношения с сослуживцами. Ротного своего нашёл, взводного...

Служба в Абхазии не приравнивается к участию в боевых действиях. В 1994 году туда пришли миротворцы. Пока тишина.

Дмитрий ХАМИДУЛИН

Хамидулин Дмитрий Халимович родился в Качканаре 25 ноября 1979 года. Закончил школу №5, закончил автошколу. С 1997 по 2000 год служил в Вооруженных силах. В 1999–2000 годах в должности командира отделения проходил военную службу в составе объединённой группировки войск на территории Северо-Кавказского региона. После увольнения в запас работает.

ЭТО РАЙ, НО СПАЛИ В БРОНЕЖИЛЕТАХ

В армию пошёл в 1997 году. С Качканара нас призвали человек 20. Почти все попали в учебный центр в Ишиме. Готовили нас на командиров САУ 2С9, «Нюрками» мы их называли. Полгода отслужили, многому чему нас там научили. И мы поехали до Тулы, в Тульскую дивизию, где нас начали формировать. Мы, 5 человек, попали в Рязань, в 137-й парашютно-десантный полк. Так как мы артиллеристы, нас сразу же определили в батарею. Через полгода меня назначили в роту молодых солдат сержантом. Там полгода побыл – и написал рапорт в Абхазию. В Рязани встретил земляка постарше меня призывом, а он там был. Мы с ним поговорили. Он рассказал, что там нормально, миротворческие силы, тепло, фрукты... Молодой был, что делать. В последствии – не пожалел. Побыли в Рязани ещё, наверное, месяца два. Нас, желающих ехать, было человек 60–80. Подучили ещё, подготовили, и мае месяце улетели в Абхазию. Мы подписали контракт на полгода.

Приземлились в Гудауте, меняли батальон на батальон. Сразу бросилось в глаза, какая там шикарная природа! Воздух какой! Море от нас, если по хорошей дороге идти по асфальту – километра два. Возможность была – мы купались. Зимы не было. За всё время службы (а там я продлил контракт), снег выпал один раз, день пролежал и – растаял. Больше не было. Они два урожая в год снимают. Апельсины, мандарины, орехи, айва... Курорт! Только вот спали в бронежилетах, а автоматы сдавали только на ночь. Это был грузино-абхазский конфликт.

Место, где стояли – невзрачное: рядом дорога, мы были в низине, у нас всё просматривалось. Мы несли караульную службу: караулы, караулы, караулы – всю службу. Бывало и сутками нас не меняли.

Ходил и разводящим, и помощником начальника караула, и начальником караула. По уставу, если не больше трёх постов, то сержантский состав имеет право идти начальниками караула. Офицеров не хватало – ходили сержанты. Был караул три поста: склады ГСМ, а большой караул – это склады оружия, боеприпасов, техника – 7 постов, там уже начальник – офицер. От моря караулка была в 200 метров. Сначала было тяжковато с непривычки. Форма просто сгорала, чуть ли не белой становилась, солнце постоянно светит, жарко, душняк, а потом привыкли.

Были некоторые конфликты: и стреляли, были обстрелы караулов. Как-то было дело. Однажды караульный вынужден был стрелять: одного ранил, а второго убил. Другой случай. Привезли в Гудауту дизтопливо в бочках, оставляли на вокзале, выставляли караул, случился конфликт с местными, а они – люди горячие, если он сказал – он сделал. И в этом случае: пошёл, взял автомат и начал палить, троих ранил. У местного населения было много оружия после войны с грузинами.

2 августа был праздник. Я в этот день попал в наряд быстрого реагирования в батальоне. Это когда по два человека ходят с автоматами, с рацией вокруг батальона, а два в штабе сидели. Уже стемнело, и нас начали обстреливать. Ну и всё, все в ружьё, давай стрелять. А как стрелять? Дорога центральная, гора, жилые дома – обстрел

шёл оттуда. Парни увидели, что в одном доме замелькало, по дому постреляли, вроде как успокоилось, никого не убили.

Выходов каких-то не было. Мы, 1-й батальон несли караульную службу, а выше в горах были посты – это 2-й батальон.

Поэтому были своеобразные учения: сколачивали большие мишени, выставляли их в море и с берега по нему стреляли – из чего только можно. Раз мы миротворцы – какие нам выходы?

В части был порядок, за него спрашивали: чистота, никакого мусора. Мне кажется, так везде было, в каждом полку, в каждой части. Порядок – это главное.

С местным населением общались, они – народ в основном дружелюбный, но были и такие, кто не любил русский народ.

Кормили нормально, но были и натяжные времена. Но мы ведь были контрактниками, получали деньги, поэтому ни в чём себе не отказывали. Кабачки были, прямо в батальоне местные замутили кабачок: пожалуйста, приходи обедать – пельмешки, борщик – недорого, в любое время.

Окно в мир – телевизор: два канала – первый и второй. Вот там я увидел Качканар периода делёжки ГОКа. Пацаны говорят: «Димон, ты же с Урала, смотри: там война какая-то, захват». «Рябинушку» показали, перекрёсток, народ там толпился. Даже приятно было.

В общей сложности служил два с половиной года. Отслужил год в Абхазии, хотел поехать в Югославию, но что-то в последний момент передумал. Поехал домой, устроился в охрану. Потом сильно пожалел. Друг позвонил, говорит, зря не поехал, тут почти половина нашей роты.

Армию вспоминаю хорошо. Побывал во многих городах. А Абхазия – это рай. Я домой приехал в мае месяце – уже загорелый был.

Никто кроме нас: АФГАНИСТАН

Марат ГИМАТУТДИНОВ

Марат Равильевич Гиматутдинов родился 15 октября 1967 года в Качканаре. В 1983 году закончил 8 классов средней школы №2, в 1987 – Исовский геологический техникум по специальности «геофизик». Работал бурильщиком на Западном карьере Качканарского ГОКа. В 1987-1989 годах проходил действительную военную службу. После увольнения в запас продолжил работать в Качканарском ГОКе.

ОГРОМНОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ – ЭТО ВТОРОЙ ЭТАП ВЫВОДА 40-ОЙ АРМИИ

Когда пришло времечко идти служить в армию, вопроса как от нее откосить – не было, поэтому, получив повестку 4 мая 1987 года, отправился в военкомат. Начальник 2 отделения майор Саркисов выдал мне и еще двум призывникам документы, и мы втроем без сопровождающего на поезде поехали на призывной пункт Егоршино. Из Егоршино попал в Литву в Гайжюнайскую учебку ВДВ. На распределительном пункте в/ч 42227 сопровождающие сержанты предупредили, что второй батальон всегда готовят к прохождению службы в Афганистане, поэтому кто не желает попасть в Афганистан, должен проситься в первый или третий батальоны. На комиссии меня никто не спрашивал, где я хочу служить, просто определили во второй «Афганский» батальон в роту командиров отделения, чему я был рад, так как очень много парней желали попасть в этот батальон.

Закончив учебку, самолетами ИЛ-76 через Фергану нас начали перебрасывать в Демократическую Республику Афганистан. Наш борт 4 ноября 1987 года приземлился на Кабульском аэродроме.

Все необычно. Вокруг огромные горы. Жара. В горле першит пыль. Построили в колонну и сопровождали в 350-й полк 103-ей гвардейской Витебской дивизии, которой командовал Павел Грачев. (впоследствии министр обороны России).

Был уже вечер. Построили на плацу. Стоим, обливаемся седьмым потом. Подходят дембея, кутаются в бушлаты. Мы понять не можем, нам жарко, а им холодно. Но после акклиматизации все стало ясно, что такое разница температур днем и вечером.

Дальше как в кино. Стали задавать вопросы: «Кто? Откуда? Есть ли со Свердловской области?» Отвечаю: «Есть!»

– Из какого города?

– Из Качканара.

Подходит ко мне старшина, узнаю Юрку Любимова. Мы с ним в детстве жили в одном доме, вместе гоняли футбол и хоккей во дворе. Пообщаться по нормальному не успели. Нас завели в клуб полка, где сразу прочитали лекцию о том, что покидать воинскую часть самостоятельно нельзя как бы трудно нам не было, и показали фотографии с обезображенными телами наших солдат, перерезанные горла, «колумбийские» галстуки. В клубе и ночевали.

На следующее утро распределили по полкам, батальонам и ротам. Я попал во второй батальон 350-го полка в 4-ю ПДР. В этот же полк в первый батальон распределили моего земляка – Воробьева Славу.

Пока две недели шёл курс молодого бойца, Юрка часто заходил ко мне в роту, и мы подолгу с ним разговаривали. Он спрашивал меня о городе, а я его о службе в Афганистане. А через неделю Юрка дождался свой борт и улетел домой.

И вот первая серьезная война «Хост». Ротный приказал, на эту войну пойдут все «гансы» (т.е. молодые). Начались сборы. В первую

очередь сделали смертники (На маленьком листочке пишешь кто ты, откуда. Сворачиваешь и засовываешь в пустую гильзу, пришиваешь на воротник х/б). Собрали рюкзаки. У дембелей были обыкновенные картофельные рюкзаки, а гансам достались смешные рюкзаки. Это два сшитых РД (рюкзак десантника), они похожи не на рюкзак, а на растянутую гармошку. Туда надо упаковать два боекомплекта патронов и ручных гранат, несколько гранат для подствольного гранатомета, сухпайков на трое суток, две литровые фляги воды, сверху положить спальник плюс часть боекомплекта, приданого минометного взвода – 2 «огурца» (мины). И с этой гармошкой примерно в 40 кг надо не один день идти по горам, это очень тяжело. Кто не мог все это тащить, того надо было разгружать, т.е. часть груза «умершего» надо было распределить по боевой тройке, а то и по взводу, чтобы рота из-за того парня не отстала от впереди идущих и не тормозила тех, кто идет за ней.

В горах нашими парнями были найдены склады с боеприпасами, оружием и обмундированием. В ходе операции у нас поменялись рюкзаки, а вместо советских ватных спальников появились пакистанские нейлоновые. На этой войне мы провели почти 2 месяца и вернулись с этой боевой операции возмужавшими, понюхавшими пороха, солдатами.

Потом были войны на Гардез, Газни, Джелалабад, сопровождение колонн с гуманитарной помощью для мирного афганского народа, первый этап вывода ограниченного контингента советских войск из Афганистана. Ходила такая шутка: «Пошел на боевые и пострелял, значит сходил на войну; если не пострелял, значит сходил в поход.»

Огромное впечатление от службы – это второй этап вывода 40-ой армии из Афганистана. Основная часть войск вышла в Союз «бортами» ИЛ-76.

Я в качестве наводчика-оператора БМП с колонной на броне выходил через перевал Саланг. Наш полк для обеспечения прикрытия начал движение на 2 недели раньше, чем основная колонна. По дороге, после перевала Саланг, парни занимали самые опасные простреливаемые участки и выставляли блок-посты для безопасного вывода войск. 2-ому батальону, в котором я служил, определили боевую задачу выставить посты около провинции Пули-Хумри. Каждый взвод выставлял «фишку» напротив любого кишлака, даже если там было всего несколько дувалов. Это нужно было для того

чтобы, если в этих мазанках душманы организовали огневую точку, ее можно было мгновенно уничтожить.

Пули-Хумри расположена на равнине. Бронетехнику и палатки спрятать некуда, все как на ладони. Два дня ушло на то, чтобы закопать машины БМП по самую башню, а 10-ти местную палатку полностью, чтобы не было видно макушки. После этого проводить ночи стало спокойнее, так как почти каждую ночь из кишлака нас периодически обстреливали, но мы на эти провокации не отвечали. А вот две последние ночи перед прохождением колонны сами обрабатывали кишлак из танковых пулеметов, поэтому колонна через наш блок-пост, как и через все остальные, прошла ровно.

По мере прохождения колонны снимались блок-посты, и батальоны присоединялись к ней. Дошла очередь и до нас. Влившись на своей БМП в ленту из множества боевых машин, ощутил гордость, что благодаря и моим стараниям вывод прошел благополучно: без потерь личного состава и бронетехники.

13 февраля 1989 года я в составе оставшейся части 40-ой армии пересек границу Афганистана и СССР по мосту через реку Амударью. 15 февраля 1989 года командующий 40-ой армии Громов последним прошел пешком по этому же мосту и вступил на родную землю.

В Термезе мы разгрузили машины от боеприпасов и загнали их на платформы железнодорожного состава. С отправкой состава с боевыми машинами, которые увозили на переплавку, закончилась и Афганская война.

После этого мы загрузились в ИЛ-76, который нас перебросил из Узбекистана в Белоруссию на место постоянной дислокации 350-го полка 103-ей гвардейской дивизии воздушно-десантных войск, где я дослужил до дембеля.

Василий КУЗНЕЦОВ

Кузнецов Василий родился в городе Качканаре. Закончил 8 классов школы № 7 и училище № 87 по специальности «экскаваторщик». После армии 10 лет отработал в Качканарском ГОКе. Закончил техникум. Работал в Горэнерго и в компании «С». Растет сын.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ ЧТО-НИБУДЬ СЛУЧАЛОСЬ

От военкомата направили на прыжки, отпрыгался – и в армию 2 ноября 1987 года. Учебка в Фергане – механик-водитель БТР. В конце мая 1988 года – в Афганистан. Там в Кабул, в 357 полк. Настроение интересное: другая страна, люди вооруженные постоянно с автоматом ходят. Служил в отделении управления начальника артиллерии полка. В отделении было четыре человека. Я – механик – водитель. Мне сказали – я поехал. Патрулировали ночной Кабул. Очень много ездили по нашим заставам в Днехапской долине – 250 в зоне ответственности нашего полка. Сам полк находился в Кабуле, на окраине города, рядом стоял спецназ и 180 полк.

Каждый день что-нибудь случалось. Когда только прилетели, разбомбили нам баню реактивными снарядами. По ночам, если я в части оставался, постоянно обстреливали. У нас норы были вырыты (блиндажи) рядом с модулями – вот мы туда постоянно при обстрелах. Размолотили хлебозавод – месяц на сухарях жили.

В то время проводилась политика национального примирения. Нам запрещалось стрелять. Контроль за этим был жесткий: даже автоматы проверяли у меня даже. Фотографии толком нельзя было сделать, не дай Бог будет номер БТРа. На заставах немного посвободней было, а в полку непосредственно – очень жестко.

На заставах стояли 120-мм орудия «югорки». Офицеры занимались координацией огня. Подвозил арткорректировщиков к горам, а дальше ему пешком, до выбранных позиций. Вез начальника артиллерии подполковника Ларионова Владимира Петровича. Его заместитель – майор Быков, звание это получил в 28 лет. Оба – хорошие мужики. Однажды меня остановил маленький бача. Я вылез, он показывает под колесо: «Мина!» Наши посмотрели – действительно мина.

Зато в другой раз бачата стянули блок от ЗАС (засекреченная аппаратура связи). Мы машину оставляли «зеленым» – афганским солдатам. Блок выдвинули, положили на БТР и проморгали, они как налетели – хлоп-хлоп-нету. Ладно, ключа не было, а без него она – так пустышка.

Мне понравилась одна застава – бывшая резиденция Амина в Кабуле. Она круглая такая и высоко расположена.

Вертушки проходили – я лицо пилота видел.

Из Афганистана – 7 февраля 1989 года. Это был выход. Готовились недели две. Стояли в Хайратоне. Сняли со всех застав, со всех точек, собрали всех в дивизии – построение, прощание, свертывание знамени. Потом в 4 часа подъем, на БТР – и поехали. Койки, матрацы, другое имущество – все оставили дружественной афганской армии. Менялись буквально: мы выходили, они заходили.

Колонна была большая. Местное население по пути реагировало нормально. Правда, встретилась нам какая-то часть, на броне везли ребят – видно, подорвались.

А с нами произошел инцидент при прохождении перевала Саланг. Перед самым тоннелем сошла снежная лавина и три КАМаза снесло в пропасть. Ребят откопали, достали. За исключением этого случая – выход прошел нормально.

Проехали по мосту Дружбы – и в Союзе. За службу в Афганистане получил Почетную грамоту и благодарственное письмо.

Дослуживал в Белоруссии. На дембель – в ноябре 1989 года.

Афганистан – хороший урок. Если бы не вывод, я бы там остался на сверхсрочную.

Андрей ЛОГИНОВ

Андрей Георгиевич Логинов родился 21 мая 1964 года в Качканаре. В 198 году закончил среднюю школу № 3.

В 1982 – 198 годах служил в Вооружённых силах. После службы работал водителем в автобазе № 5, на заводе ЖБИ «Запсибнефтьстрой», в кооперативе «Железобетон». В настоящее время – водитель в АТЦ Качканарского ГОКа. Отец двоих детей.

ОПЕРАЦИИ ПРОВОДИЛИСЬ ПО ВСЕМ НАПРАВЛЕНИЯМ

Учебка в Фергане была короткой: в ноябре 1982 года был призван, а 23 февраля 1983 года встречал уже в 350 полку, в Афганистане.

Первое впечатление? Не цивилизация: кишлаки, люди при оружии ходят. Климат резко континентальный: в горах холодно, в долину спустились – «Африка». В общем, черт знает, куда попал.

Сначала – неделя подготовки. Поводили нас по горам, постреляли. Потом стали ходить на боевые.

Определили меня стрелком. Мне лично не очень трудно было ходить по горам: физическая подготовка была хорошая, пригодилось даже то, что в школе ходили в походы. А если по горам ходишь нормально, то и дембеля к тебе относятся соответственно. Группу всегда сопровождали два сапёра. Иногда это были Дима Порываев или Олег Воронин, которые служили в нашем полку.

Обстрелы? Как без них. Первый раз, когда попали, так я не знал, куда деваться. Нам надо было в кишлак спускаться. Шли по склону, и вдруг начался обстрел: стреляли с этого кишлака. Я сначала в снег зарылся. Гляжу, кто куда спрятался, потом переполз за скалу и там сидел. Стрельнул, может пару раз. Потом начали отходить. Пока в роту выполз, меня всего трясло, толи от мороза, то ли от страха.

И потом под обстрелы попадали. Как-то спускались в Джелалабадскую долину. Спустились, выгрузились, даже костры развели. И вдруг начался миномётный обстрел с ближайшей горки. Там, оказывается, был афганский пост, они нас за боевиков приняли. Разобрались не сразу, но никто не пострадал.

Где-то в октябре 1983 года моя служба сделала поворот. Демблям подходила пора увольняться. Ждать замену? Она могла придти под новый год. И вот механик-водитель поинтересовался, есть ли у меня права? То есть он решил меня подготовить, чтобы не ждать замены. Выслали мне из дома права. Пришли с ним в парк. Я на БТР сел, выехал со стоянки, проехал круг по парку. Дембель ротному докладывает: «Всё, подготовил отлично». Его – домой, меня – на БТР.

Поехали первый раз в горку – БТР у меня греется и греется. Потом вообще сдох. Там два мотора – на одном приехали. Оказывается, не открыл жалюзи. Механик-то не показал, что как открывается. Такая вот подготовка была. Ну что? Новый мотор поставили – там всё быстро делается.

Когда я начинал служить, на вооружении были БМД. Где-то через год их убрали (если подрывалась БМДшка – там все трупы). У меня подрывов не было. Но в нашей роте один БТР подорвался. В принципе, ничего страшного: порвало броню, колесо оторвало, немного контузило механика.

Как готовились к операции? Накануне командир роты строит и объявляет, что ночью выезжаем. Сколько-то человек остаётся: дежурные, наряд и всё такое. Получаем оружие, боеприпасы. Заранее сложились, рюкзаки собрали. Оставили дежурных. Сыграли подъём – идём в парк. Загрузились на броню и поехали. Приехали куда-нибудь в долину. Стрелки пошли, а мы или здесь остаёмся, или отъезжаем в другое место.

Мы – это механик-водитель и оператор-наводчик. Операции проходили по всем направлениям: на север, в Газни, на Бамиан (на вертолёте, по другому не добраться), Пули-Хумри... Нигде не расслабишься.

В Афганистане был двадцать месяцев. Отметили 100 дней до приказа: постриглись налысо, достали для такого случая две бутылки водочки (она там очень дорогая). 16 ноября 1984 года – домой.

Олег МАЛЫШЕВ

МАЛЫШЕВ Олег Геннадьевич родился 19 августа 1966 года в Качканаре. Окончил 8 классов в школе №6 и СПТУ №92 по специальности автослесарь-водитель «С 1984 по 1986 – служба в рядах Вооружённых Сил. – После увольнения в запас устроился на газоспасательную станцию Качканарского ГОКа, где работает по настоящее время. Член Правления Качканарской городской общественной организации «Союз ветеранов Афганистана».

ПОБЫВАТЬ ТАМ – УЖЕ ГЕРОЙСТВО

Были времена, когда я пытался забыть все. Потом были времена, когда я хотел все вспомнить. Но однозначно, когда я вспоминаю службу в Афганистане – волнуюсь, даже давление подпрыгивает. Но сейчас я понял, что помнить все равно надо. Для истории.

Служить я пошел в 1984 году. Что такое ВДВ, мы очень хорошо знали и стремились попасть именно в эти войска. Съездили на прыжки в Нижний Тагил, сделали по три прыжка, выдали нам корочки – что парашютисты.

Тогда всюду полыхала война в Афганистане. Началась война в 79-м, а меня призвали в 84-м, поэтому я знал многих ребят, которые уже пришли оттуда. Миша Лабухин, Толик Жеребцов, брат двоюродный у меня тоже служил – Володя Баранов. Так что были наслышаны об Афганистане. Даже то небольшое, что они рассказывали, все равно производило большое впечатление.

Раньше по-другому были воспитаны, молодёжь более патриотичная была, стремились попасть не просто в армию, а в лучшие войска. А для этого занимались спортом, кто каким мог. И не только в лучшие войска хотели попасть, самый пик тогда был – это попасть на войну в Афганистан. Тогда уже начали приходить цинковые гробы в город, и хотелось отомстить этим «духам». Отомстить за своих друзей и народ. Это потом мы узнали, что там не то что с «духами», а можно сказать со всей Европой и Америкой в то время воевали. И испытывалось оружие: и свое, и американское. И наемники воевали против наших ребят.

Мы, так сказать, баллы набирали, чтобы попасть именно в Афганистан. Определенные плюсики. Что нужно было обязательно?

Чтобы прыжки были, чтобы спортивный разряд был, хотя бы юношеский, ну, и вступление в комсомол тоже. И тогда уже процентов на 90, что попадешь в ВДВ и в Афганистан. Вот и получалось, что нас с города, по меркам нашего Качканара, очень много брали. Более 150-ти человек именно в Афганистане отслужили.

Попал я, через Егоршино, в Литву, в Гайжюнай, в полк, который специально готовил бойцов для Афганистана. Попал я туда с товарищем, Володей Жайворинком – мы учились в одной школе. Сейчас его нет, царствие ему небесное: война преследует нас и после её окончания, не обошла стороной и его. Попали мы в одну учебку, в один полк, в одно отделение с ним, в командирскую роту. Случайно, потому что мы хотели немножко в другое место. В полку были роты: ДШБ, операторов-наводчиков, механиков-водителей, и санинструкторы – такие же солдаты, только с поля боя вытаскивают и могут оказать помощь. Но нас сержанты взяли, не знаю, по каким причинам, но именно в командирскую роту. А командирская рота – это командиры отделения и командиры БМП 2А-42Д.

Изначально на вооружении были БМД – боевые машины десанта. Но они не очень хорошо показали себя в Афганистане, потому что при попадании в машину зажигательным или кумулятивным снарядом, БМД за несколько минут сгорала полностью. Или когда подрывалась (а она из дюралюминия, облегченная), бывало, что ребят заворачивало, как в консервную банку, и они гибли. Поэтому начали десантников пересаживать на БМП. Сначала была БМП-1, а нас уже на БМП-2А-42Д готовили. Днище там усиленное, пушка уже другая была, автоматическая.

Готовили нас тщательно, учебка в Литве на то время была очень сильная: технически оснащенная и, вообще, как в народе говорилось, «глаз за Европой». Не спали ни днем, ни ночью, все бегом, и строевая была, и стреляли с разных видов оружия. Парашютная подготовка тоже была, по три прыжка там сделали. Учения были – и малые, и большие, захваты объектов. Много чего было. Отдыхать не давали, изматывались капитально. Я там похудел, как велосипед спортивный был.

После учебки – Афганистан.

Добирались мы до Афганистана на ТУ-154. Нас одели в х/б, в сапоги, на голову береты, даже «парадку» с собой везли. Экзамены мы сдали еще там, так что настоящими десантниками полетели. Когда

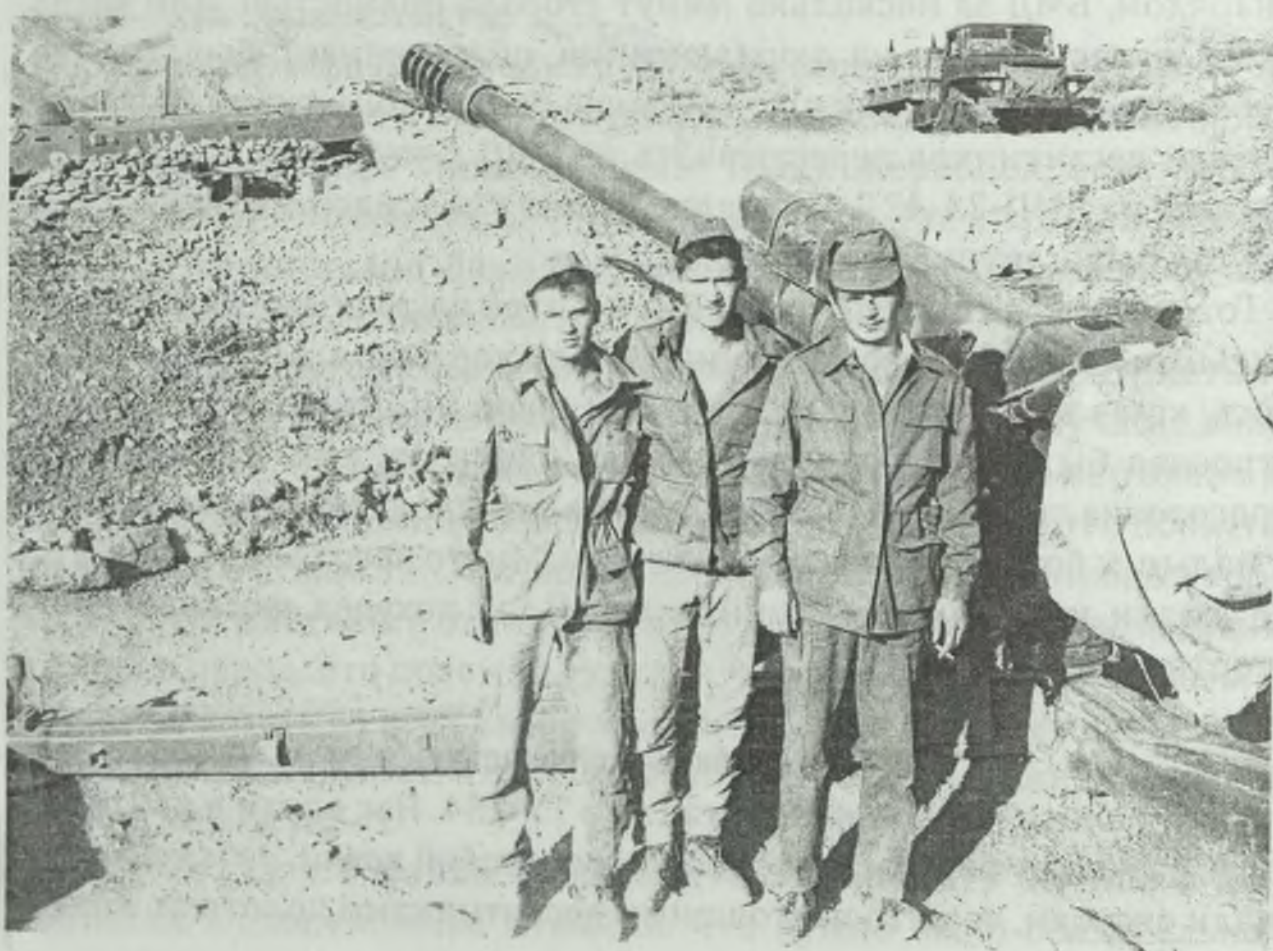

летели, все себя героями, конечно, чувствовали, что мы в Афгане горы свернем, таким подготовленным себя считали.

Добрались. Попали в 345-й полк в Баграм. Я не помню, как мы с аэродрома добирались, но помню, что и на машинах нас везли, и пешком мы шли долго. Мы были без оружия, хотя некоторых, я слышал, из учебок в Афганистан с оружием сразу отправляли. Нас же вооружили на месте. Помню, проходили что-то типа границы. Стоит домик из шлакоблоков, как пограничный что ли, не большой такой, на посту солдат. Идём, смотрим: крокодил на цепи. Встали все, смотрим, а солдат говорит: «Не подходите!». Ну, мы думаем, ничего себе крокодил, а оказалось это и не крокодил вовсе, а варан – большой просто. Я тогда первый раз варана увидел. Он мне показался большим, а позже на Панджшере, они тоже попадались, но более мелкие. А этот на привязи был. Посмотрели: ну ничего себе, в какую страну попали!

В Баграме в полку мы пробыли сутки или двое. Полк на войне был – он был одним из самых воюющих. Его подразделения вели боевые действия на всей территории Афганистана.

Мы отоспались, отдохнули, после чего нас построили и проверили по списку. Потом спросили: кто хочет на Панджшер? Туда – направляли в первую очередь по желанию. Мы ничего не знали про Панджшер,

знали только, что там постоянно идет война, что место там гиблое. Но мы были воспитаны так, чтобы всегда идти навстречу трудностям. Это был наш принцип, тем более у нас ведь у всех предки воевали. У Миши Лабухина мама с папой на войне были, у меня дедушка. Наверное, поэтому мы сделали шаг вперед. Я, Володя Жайворинок, товарищ мой, еще несколько человек. И нас на другой день колонной отправили к месту предстоящей службы. Бойцы – старослужащие с верху на броне все, а мы без оружия, как молодые бойцы, внутри. Жарища, пылища, можно было только выглядывать в амбразуру для автоматов. Пока добирались до Панджшера проезжали кишлаки. Видели «континны», или дуканы – их магазины. Мы в бойницы смотрели – на местных жителей в том числе. Они мне сразу не понравились. Интересный народ, но очень хитрый. Если они не знают, что мы их видим, то у них очень злой, жесткий, колючий взгляд. А если он видит, что ты на него смотришь или пытаешься заговорить, то он сразу становится такой весь приветливый, улыбается тебе.

Во время движения попали под обстрел. Я слышал, что стреляли, ну, а откуда и кто – разве поймешь, в броне сидишь... Потом остановились на дороге, уже на Панджшерской. Остановились, что бы оправится, потому что ехали долго. Открыли задние люки, все выходить стали, и сразу же в сторону, чтобы сходить по малой нужде. Один пошел в сторону, «дембель» спрыгивает и под зад ему ногой. В сторону нельзя отходить, вот как техника шла, только на это место и можно ступать, т.е. получается, при всех пришлось мочиться. Мы в таком недоумении, а оказывается, что весь Панджшер был заминирован и «духами», и нашими. Поэтому была реальная угроза подрыва. Там даже дети попадались без ног, без рук – жертвы войны. Мины – «сюрпризы» всякие были, но это нам уже потом объяснили.

Место службы

В кишлаке Анава на Панджшере, стоял 2-й батальон 345-го полка. Туда нас и привезли. В батальоне нас встретили ребята-земляки с Качканара: Саша Закаменных, Бастраков Миша нас встретил, обнялись. Он в 5-й роте был, хотел к себе нас забрать, поговорил с офицерами, а они: вас, качканарцев, вместе нельзя. Они там прославились уже. Не то чтобы с плохой стороны прославились, просто, чтобы не было компанейщины. Поэтому меня распределили в 4-ю роту, а Володю Жайворинка – в разведвзвод, младшими сержантами. Но первое время, когда ты туда попадаешь, и какой бы сильной учебка не

была, и в каком звании ты туда не пришел, ты все равно становишься молодым бойцом. Там все по-новому. К тебе присматриваются: что ты за человек. Потому что во время боевых действий человек очень сильно меняется.

Батальон был огорожен колючей проволокой, сигнальными минами. В батальоне: 4-я, 5-я и 6-я роты, разведвзвод, хозвзвод, своя «артель» была. «Артель» – это артиллерийский взвод. Была своя пекарня. Хлеб пекли, но дрожжей не хватало, поэтому хлеб получался как кирпич, можно было убить им. Пак свой был – это где пищу готовили. Там несли службу в основном, молодые солдаты из хозвзвода. В армейские термоса разливается суп, второе, компот, и раздавалось. Дополнительно, для усиления была 7 рота, потому что боевая обстановка была очень сложной. Боевые действия практически каждый день, людей не хватало. В ротах по 40-60 человек примерно из положенных 100. Многие болели: лихорадка, брюшной тиф, кожа гнила на ногах, у многих контузии, ранений не много, но были, потому что почти через каждые день-два – миномётный обстрел...

Точка

В основном весь батальон находился в горах. В моей роте обычно было от 5 до 10 человек в распоряжении, а остальные все на горах были, на точках, которые батальон охраняли от «духов». На батальон они не нападали так в наглую, но обстрелы постоянные были. Минут по 20, но мы их быстренько вычисляли. У нас же своя «артель» была в батальоне. С гаубиц вычисляли квадраты и начинали туда бить. А вот на точки нападения были частенько. На точках находилось по 8-10 человек, примерно, и старший – прапорщик

или лейтенант. Было и такое, что старшими назначались сержанты, потому что офицеров тоже не хватало. Офицеры тоже были и хорошие, и плохие. Были и некоторые «гасились» (боялись), как говорится, были и смелые. Бывало, что и болели, вот их и не хватало.

В Афган мы прилетели в сапогах со шнурками, штаны – брюки-галифе и прямой китель на пуговицах. Когда мы пришли, нас, конечно переодели сразу, но не в новое. Прямые штаны, берцы-ботинки и прямые брюки, и панاما. Потом месяца четыре, может, прослужили, и тогда пошла форма – «эксперименталка» первая, которая называется сейчас «афганка». Когда я туда попал, её ещё не было. Одели нас в неё. Мы ещё не знали, как носить её, толи ремень сверху, то ли под неё. У нас она с кепками пришла.

Один раз и я лежал в медсанбате. У меня контузия была, а потом еще и лихорадку признали... Медсанбат был в Баграме, где мой полк стоит 345-й.

Наша 4-я рота стояла немножко отдельно от самого батальона. Батальон, потом дорога, после дороги – «вертолётка», взлётная полоса, где вертолёты садились. Если на войну не прошла колонна, то по этой дороге не ездят. Только вертолётами: и почту, и продукты – хоть что. Чуть повыше «вертолётки» стояла моя рота: там была позиция и два «бункера». Дорога – от начала ущелья шла до кишлака Руха. Мы называли её «дорога смерти», а местные называли её «дорога жизни», только по этой дороге можно было завезти им продукты, этот же хлеб или что-то там ещё. Ну а для нас она была стратегически важная. Но

что получалось? Пройдёт колонна, уже через день по ней ехать нельзя, так как она уже заминирована. Минировали её «духи» уже сразу ночью. Ночи там бывали такие тёмные, что они прямо под носом нашей позиции, метров за 150 спокойно могли заминировать дорогу. Их технику мы называли «бурбухайки». Они когда минировали, выкладывали ориентиры: могли камушки там положить

или ещё что-то. Они сами только знали, что и как, и могли объехать. А наши – только с сапёрами. Ещё мой командир полка Герой Советского Союза Валерий Востротин, сказал, что самые опасные профессии в войсках – это сапёры и водители. Потому что они всегда идут впереди.

Водители на бензовозах всегда были целью для «духов». Там весь Панджшер был в битой технике. Вот почему «дорога смерти»: там по всей дороге наша техника лежит, вся скинута – «УРАЛы», и «КАМАЗы», наливники, другие машины. Были даже установки боевые.

Как я уже сказал, наша рота стояла отдельно. Сама позиция и два «бункера». «Бункера»- это две землянки: одна офицерская, другая – для солдат. Мы их бункерами называли, потому что они были усилены от мин, чтобы не пробило. Два бункера, окопы от них, кладки, перекрытки – и всё. Нас человек от 6 до 10, примерно, находилось на позиции, а остальные – на точках. И ещё одна пушка с расчетом была сразу под нами, прямо как бы в скале. В наши задачи входило охранять от нападения артиллерийский расчёт и «вертолётку». Мы несли ответственность за них.

Жили в бункере. Это до нас уже было построено. Небольшая комнатка. Там у нас нары были деревянные, столик, «Поларис»-печка – печка-капельница на солярке. Её заправлять надо было постоянно, а солярки тоже не хватало. И загоралась она у нас ночью, было и такое. Вот эту солярку доставали тоже, кто где мог. С машин сливали, с

БМП. В основном «молодые» ответственность несли за то, чтобы солярка была. Свет был – керосиновая лампа, которая тоже работала на солярке. Керосина не было: дефицит. И вот каждый день утром «молодому» – чистить. Пришло утро, стеклышки чистить надо было, не дай бог разобьёшь. Сами себя охраняли. Половина спит, вторая стоит, где места определены. Вот так в окопах 1,5 года...

Порой не хватало, и мы голодали. Тогда не жаловались, а сейчас можно об этом и рассказать. В кишлак ходили пацаны за сахаром, за сгущенкой. Бомбили их магазинчики эти, дуканы, «контини». Официально это не разрешалось и жестоко наказывалось через особый отдел, но солдат – он везде свой нос засунет. Было такое, что и собак ели, и змей, и дикобразов, и варанов пришлось попробовать. Были умельцы – готовили.

Досуг. Ну, в нарды, бывало, играли, редко очень. Лишнее время – поспать. Времени совершенно не было, потому что людей не хватало. Там я снова, на ближайшие полгода как «молодой солдат» стал, хоть и прошел уже учебку в Союзе.

Первое землетрясение. Окопы как змея заходили. Думаю, что это такое? Равновесие не можешь держать. Раз, всё успокоилось, а окопы рассыпались, чистить надо.

Война непрерывно шла, 85-й год тяжёлый был... Вертолёты, бывало, летали к нам через день, бывало, и каждый день. Они приземляются – надо охрану нести, и в 5 часов мы уже спускались на «вертолётку», проверяли её на наличие мин. За каждой ротой несколько точек. Вот, допустим, у моей 4-й роты был 12-й пост «Орел», 10-й пост, 8-й и 6-й. Эти точки выше были, чтобы подступы духов к батальону ограничить. Они в горах, а кишлак сам в низине. Вот и надо было на каждую точку отвезти: кому воду, кому дрова, продукты, боеприпасы, почту, где-то больных снять с точки, где-то может раненых – это всё задача вертолётчиков. Ребята – настоящие герои. Они там невозможное делали. Зависали над некоторыми точками, там где нельзя было сесть, а они передним колесом зацепятся чуть-чуть и всё, стоят. И это, можно сказать под прицелом, духи не спали тоже. «Бетономешалка» – так назывался грузовой вертолёт, летал под прикрытием боевых вертолётов, «крокодилов». Сначала «крокодилы» заходят, круги делают, облетают, и смотрят, чтобы духов не было. И пока «бетономешалки» работают, «крокодилы» кружат, чтобы не дай Бог, не сбили. Хотя духи всё равно иногда умудрялись наши вертолеты сбить. Над точками моей роты при мне два раза

вертушки сбивали. Одна на 12-м посту упала, погиб весь экипаж, а одну на 6-м. Вертолётчики сразу погибли, а в салоне кто были, выжили: офицер, «дембель», мой старшина. Вертолёт ещё крутился, когда падал, «дембелю» руку пулемётом придавило. Их всех потом в госпиталь увезли. Старшина вернулся в роту, а «дембель» так из госпиталя домой и уехал, у него рука так и не поправилась, сухожилия видать порвались.

Когда у нас эту вертушку над точкой сбили и старшина попал в госпиталь, я стал исполнять обязанности старшины. По точкам по своим полетал. Потом меня забрали на другую позицию, она находилась между батальоном и входом в ущелье. Сегодня это называется блокпост, а тогда это была просто позиция для прикрытия. На этой позиции я исполнял обязанности замком взвода. Но у нас там такого не было: «Товарищ сержант, разрешите обратиться» и так далее, как по уставу. Было всё проще. Например, прапорщика называли старшим поста, а я и еще один замкомандира взвода – помощники старшего поста. Солдаты были распределены на две части. Одна половина одну часть ночи стоит, вторая – другую. Одни спят, другие бодрствуют и несут боевое дежурство.

В 86-ом году операций стало меньше, вертушки не летают, и мы без писем жили подолгу. И свои письма не могли никак отправить: колонны не заходили. Тогда мы как раз и голодали, но нам ещё повезло: вода у нас рядом была – река Панджшер. А другим-то ещё сложнее было. Зубы все выпали там, одни сухие пайки в основном есть приходилось. Пока в батальоне были, там хоть варили, брали хоть какую-то пищу, а тут уже... Но бывало, что и сыты были. По горам горные козлы ходят, и вот мы смотрим: стадо в горах. В бинокль наблюдаем, если пастуха нет рядом, то начинаем с БМП из какого-нибудь оружия стрелять, своей стрельбой заставляя стадо спуститься к реке, то есть ближе к нашей позиции. Вот тогда мы были с мясом. Ещё на рыбалку ходили. Был у нас такой старший прапорщик Греков, мы его звали дядя Ваня, очень хороший человек. Он многому нас научил, многие выжили благодаря ему. Слушались его беспрекословно. С ним мы на рыбалку и ходили. Помню, гранатами глушили рыбу. Там два раза в год в какое-то время рыба нерестится. Она в одну сторону сначала идёт, потом в другую. Маринка называется рыба. Она такая здоровая! Один раз наглушили столько, что в ящиках из-под снарядов выставили. Ящика три-четыре отправили в батальон, на базу ребятам. Просто бакшиш, подарок. Колонна как

раз проходила, мы туда её загрузили, и отправили. Там тоже ребята голодали. У нас свой спортуголок был, сами всё сделали: две-три груши висит, брусья сделаны. А в одну грушу был засыпан горох. У нас пришёл с Рязани, из училища, лейтенант Порфирьев. Подготовленный был офицер. Вот он две груши повесил: одну большую, самодельную, а вторую – с горохом внутри и, когда мы голодали, мы съели, весь этот горох. Голодали так, что даже соль кончилась. Но нам повезло ещё: вода была, из реки воду пили. Заболели все, конечно. Потом когда продукты появились, офицеры нам их не сразу давали есть, чтобы не случился заворот кишок. Потихоньку, постепенно, потом разъелись.

На новой позиции, куда меня отправили, также было два бункера: офицерский и для солдат, а так же КНП – командно-наблюдательный пункт, окопы, перекрытки, кладки и 4 машины: 2 БМП, 2 БТР. Было три БМП сначала, в одну при нас духи, попали, короче, сожгли. Потом БТР один тоже сожгли. Ещё одна БМД была, боевая машина десанта, но она уже просто стояла, стреляли с неё, когда «духи» нас провоцировали. «Духи» – они наглые. Был случай, зашла колонна на войну на Панджшер – «солярики»-мотострелки. Один танк оставили на позиции, то ли он у них сломался, то ли что, а сами дальше ушли вглубь ущелья. А мы по сторонам в бинокли, наблюдаем, а духи за нами наблюдают. Смотрим: кладка построена, кладка конкретная. Танк-то остался, мы танкисту и говорим: «Видишь кладку? Надо уничтожить! С танка то лучше, чем с БМП». Он как даст – и всё, в дребезги её, кладку эту. Буквально проходит дня три-четыре – эта кладка снова стоит. Видимо, за ночь успели снова построить. Мы у них были как кость в горле – потому что мы стояли между батальоном и входом в ущелье, где ущелье расходились на две стороны. И духи присутствовали там постоянно, они же как дома, как мы здесь в городе живем. А у них город – горы. Пройдут незаметно, хоть днём, хоть ночью, у них там тропы свои. Бывало такое: они метрах, может, в 30 находятся, а ты их можешь не видеть за скальником. Могут сидеть, кушать, костры жечь. А ты с другой стороны: не видишь, не слышишь.

Расскажу про баню. У нас в роте парни сделали из подручных материалов что-то типа бани. Внутри печка и парилка. Так же сделали небольшой такой короб и застелили резиной изнутри. Туда заливали воду. С дровами, конечно, тяжело было, и ящики разбирали, и всё что может гореть. Даже мне пришлось её несколько раз топить. Часто-то

её не топили, потому что воду сложно было привозить. Это только офицер мог заказать, чтобы машину наверх к нам подняли. Воду постоянно надо менять, она если постоит, начинает плесневеть. Сколько-то человек искупается в этой воде, её надо менять. Неделю она постоит от силы. А при ротном Пшенове у нас РДВ 5000 был. Резиновый резервуар для воды на 5000 литров – круглый, как бассейн. Мы парились, мылись – и в этот бассейн. Лежишь под солнцем весь под водой, голова на бортике, снаружи. Недели две – эту воду менять надо. Раза два, что ли, и я попарился. В батальоне был ответственный за воду человек – водовоз. Он был сначала срочником, потом на сверхсрочку остался и его поставили ответственным за воду.

А так не мылись вообще. Допустим, отправляешь за водой какого-нибудь «молодого бойца», он, один-два термоса принесет – и всё. В основном оставляли для питья, а помыться – сколько в ладошки налили. В батальоне проще было, там речка, там и мылись. Я не знаю, парилка-то у них в батальоне была или нет. У нас в «четверке» была.

На позиции, где «Боевая броня 40» у нас тоже баня стояла на берегу Панджшера. Самодельная баня, сделана была из ящиков из-под боеприпасов, в которые засыпана земля, глина, песок. В самой бане коридорчик и парилочка была сделана, железный бак прямо на крыше стоял. До Панджшера буквально метров 15. Ведрами выливают воду в бак железный, она еще подогреется на солнце днём, внутри печка, протопим – и всё. Вот там парились нормально! Мы не парились только тогда, когда тяжёлая обстановка была, если ждали нападения или знали, что «духи» где-то рядом могут пройти. В такие моменты мы даже не в землянке спали, я в машине БМП спал, кто-то – в окопах. Вот тогда тоже не мылись. А так, когда спокойно, мы мылись раз в неделю. Как уже говорил, с дровами тяжело было, ящики собирали или было такое, что подбирали дрова: нет-нет, да по речке приносило. Есть такое дерево – тутовник, железное дерево, его не распилишь, но деваться некуда: и им тоже топили.

Иногда слегка расслаблялись, кто как мог. Офицеры и прапорщики могли купить водку в кишлаке. А мы брагу ставили. Когда колонны на «войну» приходили, с полка парни заезжали, мы договаривались с ними, они нам конфет привозили. Конфеты такие сосательные, как монпансье, только россыпью. С сахаром-то тоже напряжёнка была. И дрожжи тоже доставали. Ездили и на хлебозавод, там такие же солдаты работают, как и мы, трясли их, чтобы дали хотя бы немножко дрожжей. Им куда деваться, немного, но выделяли дрож-

жей. Дрожжи и конфеты – вот брага. Ну, конечно, если офицеры не найдут. Много раз находили, у них чутьё на это было очень хорошее. Мы, конечно, не напивались допьяна, такого не было, так чисто почувствовать вкус – и всё. Потому что каждый день на пределе, можно сказать.

Когда я еще был в батальоне, поймали «духа». Нас всех построили. Вывели двух «дембелей» – у них нашли серое вещество в бумажки завёрнутое, и вывели духа со связанными руками. Сказали, что «дембеля» наказаны за употребление наркотиков – поедут домой в последнюю отправку. А про «духа» сказали, что, такие как он, разлагают Советскую Армию, они специально рас-

пространяют наркотики. Он пять лет был в какой-то банде, потом за какие то грехи его из банды выгнали. Но совсем они из банды не уходят, всё равно работают на банду. И вот этот «дух» занимался распространением наркотических средств среди солдат Советской Армии. Он предлагал наркотики за афгани (национальная валюта), за чеки, даже менял на перчатки солдатские трехпалые, на солярку, даже на жир. Солдаты, кто употреблял наркотики, кто за что менялись. За боеприпасы нельзя было менять, не принято было это. А вот солярку я знаю, что меняли. Духа потом в особый отдел увезли.

Знаю, что некоторые ушлые бегали в кишлак, украдкой, чтобы приобрести чарс – легкий наркотик для курения. Был даже случай у меня на глазах. Так случилось, что мы на «Урале» остановились, сидим, разговариваем: водитель-«дембель», еще один «дембель», и я, «молодой». Машина встала там, где батальон заканчивается. Рядом кладка разрушенная глиняная, и растёт грецкий орех. Подбегает солдатик (он «ве-

теранщиком» был уже), и через дерево видать хотел перепрыгнуть. А там кладка, как забор небольшой разваленный, он перепрыгнуть его хотел, и прямо на глазах взрыв, подорвался. На мину попал, видать, на свою. У нас там огорожено было, мины МОН-50 стояли. Мы рты открывали, не среагировали сразу. Солдаты какие-то около батальонного медицинского пункта стояли. Они подбежали втроем или вчетвером, схватили его за руки и за ноги, занесли медицинский пункт. Мы только тогда в себя пришли. Позже его вертолетом отправили в санбат.

«Бегунки» тоже были. Бегунок – это когда люди по полтора года сидят на одном месте, одни и те же рожи, стычки, столкновения, обстрелы... сходят с ума. И у нас такой был, я его сам ловил. Ушел с точки, прямо с поста. С ручным пулемётом, «эфки» гранаты в карманах, в полушубке (на посты полушубки выдают, потому что зимой там очень холодно, и солдаты стоят в полушубках и в валенках). Комбат выходит на связь, передаёт: ушел с поста, «дембель» уже, ему 3 месяца оставалось. Чего ушёл? Комбат говорит: вертушку пошлём с разведчиками, они с этой точки, откуда он ушёл, пойдут по его следам. А вы попытайтесь его тут перехватить. У нас лейтенант Порфирьев был, серьёзный такой дядька. Взял он «дембелей» двоих и меня. Налегке мы оделись, автоматы взяли, обувь: кто в кроссовках, кто в берцах, и по дороге на выход пошли. Передвигаясь бегом, мы считай, уже с ущелья вышли, где пост ХАДовцев стоит, там только поймали. Стоит, пулемёт поставил к стенке, общается, с ХАДовцами. Главное, чего-то к ним подошёл. «Дембеля» вырвались вперед, я пока подбежал, они его уже... Там таких не любят людей, кто вот так делает. Считается, что «духам» хотел сдаться. Потом подбежал офицер наш, лейтенант Порфирьев, отобрал его, и мы выдвинулись обратно. Колонна нас догнала, отдали его парням, они его в БМДшку засунули, комбату сдали.

Духи

Анава у афганцев считается административным центром. Война шла постоянно, но с нашей стороны это скрывалось: «нет, нет там войны». Раз административный центр, значит там всё тихо и спокойно. Хотя в кишлаках на Панджшере все мужчины ушли в горы, только дети и женщины остались. В 1984 году Ахмад Шах (неофициальный правитель Панджшера) попросил перемирие и за свои деньги он большую часть населения вывез за пределы Панджшера, кого в Чарикарскую долину, кого в другие места. А все мужчины ушли в горы, взяли оружие и воевали. Воевали причём плечом к плечу с наёмниками, денег у него, видимо, было достаточно для того времени. Радиоперехват ловил, что передают «духи», разведка работала, особый отдел. Выясняли, где караван пройдёт с оружием, или нападение готовится. Нападали они частенько и на точки. Бывало, целые точки уничтожали, из 10 человек один оставался. Ходили отрядами и мы, поднимались на горки, в засадах сидели...

...Вот мы выходим, идём через кишлак и смотрим: если дети на улице – войны не будет, а значит и духов – нет. Дети играют, на улице между дувалами, бывало, на крышах сидят. Постарше кто, они сразу к стенке почему-то встают. Особенно девочки – встают к стенке, лицом отворачиваются и так стоят. Нам команда постоянно: шаг в шаг, т.е. как идёт первый, ты так же ступаешь, как до кишлака, так и в кишлаке, так и после. Не разговаривать, не останавливаться. Ничего. Прошли. Потом в горы. Там тоже идёшь шаг в шаг: если на камень встали, ты на этот же камень встаёшь. Минная война. И вот так до конца. Пришли. Помню: ночью очень холодно было, перепады большие. Днём жарко, а ночью очень холодно. А мы «молодыми» были – нас ночью положили на одну плащ палатку вдвоём, а второй укрыли, вдвоём – чтобы не замёрзнуть. А камни – сначала они горячие, даже нормально, а ночью чувствуешь, они остывают. Такая холодина. А «дембеля» ходят, сами курят потихоньку, а нам не встать, и ничего делать нельзя, чтобы себя не обнаружить. Вот лежим просто так с автоматами, всю ночь. Но духи – они не дураки. Когда мы шли куда-то, на усиление допустим или на засаду, они уже об этом знали, и друг другу передавали информацию разными способами. Днём, такая почта была: зеркалами друг другу сигналили. Ночью они использовали фонарики или керосиновые лампы. Он её открывает, закрывает, и смотришь: она мигает, как азбука Морзе. Даже в батальоне ночью стоишь, смотришь, он передает тут же, в

Анаве, в кишлаке. Но в него стрелять нельзя, предупредили, что раз он в кишлаке, значит он местный. Мало ли что он передает.

Знали они всё. Население против нас настроено было, особенно на Панджшере. Допустим местному надо проехать по дороге, он что-то везёт, и тогда он перед тобой весь чуть ли не пляшет, чтобы пропустили. Ну а мы не должны их трогать, если они без оружия. Но если я вижу конкретно: «дух» идёт с оружием, я стреляю без предупреждения. А если он без оружия, хоть он и «дух», всё: я не могу стрелять, тут у них кишлак, здесь он живёт. Поэтому ни о каких доверительных отношениях говорить не приходится. Хотя общались.

Даже царандойцам и ХАДовцам особого доверия не было. Царандойцы – это местные войска, они нет-нет, да и заходили в Панджшер. В самом ущелье они не стояли, приходили туда только на войну. К примеру – стоит их батальон. С гор начинают обстреливать «духи». И ведь что интересно: наши рядом стоят, в меньшем количестве, но по нам не стреляют, а по своим, по царандойцам, они лупят. Через сутки-двое царандойцы снимаются и сваливают. Такая вот система.

ХАДовцы – это афганский особый отдел на подобие нашего КГБ. Они стояли постом на Джабаль-Уссарадж. И когда во время больших операций на Панджшер заходили наши войска, они тоже туда заходили. Говорили, что они все на Ахмад Шаха работали. Всех сдавали. Они как бы и вашим, и нашим. То, что там все покупалось, я уже потом узнал, после войны. Откуда, например, было вооружение у «духов»? У них же вооружение нормальное было. Даже среди лётчиков их были и те, которые работали именно на Ахмад Шаха. Например, они могли специально сбрасывать бомбы без взрывателей. Начинается крупная операция, войска заходят на Панджшер. В определённое время начинают наши МиГи работать. Летят четверками, двойками и утюжат горы, где скопление «духов» было. Бомбят, бомбят – уходят. Потом «крокодилы» заходят, про которые я рассказывал: они начинают выискивать. Потом, если надо, идёт высадка десанта с вертолётов. Афганские войска тоже стояли в Баграме, в том числе и лётчики. Наши лётчики на МиГах – и их на МиГах. И вот афганские лётчики делали такие аферы: без взрывателей скидывали бомбы, и те не взрывались, а потом «духи» их собирали и фугасы закладывали на дорогах против нашей армии.

Ну, о доме, конечно, вспоминалось. Ностальгия была очень сильная, по дому вообще все скучали, особенно если не было операций. В 1986-й году поменьше стало операций. Ахмад Шах

менялся. Он в конце войны на Панджшере вообще старался не воевать с нашими. А весь Панджшер – это очень большой горный хребет. Гиндукуш один из самых больших горных массивов, с удивительным рельефом. Есть кишлаки прямо в скалах, они живут прямо в пещерах, и там же у них были точки: базы, склады, госпитали. Это всё с годами видать было устроено, раньше там штольни были. «Духи» выкатывали на тележках по рельсам из пещер зенитные установки, обстреливали колонны, а отстрелявшись, откатили назад, маскировали так, что не найти. Да туда никто особо и не совался.

К войне афганцы были подготовлены. Тактика у них очень серьезная была, хорошо приспособивались к изменчивости войны. Ахмад Шах учился у нас в Советском Союзе, в высшем артиллерийском училище. Уважаемый человек, сегодня он там, как легенда. У него на Панджшере мавзолей, где он был захоронен после террористического акта. Войну Ахмад Шах вёл умело. Во время наших больших операций «духи» разбегались, как тараканы. А наши уйдут, они снова стягиваются потихоньку. «Духи» тактику вели небольшими группами – до пяти человек, действуя на разных уровнях. Если и погибнут, то немного. Одни, допустим, видят колонну, особенно если бронетехника серьезная идёт. Вертушки залетают, «духи» которые на самом верху, нижний отряд от этих вертушек прикрывают. Даже с

«бурами» (английская винтовка), она хоть и старая винтовка, а бьёт далеко и прицельно. Потом у них уже пошли ракеты «Стингеры». «Духи» этими ракетами наши вертушки сбивали. И их частенько было недостаток, почему их называли «духами». «Дух» проявляется в том, что их как будто нет, их не видишь, а они везде присутствует. Они колонну разбомбили, а куда после этого делись, никто не знает, и мы смотрели, и вертушки летали...

У «духов» везде были загатники. Они в горах, как дома у себя. К примеру, небольшая расщелина. Он в нее садится, мешковину накидывает просто на расщелину, камни кладет и смотрит, ему все видно, а его-то не видно.

Случаев-то много. Вот, случай был. Засекли с батальона «духов» в кишлаке. Там у них дом родной, они ушли в горы, а в кишлаке у них остались женщины, дети. Вот они нет-нет, да спускались к ним. Засекли 5 человек, днём перед обедом, кажется. Команду дали, и из батальона по ним обстрел из всех видов оружия. Пострелять-то постреляли, «духи» разбежались в разные стороны, а двоих или троих завалили. Существовало правило: если это происходит в Пандшере, то сразу же высылалась группа, чтобы опознать, может, это Ахмад Шах. Работали и разведка, и особисты, и советники, все вместе. Дали команду, погнали «Урал» в кишлак, чтобы в кузов трупы загрузить, да опознать, если что. Ну, и мы туда тоже поехали. А за батальоном – мост через речку. К мосту подъехали, а там, не соврать, около 20 человек – женщины в паранджах, сидят на мосту на корточках. Сидят и никак их не сдвинуть. Как я уже говорил: раз административный центр, нам нельзя было наглеть. Полномочия свои никак нельзя превышать. Комбат походил, походил – никак их не уговорить. А трогать нельзя. Он говорит: «А давай в объезд рядом с мостом вброд на «УРАЛЕ». Машину снесло, уронило, и пока мы её вытаскивали, это затянулось на целый день. Ели-ели вытащили этот «Урал». Разведка пешком всё же дошла до них, взяли их, опознавали. В любых случаях местное население сразу стенкой против нашей армии стояло.

Другой случай. «Артели» – артиллерийскому расчёту, дали команду лупануть по дому в кишлаке. Дом высокий был, этажа в два, может, в три даже. И якобы туда «духи», тоже несколько человек забежали. А это у меня на глазах было. Они лупанули, дом сложился весь. А потом из кишлака старейшины прибежали к советникам, что, дескать, всю семью загубили там. Никого не наказали. А за это обычно спрашивали, наказывали. Ну, ничего, как-то пронесло.

Хитрость и изощренность всегда были присущи «духам». Раз было и такое. Когда я уже был на позиции «Боевая броня-40», нам передали по радиации, коробочка идёт – это на нашем сленге машина, а идёт она со стороны Анавы. Обратить внимание. Мы: ну, ладно. Выезжает такая «бурбухайка», типа, газели. Выхожу: двое сидят в машине в салоне, в кабине. Я подошёл, так-то нельзя выходить одному, нужно вдвоем выходить всегда. Говорю: «Шурави контрол» – проверка. Осмотр: нет ли там оружия, не везут ли чего запрещённого. Все на дороге. Шлагбаум закрыт. Водила сидит, а второй выскочил, что-то так стелет, весь улыбается. Я говорю: «Что везёшь? Контрол». Он всё открывает, а в машине с одной стороны старикашка сидит, а на другой лавке женщины, а им вместе сидеть нельзя. Женщин человек 5, наверное, в паранджах сидят. В Афгане такой закон: если женщина, то её нельзя досматривать, нельзя даже смотреть на неё. Ну, я взглянул: сидят и сидят. Ладно, пропустил их. Машина перевалила за горку, а там последняя точка над нами. Слышим, с точки начали стрелять. В кого они там стреляют? Потом они на радиацию выходят, матерятся: «Вы кого пропустили?!» Я: «Что такое?» Оказывается, машина доехала до выхода из ущелья, а там стоят ХАДовцы. Они местные и в любом случае узнают, кто едет. Дело в том, что в машине переодетые в паранджах «духи» были. Они выскочили и ломанулись в горы, не доезжая до выезда из ущелья. Они решили, видать, наши посты проехать и где-то спокойно уйти в горы. Поэтому нас с точки матом и обложили: «Вы что там, кого пропустили!?» Я: «Как кого?! Там бабы ехали в паранджах, их ведь нельзя досматривать!» А потом – то я уже давай вспоминать: действительно, они же ни так сидели и у них ни котомок, ничего не было. Они в любом случае, если едут, то у них какие-то котомки с собой. И потом они там сидели какие-то здоровые все, а старикашка маленький какой-то с другой стороны. Думаю, ни фига себе. Женскую одежду нельзя мужчинам носить. Вот когда джихад идет, они могут хоть что делать, даже переодеться в женщин.

Политика в нашем полку жёсткая была. Допустим, «духи» уничтожили нашу точку, погибли наши солдаты, сейчас про них бы сказали: героически погибли на войне. В то время обвиняли бы самих солдат в гибели точки. Я не знаю, у «соляриков», может, по-другому было, но вот у нас, у десантников, именно так и было. На Панджшере нашу точку сожгли, нас построили – весь батальон, и всех песочили, всех подряд, т.е. солдаты виноваты сами, просмотрели или заснули, пропустили духов, вот и погибли. Такая политика была.

На Панджшере «духи» жесткие были. Ахмад Шах где-то череп взял, одел на него десантный берет и в ущелье поставил для устрашения. Вот; типа, зайдёте сюда, ни один не выживет. А это обратную роль сыграло, у нас же, у русских людей, психология другая. Наши увидели, что в десантном берете стоит череп, мы все восприняли это, как пощёчину. Только ожесточились. Единственное только, что его никому не удалось поймать, вот это меня удивляет. Его потом талибы уничтожили, подослали диверсанта, в виде корреспондента, в фотоаппарате взрывное устройство было. Подорвали его. А так они уважают нас до сих пор. Смотрел передачу, выступал «дух». Он был чуть не правая рука у Ахмад Шаха. Говорит: американцы – это все фигня, самый лучший воин – это только русский. Особенно десантники, тех мы особенно уважаем. Они, говорит, любую высоту брали, через трупы идут, все равно эту высоту, если не сразу, то все равно возьмут. Как бы отдают дань уважения именно русскому воину-десантнику.

Хочу ещё рассказать про пленных «духов». Были вылазки, брали караваны, кого уничтожали во время боя, кого брали в плен. Их сдавали в особый отдел. Володя, мой товарищ, был в разведвзводе, они взяли одного «духа», сдали особистам. И так получилось, через какое то время они сопровождают колонну. А в это же время царандойцы едут на войну на Панджшер. Во время остановки смотрят и узнают того самого «духа», которого недавно брали самолично в плен. А «дух» тот уже в царандое – в народной армии воюет. Стали с ним разговаривать. А они по-русски многие общались, мы русские с ними хуже на их языке, чем они с нами на русском языке. Плохо, но общаются. Ребята спрашивают этого «духа»: «Слышишь, ты что? Мы же тебя вот тогда-то в плен взяли, ты что сейчас у царандойцев?» А получилось следующее. Его взяли в плен, через особый отдел он прошёл, потом его своим отдали, а свои уже решают, у них какие-то свои судилища есть. Ну, и ему присудили: 4 года Царандоя – то есть службы в народной армии. Это же смешно. Если вот так вот подумать: можно посадить, человека или расстрелять, а ему просто предложили отслужить в царандое. Все конечно посмеялись.

Офицеры

Очень разные были офицеры. С Союза когда офицеры приходили, они не обкатанные в начале, начинали командовать, себя ставить. А так на войне не принято, человек должен утвердиться, должен показать себя как настоящий воин, чтобы его уважали.

Таким был наш ротный командир. Так как офицеров не хватало, он также исполнял обязанности заместителя командира батальона. Толковый был офицер, серьёзный, уважаемый, с ним разговариваешь, как с мужиком. Я пришёл после курса молодого бойца, начал ходить на усиления, потом в засады ходил. «Перехват» поймают, где «духи» могут появиться или напасть, вот нас туда и направляли. Наш ротный постоянно с нами ходил. Я сейчас всё немного по-другому расцениваю. Да, офицеры исправно несли службу, уважаемые были, но они уже на таком пике были военных действий, что пытались ещё зарабатывать себе награды. Как можно больше, но это чисто мнение такое мое. За поимку Ахмад Шаха Масуда сразу же Героя Советского Союза должны были дать. За ним была настоящая охота. И вот поэтому наш капитан в засады ходил. Он брал в батальоне разведзвод, плюс небольшая группа у него была. Капитан ходил с теми, с кем уже не раз ходил. У нас в расположении он редко находился. Бывало, что ночевал, а так всё в батальоне. Мы вообще часто без офицера в роте находились, он всё больше в батальоне. Придёт, нас проверит, посмотрит, и снова уйдёт. Они в засады ходили, Ахмад Шаха, видать, хотели поймать, но у них не получалось. «Духов» они много в плен взяли. Засады делали там, где караваны «духовские» проходили. Караваны всякие проходили и с ишаками – они в горах неплохо ходят, и пешие караваны.

Так-то нормальный дядька был вообще. У него брат был, похоже, двоюродный, вертолётчик. Когда к нам прилетали, они все время вместе, бывало, водку закажут, им же тоже надо было расслабляться, а может праздники какие-то. То ещё что-нибудь с Союза им заказывали: фотоаппараты, плёнку. Нам запрещалось про войну домой писать. У нас письма, видать, где-то в батальоне проверялись, потому что были такие случаи, когда строили нас и говорили: «Вот, короче, товарищ молодой пишет родителям». И зачитывают перед строем: «Вот мне подбитый БТР дали, сейчас я его соберу и по горам поеду «духов» расстреливать». И этого уже было достаточно для того, этого воина наказать. Перед всеми зачитали, в глазах других его позорили.

Каждый офицер или прапорщик хотел, чтобы около него были достойные солдаты, а от плохих старались избавляться. Плохих звали «чадами». Это неуверенный в себе, слабыхарактерный солдат. Были, которые крысили продукты, вещи, такое тоже было. Там быстро проявляются все достоинства и недостатки человека, именно в этих жёстких, военных условиях. И естественно его уважают или не уважают.

А этот капитан... А я тогда ещё «молодой» был. Помню, подошёл к нему, пытался попроситься в засаду. Он: «Ты молодой ещё, успеешь свое получить». И говорит: «На вот, замени резинки в глушителе». У него автомат – АКМ. У нас АКСы были, АКС-74, а у него АКМ, 7,62 калибр, с глушителем и прицелом. Я тогда глушитель первый раз увидел. Глушитель тот на две половинки разбирается и там резинки такие, как таблетки. Ты с глушителем когда постреляешь, резинки менять надо. Они не обеспечивают уже бесшумности. Капитан мне зада-

ние и дал сразу. Я голову почесал, к «дембелям» подошел, говорю: «Подошёл попроситься, а он мне задание дал. А из чего делать – не знаю». Они: «Да вон из катка сделай». Там у нас лежало железное колесо от танка, а на нем сверху резины слой. Вот я помаялся, срезал резину и эти таблетки сделал. Нормально...

В одной из засад когда «духи» разбежались, они прихватили осла. Этот осёл у нас в роте жил. Как утро, он орёт, как дикий. Где-то вдалеке мулла начинает молитву читать, далеко слышно, утром особенно, и этот осёл начинает орать. И вот они наперегонки друг с другом. Еле успокоишь его. Капитан его потом обменял вертолётчиком, с которыми дружил. Ослы так-то дорогими считаются у местных. Осёл для них, что для нас техника, основной вид для перевозок, и в караванах у «духов» они тоже очень хорошо ходят. Таскают на себе много. Вертолётчики его не могли в вертолёт запихнуть. За хвост, за уши – еле-еле, утащили в вертолёт.

Были у капитана еще два «мультика» – это афганские ружья, которые порохом заправляются. Как трофей, они у него в бункере хранились. Он потом с собой их увёз. Я ещё «молодой» был, у него служба кончилась, и он уехал домой, по своему сроку.

Бой

Разведвзвод пошел в засаду на «духов», Человек 25-30. Разведчики шли в горы, а «духи», их примерно столько же было, наоборот шли с горы. В одном месте они неожиданно повстречались. Завязался скоротечный бой. В течение боя расстреляли все боеприпасы, выкинули все гранаты, и у тех, и у этих... У наших точно кончилось и они начали камнями откидываться от «духов». Откидались и разошлись. «Духи» тоже понимали, если ждать, то может и подмога к нашим подойти. Но суть не в этом, а в том, что после боя комбат построил весь батальон и с матом стал всех песочить и материть, что пошли плохо, взяли с собой боеприпасов мало, только пожрать берёте. В бой вступили, как овцы, у вас должны были наблюдатели быть – обычно вперед выставляют разведдозор, а потом остальные. На сегодня я считаю, что это – подвиг, то, что они камнями откидывались, там чуть-чуть до рукопашки не дошло, а тогда это считалось позором. Вот такая политика полка была. Надо было награждать за это, а не считать чем-то позорным. После службы, общаясь с другими афганцами, узнал, что у многих было совершенно по-другому, а там где война настоящая шла, там было так же, как и у нас.

В шепелке зашла наша колонна вместе с колонной по дороге и лут пешие десантники. С колонны в бинокль обнаружили наших на точке – это был 12-й пост. Если кто много раз уже заходил сюда, знают, где наши точки стоят, а есть те, кто недавно пришел на службу. Вот они и подумали, что это «духи», и как дали с БМПшек – по своим. Кого контузило, кого оглушило, посекло. Пока с точки передали по радиации, пока в батальон по радиации, батальон пока с колонной связался. Ну, все прекратили огонь. Старший лейтенант дал пацанам команду спускаться. Там были двое моего призыва, и один на полгода старше. Я их видел: из ушей кровь шла, царапины на головы форме кровяных точек, видать камнями посекло. Парни спустились, подошли к офицерам. Тут же комбат стоит на них смотрит. Они ему начали что-то докладывать. А он на них как заматерился, как давай их под жопу пинать: идите обратно, вы там оборзели, обнаглели, санинструктора сюда, ну-ка зеленкой лоб им помажь и обратно на точку. Получается солдаты сами оказались виноваты – себя обнаружили. Чтобы не случилось, вы виноваты сами. Во всем.

Погибших сразу отправляли на вертолёте. Был у нас санинструктор Михаил. Я был «ветераном», он «дембелем». У нас батальонный медицинский пункт имелся, а в нём – санинструкторы. Кто-то мог

приболеть – там лежали, если сильно тяжело больной или раненый, значит, ждали вертолета и отправляли. И там Миша... Он уже перед домом решил на каждой точке побывать. Он у нас побыл на позиции, потом ещё на одной, потом следующая точка, а на четвертой по счету погиб. Когда нам сообщили, мы в столовой кушали. Все встали, голову опустили, постояли минуту.

Когда я попал в роту, уже на второй день начали «духи» обстреливать из минометов. Слышно, как мины летят. Засвистело, и одна мина упала где-то рядом с бункером, где мы сидели. Я соскочил, заметался, схватился за автомат. На выходе из бункера меня сразу же «дембеля» осадили, так дали, что я отлетел обратно. А я не пойму, за что. Они: «Ты куда собрался?». Я говорю: «Так война же идет, воевать надо». Они: «Сиди». Какое то время ещё постреляли – и всё закончилось. «Дембеля» потом воспитывали: «Куда ты лезешь под мины, тебя ранят, нам тебя потом тащить что ли, козла такого? Началось что-то, любой хлопок или что-то, ты должен сразу затаиться. Сам спрятался, потом ещё спрячь товарища, и уже только потом смотри, откуда бьют, и уже после этого принимай решение. А не так чтобы сразу пошёл в бой». Сразу же обломили, понять дали, что война – это другое. А подвиг там считается, если ты погиб закрыв командира или, погибая, прихватил на тот свет несколько духов. Поэтому многие носили в карманах гранату, как последний аргумент в бою. Постепенно начали понимать, куда попали. Духовские снайпера кругом и получается, что ты постоянно под прицелом. Вышел на открытое место, тебя в любой момент могут убить. Сначала это давило. А потом это чувство как-то ушло. Чувство-то ушло, а повадки остались. Поэтому, когда выходишь из бункера, берёшь автомат, одеваешь бронник. Заставляли одевать, хотя наглели, не всегда надевали. На месте не стоишь, постоянно двигаешься: где по перекрыткам, по окопам, где за камнями. Как, допустим, молодые приедут на войну, сядут, курят толпой. У нас уже не было такого, мы уже были научены. Я если присел где-то, то у меня спина закрытая, камнями или стенкам окопа. И уже не было такого, чтобы где-то просто встал и так стоишь, потягиваешься, «дембеля» научили нас.

Вспоминается многое. Разведчик, нашего же призыва, «молодой», на БМПшке подорвался. Там уже новые БМП были бронированные, днище вырвало, а его выкинуло, живой остался, а лицо все разбило, губы разорвало, контузило. Его утащили в медицинский пункт в батальоне, и доктор-офицер ему говорит: «Давай я тебя сейчас зашью.

Сколько будешь ждать? Вертолёты сегодня уже не прилетят, завтра – тоже неизвестно, вдруг они в другом месте будут, а то пока тебе потом там зашьют, у тебя шрамы такие останутся». Зашил – и всё. Он и в медсанбат не поехал. А человек всё равно пострадал, раненый, контуженный... Все так жили...

Было такое, что «духи» устроили миномётный обстрел, пострадали разведчики. У них палатка стояла углубленная в землю, там же койки у них стояли. Мина попала в РАВ – это склад боеприпасов в батальоне. И охраняли его разведчики, там как раз их пост стоял. В склад и попало, у них, наверное, 90% процентов из строя вышло разведчиков. Их кого посекло, кого контузило. И Володю Жайворинка тоже. Он не поехал, они как раз были «дембелями», отказались ехать с контузиями.

С Володей мы призывались вместе. Он в разведзвезде всегда рядом был. Один раз он был на точке, находившийся выше нашей позиции «Боевая броня-40». Он стоял с другой стороны речки, где находилась последняя точка. У нас как раз нападение «духов» было. Получилось так: наша колонна прошла в сторону Анавы, и ушла на войну, а у нас старший уехал на двух машинах БТР и БМП в батальон за продуктами, а нас осталось человек 8. Ну, и всё: с трех сторон нас прижали. Может и не выжили бы тогда, потому что с одной стороны они уже подходили к позиции, а мы головы вообще не могли поднять. Володя потом уже рассказывает: я говорю, вижу, откуда бьют духи. А на некоторых БМПшках и на некоторых точках ПТУРСы (реактивные снаряды). И вот он с неё... А с этой штуки нас в учебке учили стрелять, но мы не стреляли с неё, это дорогое удовольствие было. Но, не смотря ни на что, Володя произвел выстрел, уничтожив основную вражескую точку. Мы потом встрепенулись немного. А если бы не он... Вот всегда как-то рядом был...

Почему я говорю, есть хорошие офицеры и плохие. Точка моей роты на этой же стороне Пандшера над нами была. Там был прапорщик Пустовойтов, я и сейчас его фамилию хорошо помню. Мы его потом «чадой» прозвали. Он в этот момент, когда нас всех чуть не уничтожили, своих положил, всю точку, увидел «духов» – и положил. Не помог. Потом ему высказывали за это. Наш прапорщик вернулся. В батальоне услышали, что нападение, они выехали и заломились на двух машинах. Их ещё пытались остановить на Панджшерской дороге «духи». Обстреляли, а они на полном ходу проскочили. Пока доехали, у нас все стихло уже. Он давай тому прапору радировать, с

мату его, а тот, осёл: «Команды не было». Ему команда нужна была! Один человек взял и помог: просто с ПТУРСа загасил точку – и всё. А он своих всех положил, как мышки прижались. Вот такие случаи бывали. Мы так и звали его потом – «чадо», прапорщик Пустовойтов. А Володька – молодец, он хорошо нам помог!

Ночью Володя и ещё один солдат, раненого в живот с горы спускали. Через речку Панджшер, её так-то сложно перейти, а тут с раненым переправились. Я помню, раненый сидит, соображает, ему и так фигово, а тут мы ещё: что больно тебе? К чему я это говорю? Мужикам ещё попало за то, что они его спустили без команды. А они его спустили в надежде побыстрее отправить в батальон, на вертушку. А нам выехать нельзя на машинах, потому что подорвётся машина – и всё. Если бы колонна прошла, сапёры прошли, может быть, машина бы выдвинулась, а так без разрешения – никак. Уже ночью за ним приехали, а им попало за то, что они спустились без команды, т.е. надо было ждать там неизвестно сколько эту вертушку, чтобы его забрали.

Увольнялся домой и то с проблемой. Попал в отправку, во вторую или в третью, как сержант. А когда в полк в Баграме приехали с Анавы, меня не зачитывают: мой военный билет потерялся. Пришлось возвращаться в Анаву.

Ну, так-то, честно, тяжеловато было. Входить в состояние войны было проще, потому что, видимо, был адреналин. А выходить было сложно, я не могу объяснить почему. Я пришёл в 86-м. Изменилось многое, и люди изменились, и отношение даже к «афганцам» после Перестройки, пошли понятия такие как: я туда тебя не отправлял. Это всё играло роль.

Я, конечно, не считаю, что совершил что-то героическое. Но, с другой стороны, считаю, что героизм, героический поступок – это уже побывать там. Я там стал в Бога верить, потому что были случаи, когда, казалось, нереально выжить. Всё равно как будто кто-то стоял над тобой. Когда пришёл домой, мама мне говорила, что каждый день молилась за меня, чтобы все было хорошо.

Александр ЧЕРНОГОЛОВ

Александр Владимирович Черноголов родился 9 июля 1964 года в Качканаре. Закончил 8 классов в школе №3, получил специальность «бурильщик скважин» в СПТУ №87. В 1983-1985 годах проходил действительную военную службу в составе ограниченного контингента Советских войск в Афганистане. Командир отделения р/специалистов ультракоротковолновых и дециметровых р/станций малой мощности воздушно-десантных войск. Награждён медалью «За боевые заслуги».

После увольнения в запас работал в Качканарском ГОКе помощником бурильщика, фотохудожником. В настоящее время – индивидуальный предприниматель. Женат, воспитал сына.

ТУТ ПОЧТИ КАК В СОЮЗЕ, ЕСЛИ НЕ СЧИТАТЬ, ЧТО В АФГАНЕ

3.11.83г.

Здравствуйте мои дорогие мама, папа и Инна.

Пишу вам уже с нового места, сегодня уже третий день как мы сюда прилетели. Прилетели мы сюда на Ту-154, всего полтора часа лёту из Ферганы. Когда прилетели, всё конечно, было интересно, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, как оно тут есть на самом деле. В общем-то, живут тут нормально, в домиках-блоках и некоторые в палатках, но таких уже мало. Есть клуб, столовые (у разных частей разные, мы, например, вообще едим в палатке). А вокруг горы всякие-разные по всему горизонту, куда ни кинь взгляда. Видно сам город. Да, я не написал, что я нахожусь в Кабуле. На город он, правда, мало похож, одни одноэтажные дома из глины, типа большой деревни, но есть, конечно, и многоэтажные, в основном построены уже после революции. (Это я говорю из того, что мы видели из самолёта).

А мы живём на самой его окраине, возле самого аэродрома, на зарядке бегаем по взлётной полосе. Попал я в батальон связи, есть ещё наши, но у меня во взводе я один молодой.

Встретил тут, вжись бы не подумал, своего одноклассника – Димку Порываева, поговорили, тут ещё есть ребята из Качканара в полку. Порассказывал много интересного, да он уже весной домой.

О жизни моей писать ещё нечего – дальше видно будет. В общем, что надо – спрашивайте, а то и не знаю, что и написать. Слишком много всякого. Мой адрес: в/ч полевая почта 15831 «Б». Пишите обо всём. Ваш сын Сашка.

20.11.83 г.

Здравствуйте мои дорогие мама, папа и Инна.

Вчера получил ваше письмо. Конечно очень обрадовался, не думал даже, что так быстро дойдёт. Ну в общем жизнь у меня идёт ничего – жить можно. Я уже писал, что попал в батальон связи в ремвзвод. Ремонтировать радиостанции и т.д. и т.п. В караулы ходить не буду – буду заниматься всё одной ремонтной деятельностью. Прослужу я здесь все полтора года. В Союз здесь отсылают уж сильно в крайних случаях – через край ненадёжных.

У вас там сильно не верное представление о здешней обстановке. В общем-то, тут почти как в Союзе, если не считать, что в Афгане. Бывают, конечно, изредка всякие инциденты. Но в общем тут тихо, местных жителей видим, конечно, всё таки на окраине Кабула стоим, до ближайшего домика метров 200. Из афганской армии бойцов тоже – они самолёты охраняют. А мы по взлётной полосе на зарядке бегаем, до самого аэропорта «Кабул». Иногда, бывает, наши из катюш куда-то за горы стреляют, не видно куда. Сейчас вот ребята на боевые ушли. А у меня с эти делом (на операции ходить) пока пролёт.

Седьмое ноября провели нормально, по цветному телевизору смотрели парад (только здесь не антенна, а локатор и куча аппаратуры – через спутник ловим), потом бездельничали – что ещё может быть праздником для солдата. Живём мы в деревянном модуле, в комнате, на койках, есть и тумбочки, и умывальник на улице (в отдельном домике). Есть и баня, даже с парилкой. Едим мы, правда, из котелков, но это продиктовано по моему тем, чтобы не занимать лишних людей для мытья посуды (тем более горячей воды нет), а так каждый вымыл – и хорош. Кормят здесь хорошо, по утрам сгущёнку дают с маслом. Хлеб чёткий, у нас такого нет – особенно корочка у него – объеденье.

Какая природа вокруг – не знаю как описать. Никакой. Горы, на которых ничего не растёт (ну трава, естественно, всякая). У афганцев за дувалами деревья посажены, вот и всё. Погода здесь: днём тепло, а как солнце сядет, так холодища, аж лужи замерзают к утру. Ходим всё ещё в х\б, а к вечеру попрохладней становится – залазим в бушлаты (телогрейки). Послать сюда, конечно, ничего нельзя, я же за границей. Деньги тоже. Да я сомневаюсь, что они дойдут в конверте.

В ремвзводе нас 7 молодых, а вообще 20 ребят. Ну вот, вроде про себя и всё.

А как у вас? Нашлась ли Муська или живёте без неё? Собрались нет фотоаппарат отослать? Как папино здоровье, он вроде в декабре собирался в отпуск идти? Потом нам ещё в Фергане ребятам писали, что водка подешевела или это брехня? В общем, пишите, не ленитесь. За меня сильно не беспокойтесь, здесь всё нормально. Ваш Сашка.

5.12.83 г.

Здравствуйте, мои дорогие мама, папа и сестрёнка Инка.

Ну что написать. Вам конечно не верится, что в начале декабря может быть так тепло, чтобы мы ходили в х/б, хотя бушлаты нам одевать не запрещают (мы их одеваем вечером, когда зайдёт солнце), т.к. климат здесь, как вы помните, резко континентальный. Говорят, здесь выпадает снег, но пока ещё он выпал только на дальних перевалах, а в третьем письме мама пишет, что у вас метели и вьюга. Не верится и всё, хотя знаю, что на дворе декабрь и скоро уже новый год.

Чем я тут занимаюсь? Тем, что с утра до вечера сижу в мастерне. Вот и всё. Свободное время, конечно, есть, но как-то так получается, что ни туда, ни сюда. Письма я вам, конечно, постараюсь писать регулярно, а то тут недели две перерыв получился, пока обживался. Я знаю ведь, как вы там беспокоитесь, особенно мама. Беспокоиться за меня не надо, как мне сказал один старший лейтенант: «Нашивай на задницу кожаные заплатки и не рыпайся» (на операции в ближайшее продолжительное время я ходить не буду). Так что я устроился «почти» как в Союзе.

В общем жизнь моя потихоньку идёт, главное до весны дожить, а там уже легче будет. Напишу мой день по порядку. 6.00 подъём, зарядка, умывание и т.д. К 8 часам идём на завтрак. Там банка сгущёнки на 10 человек, масло, хлеб, чай, каша. Что ещё солдату надо? После завтрака развод и иду протирать штаны. К трём часам на обед, после обеда, в четыре, опять сюда, к восьми часам на ужин: консервы рыбные, картошка. Иногда бывает, что на обед тушёнку дают. В 10 часов отбой. На следующий день то же самое, только в воскресенье подъём в семь. Это у нас сейчас по зимнему времени, а летом всё смещается на час: подъём в 5 и т.д., отбой в 9. Это, по-моему, потому, что афганцы молятся на восход солнца, вот и мы тоже встаём с восходом. По субботам, воскресеньям и средам кино показывают. Вот вроде бы и всё. Пишите про своё житьё-бытьё. Инна, не сбавляй темпов учёбы – учись нормально. Передавай всем толстый привет. До свидания. Ваш Сашка.

9.05.84 г.

Здравствуйте, мои дорогие мама, папа и сестрёнка Инна.

Сегодня 9 мая, у нас праздник, приехали артисты, точнее прилетели. Ансамбль мужиков, ансамбль девчонок – они танцевали, помню их по телевизору показывали, ещё пара артисток – пели. Подогнали четыре прицепа от КАМАЗа и погнали, а мы х/бчики сняли, в одних панамах сидим и рты разинули. Вертолёты летают, «Боинг», бабахнуло пару раз где-то, нам-то всё это привычное, а им такой обстановке выступать видно ещё не приходилось. Хотя и артисты они не первый день, девчонки после нас на гастроли в Японию собрались. В общем, всё было чётко, то что надо.

Как описать внешнюю обстановку? По моему, сейчас тут идёт борьба за массы, за народ. За кем он пойдёт, тот и наверху окажется. Либо мы грузимся на самолёты, либо им жизни не будет. Но и мы так просто им не отдадим, потому что американские «Першинги» тут нам совсем не нужны. Как к нам местное население относится? Ну в общем-то нормально-непонятно. Всё норвят купи-продай, признают нашу силу (особенно если ты не один и с автоматом), но и не боятся. Ты пишешь, не могут отстоять себя. Всё они могут, но этот ислам он у них наверно не только в башке, но и в печёнке. Плюс у них ещё тайная организация «ислам», тоже ведёт свою деятельность. А здесь на востоке законы суровые, вот они и думают – я не я, и лошадь не моя. Да и ЦРУ тоже не отстаёт, работает.

4.07.84 г.

Здравствуйте, мои дорогие мама, папа и Инна.

Большое спасибо за поздравления с моим днём рождения. Уже целых 20 лет, с ума сойти, чертовски много.

Жизнь у меня идёт нормально. Дни одинаковы и похожи друг на дружку, как облака в пасмурный день, отличаясь только тем, что вчера было третье, а сегодня четвёртое, вот и вся разница. Встаём сейчас в 4 часа, но обед зато с часу до четырёх – местные особенности.

«Духи» где-то с неделю назад убрали хлеб, сейчас у низ по этому полю бараны бегают – добирают остатки. Насчёт того, какие животные тут водятся. Комаров и подобных тут нет, по крайней мере пока, а вот кого целые тучи, так это мух, летают целыми роями. Лошадей не видел, ослы в основном. По ночам в часть кошки приходят, вполне нормальные, ничем от наших не отличаются. Ну, естествен-

но, крысы, мыши, лягушки – этого добра по моему хватает на всём земном шаре. Вот основные представители местной фауны.

До свидания, извиняюсь, что мало пишу, ваш Сашка.

15.07.84 г.

Здравствуйте, мои дорогие мама, папа и Инна.

Жизнь моя идёт нормально, можно даже сказать хорошо. Погода на улице отличная – солнечная, купаться тут конечно негде, но баня небольшая батальонная, парилка, душик и небольшой бассейн, всё это сделано своими руками, но добротнo. Но сейчас, летом, мы зачастую моемся прямо в умывальнике (когда не охота никуда ходить, благо женского пола здесь нет).

Как насчёт еды? Всё поставлено нормально, только её возят на автомобилях, идут колонны Термез(СССР) – Хайратон – Пули-Хумри – Чарикар – Кабул. Ну, естественно, кое-что привозят и самолётами. Как-то недавно из Ташкента привозили пироженки, правда маленькие и куценькие, но вкусные. Из патруля иногда привозим апельсины или арбуз, таких арбузов, кстати, я ещё не видел, сначала я думал, что это дыня, такой же длинный, на самом деле это такие арбузы.

Что насчёт работы, то ремонт идёт прежним порядком, если какая-нибудь станция у нас побывала, то через некоторое время несут её снова, ведь мы не можем её настроить как на заводе, особенно

средней мощности. Нарекания в адрес радиомастерской, но жить без нас всё равно не могут.

На операции – по очереди, как мастера, на случай если что сломается и аккумуляторы для них заряжать.

Молодых мы получили уже давно – освоились нормально.

10.08.84 г.

Здравствуйте, мои дорогие мама, папа и сестрёнка Инна.

Получил ваше письмо с фотографией города Качканара, приятно посмотреть родные места, когда кажется всё уже забыл, а с другой стороны каждую тропинку помнишь. Каждое окошко в доме, каждый камень.

Посылаю небольшую кучку наклеек, каких мама просила. Орла только, который крылья раскинул, мне оставьте, остальное ляпайте.

И вы не правильно поняли как мы бываем в городе. Патруль: офицер и 3-4 человека в зависимости, где будем ходить, и цель наша отнюдь не посещение духанов (магазинов). Просто идём мимо, как не зайти. Последнее время стали пресекать, потому что были разные случаи. Патруль у нас считается самым лучшим нарядом, поэтому я бываю в нём не так часто, чтобы можно было беспокоится по этому поводу, а беречься, так это надо везде...

13.08.84 г.

Здравствуйте, мои дорогие мама, папа и Инна.

Получил от папы и Инны письмо – молодцы, большое спасибо. Спрашиваешь, какая тут всё таки температура? А чёрт её знает, привычка великая вещь, и в общем, ничего компетентного сказать не могу, нормального градусника поблизости не наблюдается.

Что касается Инниного вопроса про школы, то они естественно есть. Насколько я заметил, когда бывал в городе, то учатся они и сейчас, ребят как-то не очень заметно, а девчонки, что маленькие, что уже девушки, сразу видно идёт куча в форме – из школы. А форма у них – всё чёрное: платье, чулки и только шарфик из белого шёлка носят на голове или на шее. Есть студенты, которые в Союзе учатся, балакали с ними, благо они по-русски волокут немного, на жизненно важные проблемы, где лучше: здесь или там, и чьи девчонки красивее. К единому мнению мы конечно не приходили. Ну а так что сказать? Город, где человек с оружием не вызывает удивления – ничего хорошего, конечно.

Как мы живём? Живём нормально, наконец-то снова запустили свой телецентр (сам телевизор плохо берёт). Теперь Союз можно смотреть, иногда смотрим эстрадные программы местного производства, западная эстрада. Вроде всё.

3.09.84 г.

Здравствуйте, мои дорогие мама, папа и Инна.

Как мы бываем в городе, я уже писал, когда в патруле. На что он похож? Своеобразный современный южный город. Причём напомним, что хоть и на социалистическом пути развития, но в общем-то капиталистический... По тесным улицам ездят машины всех стран и всевозможных расцветок. Иногда переделана или раскурочена, что и не узнаешь, что же это было раньше, ерунда лишь бы ездил. Кое-где растут деревья, а в современном районе, можно сказать, что это где-нибудь в Ташкенте, строили-то при нашем участии.

Идёт по улице бабка в парандже, а рядом местная красотка на высоком каблучке и в платьице, одним словом – Азия. И в письме это очень трудно передать. До свидания, ваш Сашка.

10.11.84 г.

Здравствуйте, мои дорогие мама, папа и Инна.

Наконец-то собрался вам опять написать и прислать фотографию. С ней особенно много мучений и неудач, но главное – результат всё же есть. На ней плохо заметно, что у меня на плечах две лычки теперь.

Кстати, парнишка который от меня слева (если вы меня ещё сразу найдёте) – я с ним призывался ещё со Свердловска.

7 ноября прошло нормально, два дня прошлялись, пропинали. Парад смотрели, смешно его здесь смотреть, ошибки подмечаем, технику знаем почти всю. Потом на горелке (при страшной конспирации) оладьев спекли, муку на сгущёнке замешивали, а соду, как не старались, достать не смогли. В общем, жарили часа два, а съели за пять минут. Да грамоту мне дали, с праздником поздравили.

Вот и все новости в основном. А у нас уже снег лежит, погоду слушаем – такая холодища, и как только люди живут в таких условиях. Крепко вас целую, ваш Сашка.

14.11.84 г.

Получил сразу два ваших письма с фотками, очень обрадовался. Знаете, когда получаю от вас письмо, сразу так остро дом вспоминается.

У меня всё хорошо, всё по-прежнему. Недавно прилетали грачи, но улетели дальше на юг. Живём практически на аэродроме и до того привыкли, что не обращаем внимания на все вертолёты, самолёты.

Иногда после отбоя смотрим программы местные, кино индийское или мультфильмы, бывает на английском языке, но всё равно мало что понятно. Вот и все наши развлечения.

Привет всем снеговикам, ваш сын Сашка.

6.01.85 г.

Здравствуйте, мои дорогие мама, папа и Инна.

С большим горячим приветом пишет вам Сашка. Не писал вам целую уйму времени ещё с прошлого года. Получил мамино письмо прошлогоднее, где она подбадривает меня и пишет, что надо нам крепиться – всё отлично: мы крепимся и не расслабляемся. Жизнь идёт у нас нормально. Новый год встретили тоже отлично, с таким расчётом, чтобы его прожить с таким же заводом. В основном смотрели телевизор, конечно, было и что порубать, побрякали на гитаре, в городе купили мандарины и под огромным секретом бутылку водки (и это на восемнадцать то человек), распечатали новый и выпили за старый.

Правда вместо ёлки была сосна, в каком-то парке увели, и снежинки были бумажные, но всё было хорошо.

Здоровье у меня самое, что ни на есть здоровое, немного только швыркаю носом, всё же немного холодновато, если учесть, что у нас ничего не отапливается, но ерунда, перезимуем, в феврале уже теплеет. Ну вот, вроде бы и всё. Крепко вас обнимаю, ваш Сашка.

8.03.85 г.

Здравствуйте, мои дорогие мама, папа и сестрёнка.

Несколько дней назад получил письмо папино с куском газеты про наши дела качканарские. У меня всё по-прежнему нормально, последнее время несколько дней совсем стёрлась разница между

ночью и днём – небольшой авральный ремонт.

Спим то так, то эдак, и получается, что от перемены мест слагаемых сумма всё-таки меняется. На сегодня вроде бы всё закончили и сел писать письма, тем более сегодня – 8 марта. С утра, для поднятия духа, пробежались 7 км, а в остальном день такой же, как остальные.

Голосовали в Ташкентском участке, только он, к сожалению, находился здесь. За какую-то тётку, русскую, но с узбекской фамилией.

С этой беготнёй совершенно забыл поздравить маму с днём рождения, ладно отложим на июнь месяц. Ну вот, вроде бы и всё, до свиданья ваш Саша

6.04.85 г.

Здравствуйте, мои дорогие мама, папа и Инна.

Пишет вам Сашка с большим приветом. У меня всё идёт по-прежнему нормально, начался третий год. Когда приступят к увольнению – слухи ходят различные. Но ситуация такая, мне нужно научить молодого, который ещё не приехал: куда что втыкать, где что нажимать, короче, сдать должность, и хотя бы немного натаскать его. И как сказал мне ротный: «Всё зависит от тебя». Надеюсь с этим справится и поскорее урыть отсюда.

Вот вроде бы и всё, ваш Сашка.

Никто кроме нас: Грузия

Сергей ГЕРАСИМОВ

Герасимов Сергей Александрович родился 20 марта 1988 года в Качканаре. Учился в школе №6 и КППК по специальности электрослесарь. Работал в УГЖДТ на крановом участке. С 2006 по 2009 год служил в рядах Вооружённых Сил.

Женат. Воспитывает сына.

МЫ БЫЛИ НЕ НА КУРОРТЕ

Осенью 2006 года меня призвали в армию. С десантом определились в Егоршино, и то не сразу. 20 дней я там был. Сначала призывали в ВВС, в Киргизию, но авиация решила обойтись без меня. Оставалось 3 дня до конца призыва. Подумал: если сейчас не заберут, вообще я в армию не пойду. Ещё сутки посидел, у меня тем временем очень хороший друг уехал. И вот приходит команда: «Призывник Герасимов с вещами в штаб!». Смотрю, старший лейтенант ходит и написано: «7-я гвардейская ВДД». ВДВ знаю, а ВДД – что такое? Воздушно-десантная дивизия. Хорошо. В Новороссийск. Ещё лучше.

Старший лейтенант: «Пойдёте служить в десант. Кто не желает?»
Один пацан: «Я не хочу».

– Почему?

– Плоскостопие.

– Ну и топчи дальше.

Заходит другой пацан, низенького роста такой

– Ты хочешь служить в десанте? – спрашивает старший лейтенант.

– Да

– Ну и служи!

Подлетают мотострелки:

– Это наш!

– Вон ваш, с плоскостопием. Забирайте!

Поехало нас 10 человек, с Качканара я один. Был парень с Лесного, он всегда приезжает в Качканар на день ВДВ.

Приехали в Новороссийск 28 декабря. А там снег лежит, что редкость для того места. Старший лейтенант удивился – сколько лет

не было. Приехали в самую дивизию, ночь переночевали, нас отправили служить в Анапу. Нас набралось в карантине (курс молодого бойца) 20 новеньких: 10 человек с Татарстана, 10 – с Урала.

Принял присягу – отправили на операцию по поводу варикоза. Операцию сделал – сказали полгода нельзя прыгать. Ладно, переживу. А мой призыв поехал первые прыжки делать. Обидно, конечно, было. Считали, если не прыгнул – ты никто. Подходил опять момент прыгать – у меня аппендицит лопнул. Операцию сделали, слава Богу, успешно. Ещё прошло месяца три. Опять прыжки. Я рвусь, а мне говорят: «Нельзя!». Да и пошли вы... Нельзя – всё равно пойду. Вписал чужую фамилию и пошёл прыгать.

Первый прыжок. Я сел, а половина моего корабля были дембеля мои же и старослужащие. Сидим, разговариваем. В иллюминатор смотрю – красота! И чувствую у себя перепады давления, уши закладывает. Мы в два захода прыгали по 5 человек. Я прыгал вторым заходом. Тогда стало страшно. Я думал, не выпрыгну. А у меня сидят четыре дембеля, если не выпрыгну – не поздоровится. Глаза закрыл – и прыгнул. Про отсчёт ведь забыл! «501» – и сработал автомат. Дальше – «502, 503». Чувствую, меня подняло. Купол – осмотр – всё нормально. И приземлился хорошо.

Ну и пошла служба – потихоньку, по накатанной. Служил сначала в роте десантного обеспечения. Эта рота организовывала все прыжки, выставляла оцепление, занималась укладкой парашютов. По идее парашют каждый укладывал сам, но при боевой подготовке десантник прыгает, скидывает парашют – и в бой, а уже рота десантного обеспечения делает укладку, если переселение. Я был старшим мастером. Я сначала думал: ни фиги, такая должность! Тут служил электриком, тут старшим мастером! Оказалось, старший мастер – это швея-мотористка! Где-то стропа порвётся – полностью её меняешь, где купол починить.

Потом меня перевели в дивизион самоходок. Там я попал в отдельный взвод управления обеспечения, где меня поставили на должность радиотелефониста. И как раз полевой выход. А я только с полка и по весне. А там весной – как осень. Поля – всё вскопано, глина, грязь! Куда я попал! Ну, нам не выбирать, не плакать же!

Потом начались боевые учения. Каждый полевой выход длится месяц, учения идут две недели. Мне сказали:

– Ты радиотелефонист?

– Ну да.

– Вот тебе радиостанция Р-159. Пользоваться умеешь?

– Нет. Вот тумблер «включить-выключить», вот пять переключателей – по ним настраиваешь волну, какую тебе скажут. Вот тебе тангента, уши. Уши одел, сюда нажал и говоришь. Понял?

– Понял.

Я был радиотелефонистом начальника штаба дивизиона. Он: «Настрой такую-то волну». Настроил. Оба уха одел – слышу лишь шум. К нему поворачиваюсь – он что-то мне говорит. Ухо открываю:

– Кто-нибудь на связь выходил?

– Нет.

– Ну ладно.

Сидим дальше. Слышу уже переговоры какие-то. Я сижу, молчу. Тот меня хлоп по плечу.

– Нас вызывают?

– Не знаю, там кто-то базарит.

Тот как мне влупил! А он офицер боевой, две Чечни прошёл, хороший мужик. Я радиостанцию бросил, тангенту бросил – и на фиг оттуда. Тот: «Всё-всё, успокойся!». За меня все команды отдал. Объясняет: «Одно ухо накинь, второе не одевай, чтобы меня слышать, и мне передавать». Сижу. У нас позывной «Дон». Мне диктуют, я не успеваю ничего понять. Тот мне опять как всё. Я радиостанцию бросил и в лагерь бежать. Он меня вызвал, конечно, люлей вставил хороших. Следующий весь день мы учились на радиостанции работать вместе с ним. Его то, что картавлю. Потом смирился, либо мне уже пофиг на него было. Старшина рассказывал, когда он пришёл с учебки, он был у начальника штаба топогеодезистом. Второй – разведчик-дальномерщик – у него зрение минус пять, а ему в буссоль смотреть. И радиотелефонист – он заика. После первых же стрельб который минус пять уволили, заику перевели. Вот начштаба и возмутился: то заику дадут, то картавого.

В итоге он добился, что я мог всё. Я сижу пишу, он мне даёт команды, я даже не отвлекаюсь. В итоге через полгода после начала службы подписал контракт. Маме тогда ещё ничего не говорил. Мама как раз собралась в отпуск и приехала ко мне с сестрой в августе месяце. Десять дней я отдохнул с родственниками. Потом написал, что подписал контракт. Мать сначала «Зачем?». Потом «Да и правильно, оставайся».

И вот 2008 год. В очередной раз съездил в отпуск. Погулял в отпуске, 8 августа вернулся в часть. Мои в полях. Собрал опять гостин-

цы, пару пузырей водки – и туда. Только сели, за проезд выпили, смотрим – вертолёт. А мы в лесу сидим, чтоб офицеры не знали. Пацан прибегает: построение. Построились. Вышел Сердюков. Из его слов мало чего мы поняли, кроме фразы: «Вам досталась честь защищать Родину». Он улетел.

Нам команда: «По машинам!» Мы в машины запрыгнули, привезли нас на склад боеприпасов. А что случилось? А до этого ещё в марте месяце гаубичный дивизион полностью, плюс от нас добавили, сформировали отправили в Абхазию в качестве миротворцев. Сказали: «Вы там две недели побудете и вернётесь обратно. В итоге они так и не появились. Итак, приехали на склад.

– Что случилось? – спрашиваем.

– 108-й полк едет в Абхазию, война началась.

Им боеприпасы загрузили. Ещё приезжают КАМАЗы.

– Это куда?

– Это вы едете.

Поняли. Маме звоню: «Так и так, отправляют». Она, само собой, в слёзы: «Беги! Хоть куда беги! Пусть в дисбат отправят, только не на войну». – «Мам, как я потом пацанам в глаза буду смотреть. Тем более я старший радиотелефонист всего дивизиона». Она начала дальше что-то говорить, я трубку скинул, выключил.

Погрузили боеприпасы, приезжаем – половина лагеря уже разобрана, вторую разобрали, приехали в полк. Нас построили и объявили, что отправляют в Грузию со стороны Абхазии. Кто хочет, может сегодня ночью в увольнение сходить, но в 4 часа утра быть как штык. Большая часть ушла, а мы с пацанами спокойно посидели.

В половине пятого получили боеприпасы, оружие и погрузились все в танки по расчётам. Ехали ночью, мало что видели. Я спать завалился. Приехали на загрузочный пункт, где нас в эшелон грузили. Там мы протусовались два часа.

Потом пришёл батюшка, стал служить молебен. У меня двоюродный брат был в Чечне во внутренних войсках, видео показывал, как его отправляли. Я смотрю на батюшку: точь в точь как на том видео. И тогда я понял: мы едем ни на курорт. Молебен закончился, ленточки с молитвами раздали, кто на голову повязал, кто на плечо.

По вагонам! За окном – август месяц, золотое время на югах, едем вдоль побережья Краснодарского края. Кто-то машет нам, бабушка одна нас перекрестила.

Приготовились въезжать в Абхазию. Сказали приготовить военные билеты, оружие своё, для досмотра пограничниками. Пограничник залез проверять, но мы ему просто сказали: «Вали, не хрен тут смотреть!» Он всё понял, пошёл. Дальше нас повезли в Очамчир, там было разгрузочное место. С командиром полка и начальником артиллерии дивизии пошли по Очамчиру, там ещё один полк разгружался. Идём, а у меня ощущение по старым военным фильмам, что я попал куда-то в Сталинград: город разрушен весь в хлам, электропроводов нет, столбы лианами заросшие. Смотрю по окнам – кто-то там мелькает. Говорю пацану: «Слушай, если оттуда снайпер вылезет, мы – не живые». А магазины автоматов у нас ещё не заполнены, идём пустые. Дошли, слава Богу! Потом – обратно. Разгруз у нас быстро произошёл.

Меня потом отправили к колонке за водой. Смотрю: у половины – здания просто стены нету и кровати стоят. Это госпиталь, оказывается.

С Очамчиры взяли путь в Грузию, поехали на Сухуми. А по пути какой-то город. Встали перед городом. Ночью. У меня связь со всеми полностью. Через телеграфный пост со мной гаубичный дивизион связывается с командиром полка, одна радиостанция внутри-дивизионная, другая с командиром полка дивизион с командиром,

третья радиостанция только с гаубичным дивизионом. Это всё шумит, это всё кипит, реально, крыша едет. Всю ночь стояли. В 3 часа мне дали отбой, разрешили радиостанцию выключить. А уже в 5 подъём. Я встал, все радиостанции включил, всех вызвал. Начали движение. Взяли базу: бойцы спецназа ГРУ и наши – всего за 20 минут! И пленных взяли 15 человек. Пленников сказали не трогать. Кормили их 3 раза в день. Сами еле перебивались, зато их кормили. У нас чисто сухпайки были, больше ничего. С ними давай разговаривать, они: мы по русски не говорим. Приехали на базу, смотрю: большая часть техники – американцев: хаммеры, квадроциклы, М-16, пулемёты американские. Чисто пиндосовская техника. Ясно, кто спонсировал эту войну.

Потом направились на Кутаиси. Тоже перед Кутаиси встали. Ночь проспали, две проспали, а у меня сон был всего два часа в сутки. С трёх до пяти у нас нет переговоров, я спал. Просыпаюсь от того, что мне пинок идёт. Это начальник штаба: «Быстрее включай радиостанцию!». Слышу – зенитки стреляют, понять не могу ничего.

Потом у пацанов, которые стояли на боевом посту, спросил, что это было. А было вот что. Летело три самолёта. Все думали, что разведчики. Два самолёта зенитчики сбили, а третий они не могли достать. Решили стрелять «Стрелой», но дали отбой. Грузины как сделали. Отправили два самолёта-разведчика, а между ними летел самолёт гражданский. Это была чистой воды подстава. Если бы сбили – был бы мировой резонанс. Но – обошлось.

Потом зашли в Кутаиси. На нас напали. Меня пацан грудью прикрыв. Сам погиб, меня спас...

Кутаиси отбомбили, пришла команда «Отбой» – возвращаться в Абхазию. Вернулись в Абхазию, какое-то время там стояли. Потом приходит приказ вообще возвращаться в пункт постоянной дислокации. В чём дело? Грузия сдалась, Абхазия провозгласила себя независимым государством. Приказ всем сдать патроны на пересчёт. Только все разоружились, стрельба началась. Обратно давай воору-

жаться. А это абхазцы стреляли, отмечали независимость. А мы – кто под танки, кто в окоп – стрельба такая. Абхазцы нам несут фрукты, мясо, чачу. Хорошо так сразу стало.

Всё, поехали грузиться, чтобы возвращаться. Мы грузимся, рядом – мини-базар, там местные кто хлеб свой, кто газировку продавали. Меня поставили как раз останавливать машины и предупреждать, что на территории загрузки скорость не более 5 км. Я «Газель» остановил, вышла женщина и давай мне в ноги кланяться.

– Женщина, вставайте!

– Ребята, спасибо вам.

– Нечего нам кланяться. Она угостила меня, дала воды, хлеба, сигарет.

Когда приехали, мне оставался ещё год отслужить. Думал подписать второй контракт и связать жизнь с армией. Уже привыкаешь тем более. Потом пошли слухи, что нашу дивизию хотят полностью передислоцировать в Абхазию. Как ни крути, там всё равно стреляют. Да лучше я на Урал, чем в тёплом месте получить шальную пулю.

28 декабря 2009 вернулся в Качканар.

Никто кроме нас: Приднестровье

Виктор ЗАВГОРОДНЕВ

Виктор Ильич Завгороднев родился 21 декабря 1971 года в Качканаре. Учился в школе №3, в СПТУ №92 по специальности «автокрановщик». Работал в автотракторном цехе Качканарского ГОКа. В 1990-1992 годах – служба в рядах Вооружённых Сил. В 1992 году в составе смешанных сил по установлению мира в Приднестровском регионе республики Молдова.

После увольнения в запас работал в ООО «Эрат». В настоящее время – водитель администрации КГО.

СЛУЖБА В ПРИДНЕСТРОВЬЕ ПРОШЛА В СЕКРЕТАХ

Ещё допризывником был приписан к ВДВ, в Нижний Тагил ездил на прыжки. В то время это была обычная практика. Первое место службы – учебная часть в город Чирчиг, Узбекистан, 40 км от Ташкента. Это бывшая афганская учебка, где готовили для службы в Афганистане. Войска из Афганистана вывели, но всё было тоже самое, также готовили. У нас была разведка спецназа, сержантская рота. Бегали, прыгали, отжимались, учились.

Сдал экзамены, получил звание младшего сержанта. Так как экзамены сдал на отлично, можно было самому выбирать распределение. Выбрал где теплее – Крым. Там дислоцировалась бригада специального назначения, часть её – под городом Старый Крым в посёлке Первомайском, вторая часть стояла под Феодосией.

Однако греться пришлось недолго: Украина стремительно двигалась к «незалежности». Нас заставляли принимать украинскую присягу, если принимал – тогда остаёшься служить. Ребята, которые были хохлы, они приняли присягу. Офицеры отказались, мы отказались, нас выслали на территорию России.

Какое-то время находились в Самаре на пересылке. Там пожил недельку или две – и домой приехал. В военкомат пришёл, там мне бумажку дали и отправили в Екатеринбург на пересыльный пункт. Там недельку пожил – направили в Чебаркуль Челябинской области, там была рота ВДВ. Пока в Чебаркуле служил, ездили в Воткинск и в Чайковск: из Германии выводили войска, нам нужно было охранять.

Из Чебаркуля – в Молдавию уехал. О ситуации в этой стране, как и о других «горячих точках», знали из средств массовой информации. Клич-то был желающим туда поехать, но я не рвался. Как-то был в наряде дежурным по роте. Пришёл ротный: «Я тебя записал». Ну, записал и записал. Забрал вещи, погрузились в Ил-76 – и полетели. Приземлились в Тоцком Оренбургской области: там проходило формирование миротворческих сил в Молдавию и в Таджикистан. Там на травке пришлось полежать, потому что такая толпа народу. Предложили пойти в роту спецназа ВДВ – я согласился.

На складах выбрали четыре БТРа (из Германии были выведены войска, техника на колодках вся новая), загрузились в 76-е «Илы» и приземлились уже в Тирасполе. С Тирасполя своим ходом в Дубоссары. Не только мы, многие рода войск – и пехота, и сапёры... Потом колонна делится на две. Наша уходит на деревню Коржево, а вторая – на днестровскую... Местное население, в большинстве своём русскоязычное, радовались, махали нам руками. Увидели наших казачков: стоят в весёлом настроении, с шашками – они там воевали. Одна лишь капля дёгтя: подошёл мужик: «Бензину налейте!» Отказали. Он: «Бойтесь – ночью вырежем».

В этой деревне Коржевой был госпиталь для ветеранов войны, строился при Брежневе. Госпиталь этот был расстрелян из танков. Мы там остановились. Там два помещения было. Один корпус пятиэтажный, он как санаторий, там номера были – вот он был расстрелян, там даже лестничных пролётов не было. А другой корпус, где находилось медицинское оборудование, медперсонал – он был целым. Вот туда заселились. Уже вечер был. Один БТР у нас сломался, танком притащили его. Всю ночь нас обстреливали. Мы-то не заселились, мы ночь в секретах провели.

Наша рота постоянно была в секретах. Определялись ключевые места по окружности объекта, там выставлялись секреты от 2 до 4 человек. Делалась маскировка и ночь происходило наблюдение. Если какое-то передвижение, каждый вечер даются определённые сигналы, коды. Совсем ни так, как показывают в кино. Например: пароль «13». Если какое-то передвижение: «Стой, пять!» Что нужно ответить? Должно в сумме было 13. А я могу спросить и «Стой, 4», и «Стой, 3». Считать нужно уметь. В секреты ходили каждую ночь. У каждого была своя специализация. Были снайпер, наблюдатель, а нас было 8 человек, у кого были права, кто мог водить БТРы. Мы

были в секретах в непосредственной близости, где были установлены БТРы, чтобы в любой момент выехать. Мне пришлось выезжать пару раз – сильная заварушка была.

Наше подразделение специализировалось на поиске и отслеживании снайперов, и огневых точек. У нас всегда был наблюдатель на разбитом здании, он через «ночники» отмечал на карте точки выстрелов, потом днём проверяли. Как-то местное население пожаловалось, что стреляют, убивают гражданских. Примерно определили район, днём подготовили место, двое наблюдателей засели, ночь просидели, вторую просидели – и засекли. Выстрел с СВД очень хорошо отличается от выстрела «калаша», особенно с ПБС. Фитилёк зажгли, положили на землю, со второго раза снайпер сбил. С двух выстрелов определили точку, откуда стреляют, с «ночника» засекли, куда он прятал оружие. Оказался местный, 30-ти лет, СВД у него была. Крутила его местная милиция. Работал за деньги: убивает, фотографирует трупы, отправляет фотографии, по почте приходят деньги в долларах. Чего там только не было: и грабежи среди местного населения были, и мародёрство. Ночью стреляют, утром идут с матрацами из окопов, спрашивают: «У вас потери есть? У нас двое раненых». После ночных столкновений определяли количество убитых. Местное население не скрывало потерь, наёмники скрывали. Поэтому ходили на кладбище каждый день и смотрели свежеза-

копанные могилы. Сосед соседа мог зарезать за бочонок спирта. Винища в каждом доме не меряно, а между тем... И наёмников хренова гора, и девки-снайперки были.

Боестолкновения были практически каждую ночь. Они провоцировали, обстреливали. Иногда приходилось БТР выгонять, как дашь с КПВТ очередь – и тишина. В нашей роте потерь не было, одного только ранили, а в пехоте увозили. У сапёров много работы было: заминировано всё было. Сапёрами были ребята-питерцы.

Распорядок у нас был такой. В 10 вечера мы уходим в секрет и возвращаемся после 6 утра. Завтракаем, ложимся спать. Днём обычно заварушек не было. Днём обычно сапёры работают, а у нас в основном всё ночью происходит. В свободное время если есть желание – идёшь на рынок, в магазин, так же от 2-х до 4-х человек. Когда на Днестр ходим искупаться. Первое время половина купается, половина на берегу с оружием сидит, а потом... То машину взяли и поехали за фруктами: купить у местных или просто в садах набрать – там всё брошено было.

Питание отличное было! Фрукты, овощи, мясо – сколько влезет, столько съешь.

С наёмниками напрямую не общались, а от местных ребят знали, что в наёмниках румыны были, из других стран тоже, но нам они не попадались, мы просто определяли их. Можно было определить по вооружению: у них были «калаши» румынского производства. И по патронам, патроны тоже отличались. Какая-то заварушка ночью случается, днём осмотр. Были созданы совместные патрули: по два человека от ПМР, от молдован, и два человека миротворца. И вот по гильзам можно было определить, наёмники работали или местные. Иной раз мародёры пытались в замки стрелять, и рикошетом ногу себе простреливает. А говорит, что на штырь напоролся.

Был интересный дед-якут, он там всю войну провёл, с трёхлинейки отстреливал снайперов, мы общались с ним, разговаривали.

Видел Лебеда, как-то он прилетал. С ним американцы были, в том числе афро-американцы, как сейчас говорят. Мы с ними попытались поговорить, но они оказались неприветливыми.

Местное население радовалось, что русские парни приехали. Мы им оказывали реальную помощь. Восстановили всю инфраструктуру. Там ведь всё было расстреляно, разбомблено, заминировано. Ребята-сапёры всё разминировали, связисты сделали связь. Восстановили водонапорную башню (а по ней стреляли просто так), воду дали и местному населению. Столовую наладили. Даже библиотеку. Восстановили библиотеку – появилась библиотекарь. Нам самим интересно было. Столько книжек там хороших прочитал.

Ещё местному населению нравилось, что мы деньги привезли. Нам платили по тем временам хорошие деньги, им выгодно было: мы у них покупали. А когда заходили в чисто молдавские деревни, там они опасливо относились, неприветливо.

Воспоминания о службе остались приятные.

Служба закончилась, на автовокзал – и поехали. Нас поехало 8 человек. Мы договорились с местными, дали им денег, сели на машины и через границу с Украиной уехали в Одессу. С Одессы на поезде – до Питера. И домой.

Никто кроме нас. Югославия

Михаил КОНОВАЛОВ

Родился в Качканаре 6 ноября 1978 года. Закончил 8 классов школы №2 и СПТУ №87 по специальности «Экскаваторщик». С 1997 по 2000 год – служба в рядах Вооружённых Сил России, в 1999-2000 – в Югославии (Косово).

После увольнения в запас работает машинистом экскаватора в Качканарском ГОКе.

НЕ ДОПУСКАЛИ СТОЛКНОВЕНИЙ МЕЖДУ СЕРБАМИ И АЛБАНЦАМИ

Когда подошла пора призыва, пошёл в военкомат проситься в ВДВ. У меня брат служил в ВДВ и дядя, а отец на самолёте летал. Поэтому – или ВДВ, или зачем вообще служить в армии? Однако военком достал книжку, где были прописаны критерии-параметры, и убедил меня, что я не подхожу по весу, росту и габаритам, поэтому – всё: иди отдыхай. У меня была повестка на 25 декабря 1997 года, но неожиданно пришёл человек и вручил повестку на 3 декабря. А в это время в Егоршино был покупатель с ВДВ. Видно подстроил таки военком, чтобы я туда попал.

Так мы благополучно попали в ВДВ. Попали в Ишим, в учебку: 242-й учебный центр¹. Учебный центр располагался в Омске и в Ишиме. В Ишиме готовили по артиллерийским специальностям: командиров орудия САО-2С9, наводчиков орудия, командиров отделения артиллерийской разведки, разведчиков-дальномерщиков, топогеодезистов-вычислителей и др. Мы были во взводе управления огнём. Ну и прыжк, само собой, и – с вышки, и с самолета.

Через полгода отправили в часть – 119-й парашютно-десантный полк, который стоял под Москвой в Нарофоминске. Там отслужил год и в мае 1999-го однажды построили нас. Командир полка объявил: «Кто служил больше года – едем в Югославию. Кто не хочет или не может – выйти из строя». На тот момент в полку было 1000 человек – с перебором по штату – никто не вышел. Телевизор смотрели

¹ 242 Учебный центр был передислоцирован в Сибирский военный округ (Омск, Ишим) из Литвы (Гайжонай) после распада СССР.

и за ситуацией в Югославии маленько следили, поэтому представляли, о чём речь.

Чтобы туда уехать, нас отправляли в 345-й полк в Тулу. Там проходила ротация, оттуда шла отправка войск. В Боснию, например, оттуда отправляли. Там проходили подготовку. Создали новые части – отдельные парашютно-десантные батальоны, и в таком составе перебрасывались в Косово. У нас был 12-й парашютно-десантный батальон. Подготавливали эшелоны, технику грузили на платформы. Туда перебрасывались с техникой, имуществом, с палатками. Там наших войск до этого не было, поэтому как бы с ноля нас туда отправляли. Было три пути туда. Первые в мае-июне забрасывались по воздуху, но потом воздушное пространство было закрыто. Следующие – по Чёрному морю. А мы отправлялись последними, поэтому по железной дороге – непосредственно до Белграда. А дальше – своим ходом на своей же машине до Приштины.

Там была подземная авиабаза, аэропорт двойного назначения. Гора такая лысая, два тоннеля – два входа. И будочка наблюдательная и всё: ничего на горе нет. У подножия казарма как бы с деревней слились в одно, всё замаскировано. В этом тоннеле 16 или 20 этажей. Целый полк истребительный в горе находился. Из горы выходят два тоннеля на две рулёжки. Они относительно друг друга 45 градусов. Истребитель сразу выезжает из горы – и пошёл на взлётку.

Когда натовцы разбомбили подземную авиабазу, наши десантники с Боснии за 4 часа совершили марш-бросок на удивление натовцам. Когда приехали американцы, они думали что первые, а тут оказывается – уже наши. Это были наши миротворцы с Боснии. Впоследствии Косово было поделено на сектора, зоны ответственности – канадская, американская... Это были уже не миротворцы, а KFOR². Наши присутствовали в каждом из секторов на своих блокпостах. Наш контингент в Косово составлял порядка 3,5 тысяч человек. Батальоны были разбросаны по регионам, по секторам, у каждого был свой блок-пост, на блок-посту человек 12-15, на некоторых 20. Они непосредственно на дорогах стояли, контролировали. Наш батальон стоял непосредственно на аэродроме Слатино, в чистом поле.

² KFOR (англ. Kosovo Force, в официальных документах ООН на русском языке именуется СДК – «Силы для Косово») — международные силы под руководством НАТО, ответственные за обеспечение стабильности в Косово (сначала Автономный край Косово и Метохия Республики Сербия, а с 17 февраля 2008 — частично признанная самопровозглашенная Республика Косово). Силы KFOR были созданы в соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН № 1244[1] и вступили в Косово 12 июня 1999 года.

Обычная была армейская жизнь, как на полевом выходе. Там тепло, хорошо. Ходили в караулы. 23 февраля проводилась у нас на плацу выставка нашей техники, приглашали натовцев всех. По «Нонам» нашим лазили, интересно им было, как она садится на пузо. Удивлялись. С разбомбленных складов натаскали бомбы: мы придумали БМД на них ставить, чтоб они не тонули в почве.

Отмечали там 2 августа. «Показуха» была, как положено: парашютисты прыгали, рукопашный бой, прохождение маршем с песней. Командующий Шпак приезжал – первый и последний раз его видел. Натовцев опять же приглашали.

В плане обеспечения было иногда немного стыдно. Иногда нам оказывали материальную гуманитарную помощь. Итальянцы какие-то одеяла присылали. Мы ведь приехали в голое поле и сами обустроивались. Ходили на разбомбленные югославские казармы, оттуда доски таскали, полы себе делали. За дровами ездили в Сербию: у нас печи дровами топились, простыми буржуйками. На мебельную фабрику ездили за отходами.

Иностранцы всё это видели. Они приезжают – у них шикарные вагончики, обеспечение намного лучше. Они писали даже о нас. Приходила к нам английская корреспондентка, кое-как поговорила с одним, потом принесли нам газету, где написали, что все миротворцев прислали, а русские привезли спецназ, выбросили их в чистое поле, непонятно чем питаются.

Хотя с питанием всё как раз было нормально. Варили всё в полевых кухнях в полевых условиях как на полевом выходе. Узнали, как десантник должен питаться по нормам довольствия. Если положено десантнику 400 г мяса в сутки – то и получали. Стояла колбаса-салями такой бачок – её никто не ел. Столько – не съесть. Фрукты обязательно. Если нет этого – должно быть заменено другим.

Помыться-побриться – всё предусмотрено в армии. Полевая душевая, полевая химчистка всё своё, всё с собой. Так же как «технички»: автопарк там у них, взвод обеспечения. Мастерская – могли целиком двигатель перебрать. Что угодно могли сделать. Так же и стирка: машина специальная, химчистка называлась.

Вокруг были базы натовцев. Итальянцы, французы, норвежцы – каких только флагов не видели. Мы стояли на дороге, по которой передвигались натовцы. Они обслуживали аэродром. Там ведь как было? Сначала наши заняли этот аэродром после сербов. Потом наши потихоньку стали отдавать управление, обслуживание полётов иностранцам. Аэропорт работал в штатном режиме. Грузовые вертолёты постоянно летали. А мы занимались охраной. Они ездили через наш лагерь. У нас КПП было, через которое они ездили и пешком ходили. Американцы приезжали на ченч меняться – наши ушанки на их ножи.

А они там – как на работе. Ходят на аэродром, свои дела делают, потом отдыхают, ходят по гражданке. Дорога через нас проходила. У нас миномётная батарея была. По международным договорённостям калибр орудий должен быть не более 100 мм, а так как десантная «Нона» СА02С9 имеет больший калибр, пришлось переделывать под миномётную батарею. Переучивались на миномёты. Так же проходили учения. Они могли подойти посмотреть: «O, eighty two! O, eighty two!»¹ У меня, типа, такой же миномёт.

И мы с ними также общались. Даже негра как-то затащили в палатку, кормили его сгущёнкой. Это когда прилетал Клинтон, американцы выставили все свои блокпосты, то есть рядом с нашим они свой ставили броневик. Дежурный по батальону заходит, а возле печки сидит негр и ест сгущёнку. Хохма такая была.

Между собой общались доброжелательно. По английскому было 5 думал без проблем, оказывается разговорный не тот, что в школе.

¹ 82 мм – калибр миномёта

НАТОвцы проводили всякие соревнования. Забеги, например, 4 км по взлётной полосе. Участвовали представители всех стран. Я тоже участвовал, 4-е место занял.

У них были пропуска. Скажем, у англичанина есть такой пропуск, он мог пройти на любую базу любой натовской страны. Мы – не могли пройти. Но после бегов нас пригласили на фуршет итальянцы. Сходили мы к ним. Посмотрели. Между собой пообщались.

А вот с местным населением мы практически не общались. Само Косово уже было занято албанцами, а они с нами не разговаривали вообще никак. Когда ходил патруль в близлежащие деревни, они демонстративно нас игнорировали. Заходишь в магазин – «ноу-ноу» – руками машет. Тут же канадцы или американцы – они им только что ни даром раздают.

Запрещено было выходить. Население было враждебно. Сербов в Косово практически не осталось. До нас они их выдавили. Хотя когда приехали, застали, когда каждую ночь буквально смотришь: одна деревня горит, вторая. Тут храм сожгли, на следующую ночь мечеть загорелась. Первые два месяца ночи с тревогами проходили. Но нам стрелять не приходилось. Как-то демонстрация какая-то была в Приштине, начали было готовить, чтоб вмешаться, тренировки проходили, как действовать в городе, но всё обошлось, нам не пришлось никуда вмешиваться. Задача KFOR в том и заключалась, чтобы не допускать столкновений между сербами и албанцами.

Так прошёл ещё один год, в Косово. Домой еле вырвался. Замена происходила так. Я занимаю должность топогеодезист-вычислитель в отделении разведки. Когда моя замена приедет, тогда я улетаю. Вот и ждали, пока замена приедет. Получилось – год. Оттуда в Москву. Увольнялись проблемно – всё запутано с этими частями. Уходили из Нарофоминска, ротацию проходили в Туле, а та часть приписана к Рязани. Пока увольнялись, все города объехали.

До сих пор наш статус не определён. У меня в военном билете запись: Косово – Югославия – и дата.

Сергей ФИРСЕНКОВ

Сергей Владимирович Фирсенков родился в 1972 году в Качканаре. Учился в школе №5, училище №87 по специальности «сварщик». Работал в депо Качканарского ГОКа. С 1990 по 1993 служил в рядах Вооружённых Сил. Находился в Югославии в составе российского отдельного батальона ООН. В настоящее время работает у частного предпринимателя.

НЕ ПОНИМАЮ, ПОЧЕМУ ОНИ КОНФЛИКТОВАЛИ

Я долго ждал возможности пойти в армию. Перед этим съездили на прыжки, и в ноябре 1990 года был призван. Дня три в Егоршино, и по команде на – Литву, в артиллерийскую учебку в городе Принай, что примерно километров 60 от знаменитого Гайжюная. Полгода учился на механика-водителя на «Нону» – самоходную установку. Ну и прыжки тоже – с Ил-76. Потом в войска – в город Алитус. Служил механиком-водителем, ездил на учебной машине, учил других, как правильно ездить. Там до дембеля и служили, отдавая долг Родине.

В то время нас уже не выпускали ни в увольнения, никуда: в республике была сложная обстановка, а нас литовцы называли оккупантами. Встретил там путч, неделю мы сидели на автоматах.

Тогда же шёл набор добровольцев для службы по контракту в Югославию, где были серьёзные межнациональные конфликты. Я изъявил желание, но сразу уехать не удалось. Процедура непростая: нужно было написать заявление, получить разрешение от родителей... Я уже дембелем был, как-то после прыжков (Литва запретила нам, мы ездили в Белоруссию) подходит ко мне комбат Чугунов и говорит:

– Всё, твоя мечта сбылась!

Я уже и забыл. Какая мечта? Я домой хочу. А он:

– Нет! Иди в штаб.

– По поводу?

– Ты хотел в Югославию? Всё, твоя мечта сбылась.

Прошли курс молодого бойца, подписали контракт и в сентябре 1990 года нас увезли в Рязань, где три месяца ещё была подготовка, всё заново, как перед армией, как солдат молодых гоняли: физуха, марш-броски...

В ноябре нас посадили на борты и через два часа мы были в Белграде. Видно, что город бомбили, а уже дальше вглубь страны вообще была разруха. Аэропорт не работал, Клиса – военный аэродром у них был. Проезжали через город Вукола, который полностью был разрушен. Это была Сербская Краина

Наша служба была в составе миротворческих сил. Платили деньги, всё как положено. Несли службу на блок-постах. Мы стояли около Дуная. Там мост шёл от Сербской Краины до Сербии, который потом разбомбили американцы. Там

наш блок-пост был. Это была простая деревня, где раньше жили сербы и хорваты и мусульмане. Когда у них произошёл раскол, по одну сторону сербы, по другую хорваты в одной деревне. Мусульман мы уже не застали. Местное население добродушное, мы общались и с хорватами, и с сербами. Я понять не мог, почему у них конфликт произошёл. В задачу нашу входило разоружение населения и урегулирование конфликта. А конфликты были, и наши блок-посты обстреливали. А нам нельзя было открывать ответный огонь, пока не было прямой угрозы жизни. За это нас наказывали. Ходили с боевым оружием, в ООНовской форме – мы же под эгидой ООН.

Участвовали в зачистках. Как-то хорваты зашли на территорию сербов и бабушку сербскую убили. Чтобы урегулировать ситуацию, нас отправили на зачистку. Ходили по домам, патрулировали.

На главной улице деревни случилось нападение на блок-пост, нас подняли по тревоге туда, а у хорватов там была пулемётная точка. А был праздник какой-то сербский, они, видимо, выпили и им надо через блок-пост пойти. Там началась стрельба, нас подняли, мы по-

ехали, там были уже убитые сербы. Наши представители на ту сторону пошли, с трудом, но конфликт был улажен.

Поэтому в увольнение практически не ходили. Если отпросишься у командира, когда они не воюют между собой, значит можно было сходить, но редко.

Ну и учёба была, и по боевой тревоге вставали. Также взаимодействовали с сербской полицией. Иногда с ними на блок-постах стояли. Мы имели право даже их машины останавливать.

Когда приехали в Югославию, сначала у нас были свои родные палатки, полевая кухня и всё такое. Недалеко от нас были финны, они нам потом оборудовали блок-пост, столовую строили, финские домики на четырёх человек. Оборудование европейское было – по высшему разряду. И питание. После Литвы с её капустой – йогурты, фрукты... Домой приехал – было 100 кг веса.

Чистого времени был в Югославии полгода. Перед отправкой пацаны говорили: давай ещё оставайся, но не сложилось.

Никто кроме нас. Южная Осетия

Александр ДУДИН

Дудин Александр Владимирович родился 17 марта 1989 года. Закончил 9 классов школы имени Новикова в 2005 году, в КППК получил специальность «Электрорogasварщик». С 2007 по 2009 – служба в рядах Вооружённых сил России. Выполнял специальные задачи на территории государств Закавказья в составе Смешанных сил поддержания мира в зоне грузино-осетинского конфликта в г. Цхинвали, Грузия (Южная Осетия), а также в зоне вооружённого конфликта в Абхазии, Грузия в составе Коллективных сил по поддержанию мира.

В ЛЮБОЙ МОМЕНТ СХВАТИЛ ОРУЖИЕ – И ПОБЕЖАЛ

В военкомате говорили, что у меня 1-я группа годности: «Элитные войска по тебе плачут». Тесты различные проходили, но я особо не верил военкомату.

В Егоршино приехал, день просидел – никто не «покупает». Даже волноваться стал. Вечером на второй день объявили 64-ю команду – 20 человек со Свердловской области. Вызывали нас по одному. Я зашёл где-то в серединке. Смотрю: ребята серьёзные сидят, в ватных штанах, в камуфляжных шапках, без опознавательных знаков – капитан и сержант. Они между собой переглянулись – вроде как, не подходишь. Я говорю: «Товарищ капитан, возьмите меня, не пожалеете!» «Ты не знаешь, куда едем». Смотрю – лампасы голубые, думаю, десантура наверное. «Ну хорошо, поедешь с нами».

Вернулся в роту, сказали: завтра переодеваться. В роте подошел к майору: «Товарищ майор, отобрали, завтра поедем, а куда – не знаю». Он спросил:

- Какая команда?
- 64-я.
- Не знаю смеяться тебе или плакать – Кавказ.
- А войска какие?
- Спецназ ГРУ.
- Хорошо!

Понял, что отчасти добился, чего хотел на начальном этапе.

На поезде ехали до Краснодара. Оттуда на машине – в часть. В Краснодаре находился учебный центр, а сама бригада 10-я специ-

ального назначения ГРУ – под Краснодаром, посёлок Молькино, примерно около 100 км.

В учебном центре сразу сказали, что вас готовят к контракту, потому что рядовых срочников не должно быть в спецназе ГРУ. Очень плотная была физическая подготовка. 3 раза в день по 3 км бегали: утром на зарядке, днём час физподготовки и вечером перед вечерней поверкой. Различная тактико-специальная подготовка, ориентирование в горах. Нас вывозили в бригаду на полигон на тактические занятия, там городок был построен, тренировочный полигон. Занимались горной подготовкой, скалолазанием. Стреляли, мины взрывали.

Призывали на полтора года. Отслужил пять месяцев в учебке. Увезли на полигон и там уже офицеры с различных отрядов бригады приходили и набирали себе ребят. В бригаде было пять боевых отрядов. Я попал в 104- отряд.

В самой учебке был отсев. Ребят приходило много. Те, кто очень сильно не вывозили, их распределяли по другим частям. Получается на полигоне отбора-то и не было. У нас был хваленый 551 отряд: мощный, сформированный, для постоянного участия в командировках – то в Чечню, то ещё где-то. Друзья стояли рядом в строю. Спросили, кто пойдёт? Все друзья подняли руки. Пошли, а я стою и думаю будь что будет: на этом отряде свет клином не сошёлся. И попал в 104 й разведовательно-диверсионный отряд, в котором служил и о чём не пожалел. Отряд был боевой, я попал в десантно-разведовательную роту. Было жёстче, чем в учебке. Мужики все были боевые: и сержанты, у которых за плечами было много контрактов, и прапорщики, и офицеры. Знали своё дело очень хорошо. Основной контингент офицеров – выпускники Новосибирского военного училища, факультета спецразведки, единственного в стране, где готовят офицеров спецназ ГРУ

Изначально я не хотел подписывать контракт, думал отслужу полгода и вернусь домой. Командир роты у нас был капитан Воронин. Он говорит: Сейчас поедem на учения в Голицыно под Сочи. Там очень хороший тренировочный центр горной подготовки. Побегаешь с рюкзаками, полазишь по верёвкам, в горах походишь, постреляешь. Интересно! Не понравится – расторгнем контракт». Я не согласился. Мы продолжали находиться в боевых отрядах, ждали распределения.

Прошло какое-то время. Мы были на зарядке. Прибежал дневальный. Тревога! Нас построили в роте, сказали: собирайтесь, через

4 часа самолёт на Южную Осетию. Ротный спросил: «Срочники, кто желает?» Я зашёл в канцелярию и подписал контракт. Меня с ребятами отправили загружать боеприпасами машины. Через два часа были в Краснодаре на военном аэродроме, через четыре – сидели на борту, и полетели под Беслан. Через 4 часа прилетели в Беслан, населённый пункт Гюзель, там сели на машины. Днём выехали, ночью приехали в Джаву, в 7 км от Цхинвала. В Джаве добились ночёвки. И в 5 утра в Цхинвал поехали. Там нас координировал командир Центра разведки подполковник Самойленко.

Расположились на окраине в лесу. В составе групп ходили на выхода. Сначала работали в городе. Группы были уже разбиты изначально. Было боевое слаживание: как действовать в составе двойки, тройки, четвёрки. Это всё отрабатывалось. Я считаю, что мы были подготовлены. Даже в случае обстрела знали, как правильно выскочить из машины, кто какое колесо занимает, кто за какой камушек спрячется – это всё знали, и в теории, и на практике.

Стандартная группа – 11 человек, командир, заместитель и 9 человек. Это мы уже какое-то время отслужили в Цхинвале. В составе двух групп нашей роты, нас высадили на границе с Грузией, а дальше по горам топали большое количество километров. У нас были рюкзаки, разгрузки, автоматы, в основном стрелкотня, мины, гранаты, ракеты сигнальные сухой паёк, вода. В тонкости вдаваться не буду. Отправились на четверо суток.

Нам довели задачу: посмотреть подъезд к городу Тбилиси и военный аэродром, а именно отследить прилетающую технику, тяжёлое вооружение, которое разгружается или подъезжает туда. Мы выдвинулись в составе двух групп. Одна группа стояла на одной высоте, мы со своей группой пошли на другую.

Мы наблюдали военный аэродром города Тбилиси. Через четыре дня с нами должны были выйти на связь, прислать вертолёт на точку сбора основную или запасную. В процессе этого выхода потерялась связь. Вертолёт за нами не прислали. Потом мы «спалились». Было преследование, пока мы отходили, случилось несколько боестолкновений с грузинами. Благодаря прапорщику в группе, очень опытному человеку, мы вернулись с этого выхода. Он увёл грузин от группы и самостоятельно вышел на запасную точку сбора.

В целом выходы заключались в досмотре местности. Слово «зачистка» я не люблю, никого мы там не чистили, никого не добивали и не убивали. Просто досматривали местность на наличие противника, на наличие складов боеприпасов. Находили небольшие склады с каким-то вооружением, в основном это были патроны, стрелкотня, ящики с гранатами, вещевое имущество, сухпайки. Один раз заехали в лесок один интересный, а там костры ещё тёплые были, брошено абсолютно всё: берцы у костра сушились, сухпайки развёрнутые, натовская штурмовая винтовка М-4, бронежилеты, много очень патронов, снаряжённых магазинов. Были у нас и вылеты в составе воздушной поисковой штурмовой группы. Летали, смотрели местность.

Местное население относилось к нам доброжелательно. Как-то у нас был выезд небольшой, нужно было досмотреть сады. Там домики стояли. Это была территория Грузии на границе с Южной Осетией. Наша задача была посмотреть, куда падали наши снаряды и сделать фотоотчёт. Мы приехали, там дед был старый, грузин. Мы ему: «Батя, дай воды попить». Он дал воды и с ровного места: «Вы, ребята, молодцы, а Саакашвили – е...».

Когда объявили Южную Осетию независимой республикой, по Цхинвалу ездило много машин с флагами: с одной стороны осетинский флаг, с другой – российский. И стреляли – с чего только можно было. Когда мы уезжали, очень много народа нас провожало. Люди стояли, смотрели, кто-то с российскими флагами, кто-то с плакатом «Россия, спасибо!» У некоторых на глазах были слёзы.

Из Осетии поехали, как мы думали в часть, однако стояли рядом с частью, километрах в 10-20, на большой поляне. Приехал отдел

ФСБ, досмотрели у нас рюкзаки, досмотрели имущество на наличие «мародёрки». Трое суток мы постояли на этой поляне и прямиком поехали на Абхазию, как нам потом объяснили. Дело в том, что задачи куда едем и за

чем едем не доводились, пока не прибудем на место, чтобы не было лишних телефонных звонков или ещё чего-то. Ехали на «Уралах» через Сочи – до Абхазии. Это была зона конфликта.

В Абхазии мы приехали в Гальский район. Это пограничная с Грузией территория. По карте это территория Абхазии, а по населению – это грузины, не совсем положительно настроенные на общение с солдатами. Территория бедная, в 90-е годы эта территория первой подверглась обстрелам, бомбёжкам. Через Гали мы доезжали практически до Батуми в Грузии. Задача наша была следующей. Мы ездили смотрели грузинские блок-посты. По какому-то регламенту их не должно быть больше пяти и с определённым количеством человек. Если больше – принимали меры, докладывали руководству. Туда мы ездили в качестве миротворцев. С нас сняли петлицы, тельняшки, одели на нас камуфляжные майки. Ну а в плане экипировки ничего не изменилось, это всё было с собой постоянно. На одной фотографии кровать, а вот разгрузки висят с гранатами, автоматы висят. Так вот и жили. В любой момент схватил оружие – и побежал.

Эмоции остались только положительные. Были, конечно, моменты в командировках, о которых не хочется с кем-то говорить, потому что тебя никто не поймёт кроме тех, кто там был. А в целом было классно. Хоте бы я это повторить? Скорее всего – нет. Если только в Качканар к нам какой-то враг придёт.

Десантники всех поколений

Владимир ШКИНДЕР

Владимир Филиппович Шкиндер родился на Валериановске в 1932 году. Здесь же окончил 7 классов школы. Работал в геологоразведке. С 1952 по 1956 – служба в рядах Вооружённых Сил. После увольнения в запас работал на предприятиях города, и более 25 лет – в профессиональной пожарной части города Качканара.

МЫ СЕБЯ НАЗЫВАЛИ САМОУБИЙЦАМИ

В армию пошёл в 1952 году. Нас 28 человек призвалось с поселка Валериановска. Я пошёл последним. В поселке Ис к 9 часам – на вокзал. С Иса по узкоколейке повезли на поселок Выя. С Выи – в Свердловск, потом в Егоршино, оттуда – в Кунгур.

В Кунгуре была полковая школа, но я её не закончил, прошёл только курс молодого бойца. Приехали покупатели – и давай отбирать. 18 человек нас отобрали и привезли в Свердловск. Прошли комиссию только пятеро, такая вот была комиссия. Нас крутили на центрифуге, на обоняние проверяли – всё полностью. Когда привезли на комиссию – сидит там мужик – здоровущий такой, на двух табуретках. Как потом узнал, это был полковник Белоконь – начальник разведки Уральского военного округа. Говорит про меня: «Этого щенка куда привезли? От него же и парашют не раскроется!» Я говорю: «Товарищ полковник, я же возмужаю, я расту». «На язык острый! Иди к столу». На столе мензурки: нашатырный спирт, валерианка... Водка! «Что, пробовал?» «Пробовал!»

Это отбирали в разведку глубокого тыла. «Би Би Си» потом нас разоблачила, что готовят разведчиков. А мы себя меж собой называли самоубийцами.

Увезли нас в город Арамиль, стали готовить. Поместили вначале в бараки. Там уже сделан был тренажёр парашютная вышка, примерно с трёхэтажный дом. По лесенкам залазишь, вверху закреплен парашют, прыгаешь, натягивается трос, происходит сброс крючка – и уже свободное падение. Обучали правильному приземлению.

Стоишь на постаменте тебе щепочку положат между колен – и вниз прыгаешь. Если выпадет – снова. Ни в коем случае чтобы она не выпала. Ноги должны быть вместе. Мне присвоили звание аэронавта, что означает это звание – до сих пор не знаю.

А когда начали уже прыгать, первые прыжки, как мы узнали потом, были под Ясной Поляной. Брусчатые дома двухэтажные, охрана, обслуга жила. И мы в этих домах жили. Оттуда нас везли на аэродром. Парашюты перебираем, каждый парашют пломбируется, и ни в коем случае не доверяется никому. Аэронавт это кто? Который выпускает. Это звание было присвоено мне, Ашихмину и Коваленко. Я уже имел право выпускать парашютистов с самолёта. Сажусь с группой. Прыгали с аэростата. Оболочка аэростата изготавливалась из двухслойного прорезиненного материала серебристого цвета и наполнялась водородом. Снизу крепилась корзина. Садятся в корзину три человека, аэронавт – четвёртый. 800 метров высота, ветер – уже поднимается на 900 м. Дверку открываешь: пошёл! «Товарищ командир, боюсь!» «Руки на запасной!» И выталкиваешь силком! Я много напрыгал: 48 прыжков. Парашютисты выпрыгнули, я тоже выпрыгиваю. Меня вместе с аэростатом могли зацепить лебёдкой, тащить и опустить на землю. А мне это зачем? Прыжки оплачивались. Три рубля платили за прыжок. Ночной прыжок – около семи, на воду – то же самое. С парашютом

у меня нет ни одной фотокарточки: запрещено было. Но на одной фотокарточке обратите внимание – на мне хромовые сапоги. Это я приехал с прыжков. Прыгнул за офицера. У меня всегда было два парашюта под одним номером. Офицер на кухне пробу берёт – когда ему там прыгать? А у нас все должны уметь прыгать. Я прыгнул за него – он мне сапоги привёз.

Говорят, в армии худеешь очень. Почему худеешь? Поднимают часа в 4 утра. И везут. В 5 часов – ты на аэродроме. И стоишь гружёный. Самолёт задержался где-то – попробуй сядь – не сядешь ведь с парашютом. Здесь все на нервах. И физически тяжело – 36 кг на тебе. С ЛИ-2 прыгали сначала. Он берёт 12 человек: по 6 человек-выпуск. Потом с Ил-18 стали прыгать. Он берёт 24 человека, если не полностью заправленный. Если полностью – берёт 12. Тоже по 6 человек выпуск и второй круг делает. А если 24 человека 12 человек выпало, второй круг – ещё 12. Вот так мы прыгали. А где аэродром – я даже представить не могу, где они садились. В Арамили тоже ведь военный аэродром. Кто знал, что в Арамили тоже аэродром? Никто не знал. А как узнали? У Жукова был личный лётчик, Муха фамилия. Высокого роста, брови такие чёрные. Он несколько раз, ночью прилетят, видать, идёт – столовая у нас своя была, повар свой, гражданский человек, «Поесть у вас можно?» Ну, как не можно? Питались очень хорошо. Куда приезжаем, там разворачиваемся, даже в палатках. Своя кухня полевая. Особенно любили лапшу по флотски. Бывало, горох дадут. Селёдка бочками стояла. Я достиг там 90 кг, а 68 был. Не хватало роста и веса. Занимался гимнастикой, да всем занимался.

Изучал оружие: Стечкина, Симонова, Макарова. Все это оружие я пристреливал. Заключение делали. Если, допустим, патрон потерял – всё поле пересеешь, пока не найдут и не дадут отбой. Всё было под секретом, всё зачехлено. Одному никогда такое оружие не отдадут, не менее трёх человек, если в караул.

Строевой никакой не было. Давали задания. Вот задание: стоит часовой на мосту, с 3 до 4-х его нужно снять, а сапёрам взорвать мост. Такие как груша были толовые шашки, не распечатывал не знаю, но, по моему, там не взрывчатка, а порох был. Зажигаешь её и бросаешь. А сама она гипсовая такая, потому что крошится. Надо подорвать, допустим, мост на сваях. Это к примеру я говорю. Можно одну толовую шашку 200 грамм привязать, но чтоб в воде она была и шнур этот зажжёшь, и детонатор ставишь. Так вот на расстоянии

двух метров эти все столбы ссекёт. Одной толовой шашкой. Это учения. Вот такие задания. За тобой же наблюдают.

Запомнился такой случай. А где это было? Бобровка? В общем, речка. А мост порядочный - метров 30. По нему машины идут, тут же пешеходная дорожка. Часовой ходит по этой пешеходной дорожке. Его надо снять. Как снять? Стали подходить, гляжу баня на берегу. Верёвка висит, на ней платье, платок, тапочки. Может кто то мылся в бане? Не знаю. Всё это забираю, платье одел, платок подвязал, поймал козу, верёвочку привязал. Иду - хоть бы что. Моя задача часового снять. Ну и всё. С козой-то иду, он смотрит. Ножи учебные деревянные для такого дела. Поравнялся - в бочок, туда его. Мост заминировали и взорвали. А наблюдатели уже идут. Один идёт и говорит: «Баба-то где?» А второй: «А коза-то где?» И часового нет. Задание выполнено.

Как вывести из строя железную дорогу, чтобы не было взрыва. Часовые охраняют железную дорогу. Подкрадываешься и костыли выдёргиваешь один или два пролёта. Происходит сход поезда. На учениях выкинут с парашютом - при тебе карта. Задача: от точки приземления прибыть в пункт назначения не позднее такого то времени. А как ориентировался? Церковь увидел - ищешь на карте. Речка течёт - ищешь речку. Смотришь - мост. Так и добирались до назначенного места.

Зимой учились палатки ставить - на два кола. Палатка ставится - намет из снега сначала, потом утеплитель - она тройная получается. Там печка. Одеты спали. Там какой сон? Ждешь задание.

В мой группе было 9 человек. Объездили много мест, выполняли поставленные задачи в Костроме, Чапаевске, Туле. Бывало поездом везут, там машины снимаем с платформы - едем на машинах ближе к аэродрому.

Сколько я погон сменил - это ужас. Приезжаем в какую дивизию или полк - погоны для нас приготовили. Цензура - всё проверяли. Письма не запечатывались. Написал письмо - отдаёшь писарю. Цензура проверяет: если недопустимо что-то - вычёркивает. А получаешь из дома - то же самое. Спрашиваешь: почему здесь зачёркнуто? Недопустимо!

Всё под секретом было. Вот, например, в батальон связи приехали - на занятия катушки с телефонным проводом одеваем. Увозят нас - там мы уже занимаемся своими делами: подорвать, часового снять... Забросят нас - как можешь выбирайся.

Но база – в Арамиле. Когда в Арамиле нас расформировывали, я попал в охрану Уральского военного округа в Свердловск. Где Жуков жил, точнее где конюшни были, там батальон связи стоял. Мы к нему были прикомандированы. Ну тут погоны одели красные. Стояли 8 марта – Декабристов. И оттуда через день на охрану штаба округа. Это 30 человек: отдыхающая смена, бодрствующая и караул. В субботу и воскресенье – круглосуточно. Гараж охранялся, фасад, внутренние помещения. Вот здесь и дослужил.

Потом что случилось. Объявили, что солдат демобилизуют, а сержантов задержат, пока не будет выпуска из полковой школы. В своё время я не закончил полковую школу, только прошёл курс молодого бойца, но дослужился до сержанта. Это ещё 10 месяцев – год почти. Я устал. Сейчас молодёжь придёт – их надо учить.

Сейчас рассуждают о дедовщине. Да как не быть дедовщине. Вот даешь ему наряд вне очереди. Он возьмёт ведро с водой и сидит. Или дремлет в коридоре. Моет полы. Я стою, он вроде шоркает. Я ушёл – он спит. Я: «Отделение, подъём!» – отделение поднял. Вот тебе и дедовщина. Ещё не слушается: «Взвод, подъём». Строишь взвод: «Где такой-то?» А он в самоволке ночью был, ему наклепали там. Воспитывают не командиры, воспитывают солдаты. В общем, я добился, чтобы меня разжаловали.

Валентин ПОЛУЛЯХОВ

Валентин Александрович Полуляхов родился в 1935 году в Наруксовском районе Горьковской области. С 1955 по 1958 год – служба в рядах Вооружённых Сил. После увольнения в запас работал на Уралвагонзаводе в городе Нижнем Тагиле. С 1969 года – качканарец. Работал на фабрике окускования Качканарского ГОКа. Награждён медалью «За трудовое отличие». С 1990 года – на пенсии. Добился выдающихся успехов в гиревом спорте.

ЗА ДВА ГОДА СЛУЖБЫ Я СОВЕРШИЛ 26 ПРЫЖКОВ

В 1935 году моего отца призвали на войну с финнами. Мать осталась с тремя малолетними детьми. Потом нас забрал к себе дед по материнской линии. Он был хорошим плотником. Помню как он вставал в 5 часов утра, тесал, строгал, потом в бане распаривал и гнул мокроступы. А мы их называли снегоступами. Сотнями их у него забирали и отправляли на белорусский фронт. Отец же вернулся с войны в конце 1946 года.

В 1953 году, как достигшего призывного возраста, меня вызвали в военкомат на комиссию. Комиссию я не прошёл: признали порок сердца. Выдали мне «белый билет». В 1954 году окончил среднюю школу. В армию не брали, год болтался.

В 1955 году из Горьковской области с отцом уехали в Горный Алтай искать своё счастье. Немного поработал в леспромхозе. Потом нас троих молодых парней отправили в город Мариинск Кемеровской области на курсы шоферов. С месяц проучился и понял, что это – не моя профессия. Я пошёл в Мариинский военкомат с просьбой призвать меня в армию. Для них это дополнительный человек с неба свалился. Как раз в этот день призывники проходили комиссию.

Взяли у меня паспорт, приписное свидетельство – и на комиссию. Я в приписном свидетельстве исправил 32 пункт на 33. Врач меня спросил: «А что это за статья?» Я ответил: «Вы – врач, должны лучше меня знать». Больше вопросов не было.

Успешно прошёл комиссию, и через два дня в товарных вагонах нас повезли на Дальний Восток. Две недели везли до Воздвиженки – городка в 180 км от Владивостока на запад.

Прошли курс молодого бойца, приняли присягу, и нас разбросали по авиационным полкам. Изучив поверхностно матчасть тяжё-

лого бомбардировщика ТУ-4, я стал авиационным мотористом. «Вечно грязный, вечно сонный моторист авиационный», – говорили у нас в полку. Работа моториста заключалась в том, чтобы восемнадцатилиндровые двигатели и самолёт содержались в чистоте. Матчасть была уже старая, после полёта двигатели и дюралевая обшивка обычно были в масле. Я брал ведро, наливал бензина, и из шприца ёмкостью примерно с литр обливал им обшивку и двигатели, а их 4. Затем протирал ветошью. После осмотра офицером-техником и старшиной, обшивку двигателя ставили на место.

Мотористом я прослужил меньше года. Самолёты ТУ-4 перебазировали на другой аэродром. А к нам пришла новая матчасть – самолёты ТУ-16, под плоскости которого подвешивались две ракеты «Воздух-земля». Самолёт турбореактивный. Для гашения скорости при посадке снабжался контейнерным ленточным парашютом. И меня из мотористов перевели в парашютно-десантную службу. От нарядов, конечно, не освобождали.

За два года службы я совершил 26 прыжков с парашютом. Прыгали в основном с высоты 1000 метров, но прыгали и с 800 и 1200 метров с самолёта ЛИ-2. За время службы был один неприятный случай: во время прыжков с парашютом разбился солдат.

Во время службы в армии занимался лыжным спортом и лёгкой атлетикой. В 1956 году на летних Олимпийских играх в Мельбурне Владимир Куц завоевал две золотые медали на стайерских дистанциях (5 и 10 км). У себя в полку, начиная от 1500 и до 10000 метров в беге, я никому не проигрывал. И меня прозвали полковым Куцем. Но однажды капитан Протасов, ответственный за спортивную подготовку в полку, вызвал меня и говорит:

– Полуляхов, ты видел, как ходят спортивной ходьбой?

– Да, видел, – ответил я.

– На дивизионных соревнованиях пойдёшь 10 км. С завтрашнего дня ты освобождён на неделю.

Наступил день соревнований. На старте он говорит мне: «Вот этот – чемпион дивизии, у него 2-й разряд. Держись за ним».

И я держался, а на финише вышел вперёд и выиграл.

В 1958 году я уволился в запас. Жил в Нижнем Тагиле и активно занимался спортом: бегом на длинные дистанции, спортивной ходьбой. В 1963 году поступил, а в 1968 году окончил Омский государственный институт физической культуры.

В 1969 году переехал в Качканар, устроился на фабрику окускования Качканарского ГОКа. В 1974 году первый раз выступил за фабрику окатышей в гиревом спорте. И вот уже 40 лет не бросаю его.

...Как-то раз я заикнулся Д.П.Порываеву, что в армии я прыгал с парашютом. Он попросил у меня военный би-

лет. Я принёс ему военный билет и книжку учёта прыжков с парашютом. Он выдал мне форму десантника. 2 августа я её одеваю, но чувствую себя не в своей тарелке: ведь я не настоящий десантник. И что я могу написать?

Владимир СЕЛЕЗНЁВ

Владимир Юрьевич Селезнёв родился 25 июля 1962 года в Качканаре. Закончил школу №4 в 1979 году. В 1981-1983 годах - служба в рядах Вооружённых Сил СССР. С 1983 по 2010 год служил в органах внутренних дел, Полковник милиции.

«МЫ СДЕЛАЛИ СВОЙ ВЫБОР»

Годовщины и юбилеи различных событий часто наталкивают нас на размышления о том, что было в жизни сделано правильно и какие были совершены ошибки. С высоты прожитых лет все видится лучше и порой, хочется вернуться в прошлое и что-то изменить, и что-то улучшить. Юбилей создания воздушно – десантных войск, отмечаемый в этом году, не является исключением. Поэтому, мне часто вспоминаются мои юношеские годы, которые прошли в Качканаре. На рубеже семидесятых – восьмидесятых годов прошлого века мое поколение стояло перед выбором жизненного пути, перед выбором той цели, к которой необходимо было двигаться в будущем. Для мужской половины молодежи Качканара служба в Советской Армии была ближайшей перспективой и каждый юноша так или иначе к ней готовился. Главной целью каждого «пацана» была служба в воздушно – десантных войсках. Следует заметить, что вопрос – как «откосить от армии», нами вообще не рассматривался.

Будучи учащимся Качканарской средней школы №4 в 1978 году я пришел в городской оперативно – комсомольский отряд. Эта организация, созданная при горкоме ВЛКСМ, занималась профилактикой правонарушений среди несовершеннолетних, оказывала помощь милиции в охране общественного порядка, в том числе при проведении массовых молодежных мероприятий. В отряде я познакомился с простым и скромным парнем Нуриевым Юрием, так мы его называли, для простоты общения, хотя настоящее его имя было Гаптелбар. Хочу заметить, что работа в оперативном отряде была общественной и ни как не оплачивалась. Вместе с тем, она требовала определенного мужества и хорошей физической подготовки. «Боевое крещение» сотрудники отряда получали на

дежурствах в доме культуры «Строитель» во время проведения танцевальных вечеров, где подвыпившая молодежь регулярно пыталась проводить «рукопашные поединки». В таких сложных ситуациях Нуриев всегда вел себя достойно. Не скрою, что порой приходилось применять и грубую физическую силу, в таких схватках Юра никогда не прятался за спины товарищей и всегда был первым. Дружба и взаимовыручка помогали нам одерживать верх над правонарушителями. В апреле 1979 года отряд проводил Юру в армию, будучи уверенным, что этот молчаливый и вежливый парень достойно представит качканарскую молодежь в вооруженных силах. Позже была получена информация, что Нуриев служит в ВДВ и исполняет интернациональный долг в Демократической Республике Афганистан. По телевизионным и радиопередачам мы знали, что наши солдаты в Афганистане строят дома и школы, сажают деревья, помогают народу многострадальной республики. Служба нашего товарища подходила к концу, но в марте 1981 года пришло печальное известие о героической гибели Нуриева Гаптелбара Габделхаевича. Из наградного листа: «...в районе населенного пункта Махмудраки, под сильным огнем противника, гвардии старший сержант Нуриев, умело командуя вверенным подразделением, занял оборону и прикрыл вынос раненых товарищей...» Нуриев Г.Г. награжден орденом Красной Звезды посмертно. Я на всю жизнь запомнил тот весенний день, когда мы хоронили Юру,

Селезнёв
Владимир

Сотрудники оперотряда на субботнике

угрюмые, уставшие, но мужественные лица военнослужащих, сопровождавших цинковый гроб с нашим товарищем. Вместе с тем, это событие не вызвало ужаса и страха, наоборот, оно укрепило наш дух и уверенность в том, что мы должны из любой ситуации выходить победителями. Юра прожил очень короткую жизнь, не сбылись его самые добрые мечты о будущем, но своим подвигом он сделал наш мир чище и прекрасней, он стал примером для нас – призывников весны 1981 года.

На медицинской комиссии в военном комиссариате города Качканара я познакомился со Смердовым Александром. Мы сошлись с ним на том, что очень хотели служить в воздушно – десантных войсках и делали все, чтобы туда попасть. Группа качканарцев для обучения парашютному делу в школе ДОСААФ в городе Нижний Тагил была сформирована, но мы в нее не попали. Трудно передать то, как мы с Сашей уговаривали майора взять нас на «прыжки с парашютом». Начальник второго отдела тогда сказал: «Вижу, что американцев бить сможете, но в группе свободных мест нет!». Не знаю почему, но думаю, что это была судьба, так как на отправку группы не явились два призывника и мы, счастливые, заняли эти два места. Так я попал в новый, почти не знакомый мне коллектив, в котором были выпускники почти всех учебных заведений Качканара. Старшим в нашей группе был, уволенный в запас, старшина ВДВ, который был для нас первым строгим командиром и добрым наставником, за что ему хочется крепко пожать руку. Его наука нам очень пригодилась в службе и в жизни. В течение десяти дней наша качканарская группа училась укладывать парашюты Д-5, покидать самолет, действовать в воздухе, приземляться и многим другим десантным премудростям. Мы, с тревогой, ждали итоговых экзаменов и прыжков. Мы морально поддерживали друг друга и поэтому подружились. Я честно признаюсь, что очень боялся прыжков, но, ни кому об этом сказать не мог. Думаю, что каждый из нас чувствовал, примерно, то же самое, но внешне мы были спокойны и уверены. Инструкторы на аэродроме посадили в самолеты вместе с нами девушек парашютистов – спортсменок для того, чтобы это давало нам дополнительную мотивацию во время совершения первого прыжка с высоты одного километра. Этот прыжок я запомнил на всю жизнь. Страх перед дверью самолета АН – 2 описать не возможно, понять его можно только испытав эти ощущения. Даже после раскрытия парашюта,

Головлев
Сергей

Долматов
Константин

Селезнёв Смердов Быстров
Владимир Александр Михаил

ужас продолжался, так как подо мной восемьсот метров до земли, а над головой небольшое белое полотнище. Уже в воздухе мы начали поздравлять друг друга. Пока мы со Смердовым выкрикивали друг другу слова приветствия, я пропустил совершение обязательных действий парашютиста в воздухе. Я не отключил страхующий прибор на запасном. На высоте четырехсот метров прибор открыл мой запасной парашют. Возникла очень сложная ситуация. До самой земли я боролся со вторым парашютом, не давая ему наполниться воздухом, так как он мог погасить основной. К моему и всеобщему удовольствию мне это удалось, и я приземлился благополучно. Этот урок я запомнил на всю жизнь – высота не прощает глупостей.

После совершения трех прыжков с парашютом, вернувшись в родной Качканар, мы считали себя настоящими десантниками и очень этим гордились. Кроме того, нас объединило общее чувство десантного братства, мы стали друзьями, с некоторыми поддерживаем отношения до сегодняшнего дня, хотя прошло уже тридцать пять лет. Судьбы участников той группы сложились по-разному. Некоторых уже нет в живых. Заранее прошу прощения у ребят, о которых не рассказал сегодня, фамилии некоторых уже и не помню.

С одним из участников нашей группы, Головлёвым Сергеем, мы встретились 11 мая 1981 года на призывном пункте в городе Егоршино. Мы очень хотели попасть в ВДВ, и все призывники, увидев офицера с синими петлицами, бежали к нему для того, чтобы пер-

вым попроситься на службу. На сборном пункте нас было более тысячи человек, поэтому шансы были не велики. Нас нашел «покупатель» с эмблемами ВДВ, отобрав всего двенадцать человек. Прибыв к месту службы в город Печоры Псковской области, мы с Сергеем поняли, что служить бы будем в войсках специального назначения Главного разведывательного управления Генерального Штаба Вооруженных Сил СССР. То, что это очень серьезно мы поняли с первых часов пребывания в 1071-ом, отдельном учебном полку. Уровень подготовки специалистов в этом подразделении был очень высоким, физические и психологические нагрузки за предельными. Иногда мне казалось, что такое выдержать не возможно: ночные марши на дистанцию пятьдесят километров с полной боевой нагрузкой, ходьба «гусиным шагом» на три километра, отжимания от земли на кулаках в течение сорока минут и другие элементы подготовки. Тогда я был очень благодарен преподавателям физической культуры средней школы № 4 города Качканара, туристическим слётам, которые проводились в нашем городе и своим родителям, за то здоровье, которое они мне дали и развили. Шесть месяцев мы постигали азы службы настоящих разведчиков. Учились стрелять из различного оружия, в том числе и «натовского», прыгать с парашютом, изучали иностранные армии и языки, получали навыки рукопашного боя, осваивали средства связи и «азбуку Морзе», знакомились с взрывными устройствами и средствами взрывания. Все знания и навыки разведчика перечислить сложно, но главное состояло в том, что нас готовили психологически. Через шесть месяцев мы должны были быть готовы победить в любой схватке с врагом. Навсегда я запомнил надпись в зале рукопашного боя, написанную на стене кроваво-красной краской: «Первый удар мой, и точно в цель». Мы с Сергеем Головлёвым понимали, что напряжение и интенсивность подготовки разведчиков были оправданы очень сложной международной обстановкой. США и НАТО размещали в Европе ядерные ракеты средней дальности: ракеты оперативно-тактического назначения «Першинг» и «Ланс», обнаружение и уничтожение которых было основной задачей наших подразделений в случае начала ядерной войны. Кроме того наши подразделения должны были уничтожать зенитно-ракетные комплексы «Ланс» и «Чапарел», штабы и пункты управления «натовскими» войсками, захватывать образцы вооружения и техники, вести радиотехническую разведку, совершать дивер-

сии. Большую помощь в нашей подготовке оказывали военнослужащие, участвовавшие в проведении уникальной разведывательно-диверсионной операции «Шторм 333» на территории Афганистана в 1979 году. В процессе этой операции был захвачен дворец Тадж-Бек, резиденция лидера Афганистана, а сам Амин был уничтожен советским офицером. «Мусульманский батальон» спецназа ГРУ сыграл огромную роль в этом фантастическом успехе, который изучается до сих пор и вошел в учебники по подготовке спецподразделений многих

государств. Вокруг нас были замечательные солдаты и офицеры, о подвигах которых можно говорить много и долго, а о некоторых, по известным причинам, говорить еще нельзя.

Мы старались не отставать от своих сослуживцев, сдали все экзамены на отлично и продолжили службу в спецназе. Я благодарен судьбе за возможность служить в этих элитных войсках. За два года я увидел мир, познакомился со многими замечательными людьми разных национальностей, приобрел большой опыт и овладел многими навыками.

Сергей Головлёв, впоследствии, поступил в Рязанское воздушно-десантное командное училище имени генерала армии В.Ф. Маргелова, служил в военной разведке. В звании полковника, с должности начальника группы разведки Разведывательного Управления Главного штаба ВМФ вышел на пенсию, сейчас проживает в городе Москве, занимается вопросами безопасности крупного коммерческого предприятия.

В октябре 1982 года в наш полк пришло молодое пополнение. Я с нетерпением ждал уральцев-земляков. С огромной радостью я узнал, что приехал качканарский парень – Сергей Караван. Мне удалось определить его в тот батальон, в котором служил я. Мы оба были очень рады, что шесть месяцев будем служить вместе. Вместе

с тем, это увеличивало ответственность друг за друга. Сергею было, как и всем, очень тяжело. Особенно трудно ему давались упражнения на перекладине. Каждый свободный вечер мы посвящали занятиям на этом гимнастическом снаряде. Постоянный, изнурительный труд принёс свои результаты – Караван Сергей Иванович закончил обучение «на пять», и был направлен командованием для прохождения службы в Восточную Европу, в ГСВГ (Группа Советских войск в Германии). На новом месте службы Сергей Караван не забыл традиций качканарцев-десантников и выполнил все боевые задачи, поставленные командованием. К великому сожалению, этого замечательного парня с нами уже нет. Хорошая ему память...

Весной 1983 года все из нашей качканарской группы, проходившей подготовку в Нижнетагильском аэроклубе, достойно отслужив в воздушно-десантных войсках Советской Армии, уволились в запас и вернулись в родной Качканар. Я, как и мечтал, поступил на службу в органы милиции, заочно закончил Свердловский юридический институт. Прослужив без малого тридцать лет, я вышел на заслуженный отдых в звании полковник милиции. В течение всех этих лет я помнил те десять дней марта 1981 года когда мы получили первые уроки мужества и боевого братства.

Михаил Быстров, участник тех событий, работает в Качканарском ГОКе и является председателем городского отделения Межрегиональной общественной организации ветеранов Воздушно-десантных войск и войск специального назначения, отдаёт много сил этой работе и воспитанию подрастающего поколения. Низкий поклон ему и Дмитрию Порываеву, председателю Координационного Совета общественных организаций ветеранов боевых действий Северного управленческого округа Свердловской области, за реализацию проекта «Журавли». Этот проект позволяет сохранить память о качканарцах, отдавших свои жизни при исполнении воинского долга, независимо от того, где, когда и в каких войсках они служили.

Константин Долматов, в настоящее время, занимается тренерской работой. Он, имея третий дан по каратэ, подготовил чемпионов России, чемпионов Европы, трех мастеров спорта, четырех кандидатов в мастера спорта, шесть призеров России по каратэ. Главной заслугой нашего товарища считаю то, что он воспитал много просто морально и физически здоровых молодых качканарцев, которые приносят огромную пользу нашей стране, нашему городу и хранят боевые традиции.

Смирнов Николай и Тимофеев Евгений, как и многие из нашей группы десантников 1981-го года призыва живут и трудятся в Качканаре, воспитывают потомство. Хочется надеяться на то, что наши дети и внуки достойно продолжат традиции заложенные предками, будут надежно стоять на страже мира и добра.

Слава России! Слава воздушно-десантным войскам!

Юрий ЖИРНОВ

Юрий Викторович Жирнов родился 5 мая 1962 года в Кустанайской области. Закончил 8 классов школы №2. Работал на Качканарском радиозаводе. В 1980-1982 годах служил в рядах Вооружённых Сил СССР. После увольнения в запас закончил Лесотехнический институт. Занимался индивидуальным предпринимательством. Практикующий мануальный терапевт.

СПАТЬ НАМ ПРАКТИЧЕСКИ НЕ ПРИХОДИЛОСЬ

Лето 1980 года. Качканарцы, признанные на призывной комиссии годными к службе в ВДВ, едут на парашютно-десантную подготовку в город Нижний Тагил. Успешно 3 раза прыгнув с парашютом мы воодушевленные вернулись в родной Качканар. Стали ждать очередного призыва, мечтая окунуться в реальную романтику десантной службы...

Осенью, получив повестки, мы снова все встретились и отправились в город Егоршино. Там, еще не осознавая всех прелестей армейской жизни, всё ещё было весело: шутки, турник, брусья, кто чем себя занимает.

Через два дня появились наши покупатели. Через «турник» нас: Александра Макарова, Михаила Алексева, Сергея Жданова, Евгения Горбунова и меня, Юрия Жирнова, отобрали в какой-то «Корпус Быстрого Реагирования». Конечно, мы понятия не имели, что это такое.

Не помню, как оказались в самолете. Куда летим, в какую часть, в какую страну – никто не говорил. Через несколько часов самолет приземлился в Германии, и мы прибыли в г. Коттбус в 35-ю Десантно-штурмовую бригаду, созданную на базе 111-го парашютно-десантного полка Ошской дивизии. Бригада базировалась в городе, на первый взгляд, как санаторий – старые добротные казармы. На этом месте был полк фашисткой танковой дивизии «Мёртвая голова» (за время службы мы часто находили в земле ложки, вилки и другие вещи немецких солдат со свастикой).

Сначала всех нас привезли в «карантин». Он проходил в учебном центре «Штаков», где находился и наш полигон. После отбора по подразделениям Александр попал в 1-ю роту, Миша попал в 1-ю противотанковую батарею, Сергей – в зенитную батарею, а мы с Женей Горбуновым напросились в разведроту (потом только поняли, что погорячились...) Женя поступил из разведки в Рязанское училище и успешно его закончил.

В карантине мы ощутили первый этап школы мужества и поняли, что это значит – десантные войска. А так же узнали, чем отличается разведка... Это когда у всех отбой и подъем за 45 секунд, а в разведке за 30 или пока горит спичка! Когда все уже отдыхают, разведки еще нет в казарме. Был такой девиз командира взвода – разведка не должна отдыхать! А ещё, когда все бегут не в полном снаряжении, а разведка или в химзащите или, если кто вырубился, с ним на плечах...

Бывали, например, такие бытовые ситуации: когда, вернувшись после очередной разведвылазки, уже все спали, а нам было приказано утром быть в строю постиранными и с подшитыми белыми воротничками... Стирать одежду приходилось всю ночь щетками на полу, сушить вокруг одной трубы от пола до потолка в умывалке, по очереди до утра гладить под матрасом на кровати. Зато утром все как один – чистые и подшитые. Вот примерно так.

После учебного центра нас привезли в часть, в город Коттбус. Начался второй этап школы мужества! Тут я уже рад был, чтоб мама родила меня обратно. Спать нам практически не приходилось; или на турнике висишь, подъем переворотом делаешь или отжимаешься часами. А утром марш броски по 10 км. Зимой и летом любимая форма одежды командира роты – голый торс.

Никогда не забудутся марш-броски по 40 км в полном боевом снаряжении в Штаков. И это не один раз, а периодически. Всё по ночам. Спали на ходу, прямо во время движения, привалы не более 3-5 минут. Один раз встретились с Мишей Алексеевым на полигоне Магдебург, когда они, измотанные после 92 км перехода, выполнили своё задание и мечтали об отдыхе.

Когда меня перевели в 8-ю роту командиром отделения ПТУРС, там можно было передохнуть. Появилась некоторая техника для быстрого передвижения и пригодная для десантирования. Это наши УАЗы без верха, чтоб в вертолет заезжать, и Луазы, способные преодолевать водные преграды. Но в основном все передвижения были на ногах. Прыгать для захвата аэродрома в ветер на взлетную полосу, на воду или на лес, это все цветочки по сравнению с десантированием по штурмовому. Это когда несколько вертолетов снижаются над землёй, а десантники в полном боевом снаряжении выпрыгивают без парашютов и сразу же вступают в бой с противником. Высоту выброски пилоты точно не могут скорректировать, поэтому насколько сгруппируешься, настолько и повезет остаться целым. Скажу честно, лучше 2 раза с парашютом прыгнуть, чем 1 раз по штурмовому.

В части находились совсем мало времени, да если и находились, то есть такое понятие, как караул. Мне же «выпала честь» охранять знамя части – это 1 пост. Ответственность, не пошевелишься!

Отпуск получить было практически невозможно. Но за подъем переворотом, например, более 100 раз могли дать

отпуск. У нас в батальоне рекорд был 120 раз. Из нас посчастливилось съездить домой Мише Алексееву, но их тоже уже перед отправкой, с чемоданами уже, еще раз проверяли спортивную форму на турнике. За Мишу можно было не переживать, он спокойно мог делать не меньше 20-30 раз подъем с переворотом. Хоть привез весточку из дома.

Так насыщенная десантная служба подходила к дембелю. Но напряженная обстановка в Европе нам пощекотала нервы! В Польше были народные волнения, организованные профсоюзом «Солидарность» и СССР хотел ввести свои войска, а в первую очередь – бросить нас! Вместо отправки домой мы были готовы к боевым действиям и многие зашивали в гильзы свои данные военного билета.

У каждого в РД было по цинку патронов. Спать приказано в снаряжении. Первый раз были подняты ночью по тревоге и отправились в район сосредоточения в полной боевой готовности. Ночь провели в ожидании приказа. Зима, лес, костры не разжигать, по 2 человека в отделении караул, остальные дремали в укрытии на снегу. На следующий день была команда «Отбой», но ненадолго.

Вторая тревога, по которой могла развязаться война, была уже серьезней. Мы уже сидели с парашютами у самолетов с заведенными двигателями, разбитые по подразделениям, ожидая взлета. У командиров карты местности с боевым заданием. Но нам и в этот раз повезло. Руководство Польской Республики ввело военное положение в своей стране и руководство СССР решило не вводить войска на территорию Польши.

Придя в себя, мы стали ждать уже не боевого ИЛ-76, а нашего гражданского самолета домой. Но все – равно до последнего дня были готовы к любому приказу выполнять любое задание, любой сложности, как и все десантники. Вот такие вот войска «Дяди Васи»!

Александр КОРОБЕЙНИКОВ

Александр Иванович Коробейников родился в городе Качканар 26 апреля 1963 года.

Учился в спецклассе плавания в школе №6, имел 1 спортивный разряд по этому виду спорта. После 8 класса перешел в СГПТУ № 87 на электрослесаря, чтобы больше времени отдавать спорту. В 1979 году городской бассейн закрыли на ремонт и плавательная карьера прервалась, стал заниматься тяжелой атлетикой и многоборьем, выполнил КМС (кандидат в мастера спорта). Стал чемпионом области по многоборью.

СГПТУ № 87 успешно окончил на 4 и 5 по специальности электрослесарь. С 1982 по 1984 год проходил действительную военную службу.

После увольнения в запас закончил горный институт, работал на руководящих должностях в Качканарском ГОКе. С 90-х годов занимается предпринимательской деятельностью. Добился выдающихся результатов в гиревом спорте.

МЕНЯЙТЕ СЕБЯ, МИР ИЗМЕНИТСЯ САМ

В 1981 просился в армию – не взяли, сказали, что такие специалисты нужны в ГОКе, работать некому. С 1981 года по 1982 год работал по специальности в ГОКе.

В военкомате сказали: «Хочешь в ВДВ – иди на прыжки с парашютом, тогда заберут в армию». Пошел и записался. Поехали в Нижний Тагил изучать теорию и практику парашютного дела. Была зима. Со мной произошел интересный случай. Мы с товарищем Михаилом Лабухиным собрали один парашют, нас заставили его распустить, вроде как тренируемся. На следующий день собирать не стали, а закинули парашют ногами в рюкзак и показали «собранный» парашют инструктору. «Молодцы!», – сказал инструктор, – «будете делать свой первый прыжок с этим парашютом». Этот парашют отдают Михаилу. Нам стало не до шуток, пришлось сознаться, что баловались. Тогда инструктор вынес парашют со склада под номером 13, и сказал: «Кто смелый?» Я хоть и не трус, но стало как то не по себе. Миша наотрез отказался прыгать с чужим парашютом, да еще под номером 13. А я согласился – договариваться я тогда плохо умел.

Прыгнули первый прыжок со своим парашютом, сами собирали, понравилось! Второй прыжок – все нормально. Когда парашют открывается, то попадаешь как будто в рай: душа ликует. Хотя выходить с самолета всегда страшно, мало ли что, напряжение огром-

ное. Настал третий прыжок, мне выдали парашют под номером 13. Сколько я себя не успокаивал, что это всё ерунда, цифры не играют никакой роли, да и парашюта два, второй – запасной. Но думки разные лезли в голову: вдруг такие же «шутники» собирали этот парашют, а инструктор не проверил.

Мотор ревет, мы в самолете, глаза от страха огромные. Инструктор поставил меня первым к двери, летим. Завыла серена, двери открываются...Стою перед пропастью, ветер шумит, лицо обдувает, а инструктор прыгать команду не дает. Думаю, что он надо мной издевается. Одно дело ехать с открытыми дверями автобуса, другое дело с открытыми дверями самолета. И не известно, чего ждать с парашютом номер 13. Ну, думаю, «твою мать».

Самолет дал вираж, пошёл на разворот, а я стою, держусь одной рукой за кольцо, а второй рукой обнимаю себя любимого, что бы кольцо не потерять. Короче говоря, десантура знает, о чём говорю. Самолет наклонился, а я по пояс высунулся из самолета, ну, думаю, сейчас засосёт ветром, а если ногами не оттолкнуться, можно зацепиться за заднее крыло самолёта, такие случаи бывали: зацепятся и летают, как комета...Ужас!

У нас в Баравухе 1 был такой случай. Самолёт сесть не может, человек висит за бортом, бензин кончается. Солдату кричат: «Бери стропорез и отрезайся, на запаске приземлишься!» А он от такой «радости» сознание потерял. Тогда инструктор вылез на верёвке и сам его отрезал, бессознательного. Пилот нашел озеро и над ним низко летел на бреющем полете. Слава Богу, в Белоруссии много озер! Молодой солдат упал в озеро, пришёл в себя. Запаска пока намокает, не тонет, минут 15 есть, чтобы отцепить парашют, а то можно утонуть вместе с ним. Остался жив! Но к самолёту больше, почему-то, ближе чем на километр – не подходил.

Теперь моя история. Чувствую, чья-то сильная рука меня крепко держит за шиворот, выпасть не даёт. Но почему-то легкая испарина появилась на моем лбу, а между лопаток потёк ручеек липкого пота. Самолёт лёг на курс, прыгали на лёд Нижнетагильского озера, все было замечено белым снегом, чистенько как-то, прибрано, только черные деревья портили вид, который открывался из открытых дверей самолета. Наконец-то инструктор дал команду «Первый, пошёл!», я как пробка от шампанского выскочил из самолёта.

Лечу на стабилизирующим, считаю «01,02,03», как учили, дергаю кольцо парашюта, проваливаюсь в свободное падение, оно длится

секунды 3-4, пока не откроется основной парашют. Должен уже открыться, а он не открывается, говорю ему уже матом: «Ну ..., давай же...!» И вдруг слышу хлопок купола, только ноги подкинуло вверх, по защитному шлему очень сильно хлестнуло стропами. Хорошо, что уши закрыты, а то бы срезало, как скальпелем – такие случаи бывали. Ликованию нет предела, я жив, под ногами пропасть, похлопал ногами – не сплю ли я – нет, это не сон. Самолёт улетел, тишина – аж в ушах звенит, птички где-то поют, небо голубое, солнце светит...лепота! Хочется висеть и висеть и не опускаться на грешную землю. Видимо, какой-то студент мой парашют собирал, больно долго он открывался, я уже было чуть запаску не открыл.

Пока я наслаждался жизнью и красотой природы, ко мне подкрался другой «студент», только теперь сверху, садится ко мне на купол, без всякого зазрения совести. Не успел я как следует расслабиться, начинается другое приключение. А через дырочку в куполе вижу, что ровно по центру садится на мой 13-й купол. Я начал орать, как потерпевший, знаю, что бывает с теми, кто хватается за купол руками, его потом не отодрать и можно вдвоем упасть на землю. Снова почему-то захотелось жить... Я давай ему на ломаном русском объяснять, что он не прав, учиться надо было лучше, а если он не хочет жить, то пусть пролетает к «своей маме». Он повис на стропах и мы начали расходиться в разные стороны, слегка скользнул по моему куполу своими черными сапогами. Олух, надо же смотреть куда садишься, не один же на этом свете живешь.

Вдруг что-то щёлкнуло и у меня открылся ранец запасного парашюта, как конверт – в разные стороны. Запаска выпала вниз и начала наполняться воздухом. Я хотел схватить её ногами и не дать наполниться, но не тут-то было. Стропы обвилились вокруг ног, и купол запаски полез в основной. Ну, думаю «капец» пришел...

Надо было прибор автомата расчекирить после наполнения основного парашюта, иначе на высоте 500 метров срабатывает автомат и открывает запасной парашют. На случай потери сознания парашютиста. Те, кто давали в таких случаях наполниться запаске внутри основного купола, затем очень пожалели. Парашютист начинает опускаться ступенчато: то быстро падая, то зависая, и если приземление выпадет на фазу падения, то ломают ноги, руки, позвоночники; если стропы зацепились за ноги, как в моем случае, то парашютист опускается вниз головой и, как правило, ломает себе шею.

Со скоростью спортивной обезьяны я намотал запаску себе на голову, купол скомкал и не дал ему раскрыться. Лечу, ничего не вижу, но острота проблемы спала. Пока какой-то «студент» меня отвлекал, садясь мне на купол, я чуть ещё не попал в худшую историю.

Не успел я перевести дух, думаю: а земля то наверно близко – стал стягивать с головы намотанную запаску, чтоб посмотреть, куда приземляюсь. Знаю, что нас бросали на лед озера, длиной несколько километров в длину и в ширину. Как же я удивился, когда, высунув голову, увидел, что осталось метров 100-200 до красивейшего сносного леса, который своими стройными мачтами устремился к небу. А до озера оставалась метров 50. Видимо, меня снесло ветром. Да я и прыгал первым, расчёт был на глазок, как всегда у нас бывает. Думать было некогда: спасайся, кто может! С криком «а-а-а!» я повис на стропах, стараясь спланировать на берег озера, ногами коснувшись верхушек сосен. Получилось! Упал в метровый сугроб на спину. Купол большого парашюта, как юрта, накрыл меня сверху, а стропами запасного я весь был обмотан. Карабины ремней затягивали туго вдвоем, так что одному не расстегнуть. Лежу в сугробе, накрытый белым саваном парашюта, балдею. Слава Богу, полёт закончен! Я жив и в этом есть моя заслуга, просто фантастика!

После этого прыжка я начал верить в Бога! Лежал бы ещё долго, но, чувствую, сыро и холодно. Под снегом проступила наледь и я

весь промок, пока анализировал свой полёт. Пора освобождаться от 13-го парашюта, возился я долго, пока отстегнул ремни, выпутался из строп, засунул в ранцы, смотрю: до машины 2-3 км по глубокому снегу, а весит всё под 50 кг. А у меня вся спина превратилась в ледяной панцирь, как у черепахи. Только тогда до меня дошло, куда я записался в армию.

Бывало, на приземлении людей ветром тащило на парашюте, а голова в снегу, пока куда-нибудь парашют не упрется, не опытные люди успевали задохнуться. Добирался я до машины долго, как навьюченный ишак, но счастливый. Понял, что после жизненных испытаний простая человеческая жизнь становится вкуснее, возрастает её ценность. В армию, после такого испытания, стал готовиться ещё серьезнее, стал ежедневно тренироваться, по две тренировки в день. Жизнь и практика показала, что правильно всё делал.

Пошёл служить в апреле 1982 года, попал в Витебскую воздушно-десантную дивизию, учебная часть Лосвидо. Здесь никто не скрывал, что готовят всех в Афган. Сержанты были оттуда и знали не понаслышке, что нас ждёт. Тренировали нас днём и ночью, бегали до изнеможения, пока не попадаем, висели на парашютах, стреляли целыми днями, висели на турниках, пока руки до земли не вытянутся, слазить не давали. Вот гдегодились спорт и тренировки. Похудел за два месяца на 10 кг. Для всех десантников Лосвидо была как пыточная, спецлагерь. В учебке все готовы были служить хоть где, только побыстрее уехать отсюда. Но без такого испытания не сделать людей крепче гвоздей, как поётся в песне. Только между молотом и наковальней выковывается железный характер.

Конечно, как спортсмен я видел несовершенство всей системы, можно было бы намного эффективней готовить пацанов к трудностям, нужны были новые технологии, грамотные офицеры, хорошее спортивное питание, тогда этого ничего не было, другой век.

Спорт красной нитью шел через всю мою жизнь. Я рано понял, что в школе учат одному, а в жизни всё бывает по другому, и к сожалению многим людям можно что-то объяснить или доказать только силой или силой воли.

В учебке была проверка силы, и я подтянулся на турнике больше всех, меня поставили в пример и дали три дня увольнения. Так как учебка была в лесу, и идти было некуда, я расценил это как шутку, но осадочек у всех командиров остался. Меня сразу направили ох-

ранять штаб учебного полка. Жизнь стала налаживаться – благодаря спортивным достижениям. Потом назначили физоргом роты. Я учился на зенитчика, называлась «зушка», могла танк пополам расколоть, душманы её очень боялись.

Далее произошло чудо, в учебную часть приехал «покупатель», я был дежурный по штабу, и у меня профессия «дежурный электрик». Покупателю мои данные понравились, он набирал лучших для охраны штаба дивизии и военного аэродрома, где базировались все военные самолёты и вертолеты, которые уходили в Афган, взамен шли грузы «200» и подбитая техника для восстановления. Командиры меня не хотели отпускать, давали «покупателю» троих солдат за меня, но армия есть армия, приказали и пошел, а чемодана у солдата нет, только подпоясался... Так я попал в Боровуха 1. Называли её «столица ВДВ», потому что полки Витебской дивизии пошли в ДРА. В первую ночь пришлось вырубить старослужащего, хотя он ростом был под 2 метра. Зачем-то искали, кто больше всех подтягивается, опять оказался я. Жизнь стала налаживаться. Выиграл гиревой турнир в Витебской дивизии, сразу стал уважаемым человеком, на первом году это тяжело.

В 1983 году проходили крупные учения на всю Европу, приезжал Брежнев Л.И. Меня не выпускали из штаба аэродрома две недели, я обеспечивал связью все полёты. Давали только есть и спать – и снова на службу. Командир наградил отпуском, после одного года службы поехал домой на две недели, это просто фантастика. Занимал должность старшего сержанта, а самое главное получал зарплату 28 рублей. Звание так и не присвоили, как у нас говорят «чистые погоны – чистая совесть». Был отличным солдатом, отличным спортсменом, гири 32 кг всегда были рядом, командиры уважали, «дембельнулся» одним из первых, наградили почетной грамотой.

Да здравствует «гражданка»! В Афган я так и не попал, Бог миловал, но готовил другие испытания. В 1984 году вернулся из армии. Лето, друзья, девчонки, красота, а самое главное – СВОБОДА! Устроился в ГОК в контактную сеть электромонтёром, пошёл учиться в горный институт. Продолжил заниматься штангой и гирями. Женился, родились сын Денис и дочь Наташа.

В 90-е годы занялся бизнесом, стал предпринимателем, Сам себе заработал и купил квартиры, машины и построил дом. Но осознал, что всё это с собой не возьмёшь, я смертен, надо копить духовные богатства, работать над совершенствованием души.

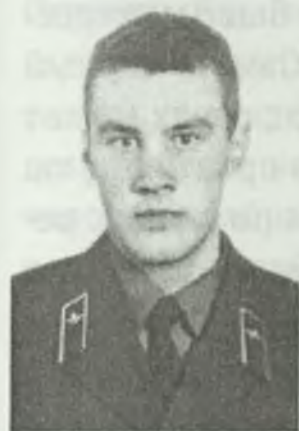

Усиленно начал изучать философию и психологию человеческой души. Спортом стал заниматься больше, а бизнесом меньше.

Стал многократным чемпионом Мира, Европы, Евразии, Азии, России, союзного государства, Белоруссии. Занялся тренерской работой, возглавил гиревой клуб Атлант. Подготовил чемпиона мира в экстремальных условиях высокогорья, чемпиона второй всемирной олимпиады, чемпиона мира и Европы, Азии, России, рекорсмена Гиннеса и мастера спорта, первый на Урале по гиревому спорту среди женщин. Ею стала моя вторая жена Ирина Коробейникова. Имею почётное звание заслуженного мастера по гиревому спорту

Приглашаю всех присоединиться к здоровому образу жизни, гиревому спорту т.к. это русский национальный вид спорта. Главный совет: «Не старайтесь изменить этот несовершенный материальный мир, меняйте себя, мир изменится сам».

Владимир ГРИГОРЬЕВ

Родился в г. Семипалатинске. Отец был кадровым военным, погиб на Байконуре. Мать с сыном переехала к родственникам на Урал. В школе Владимир учился в Нижнем Тагиле, затем в Качканаре в СПТУ №92. Отсюда был призван в армию в воздушно-десантные войска. Служил в учебном центре Тульской дивизии ВДВ, переведен в отдельный полк связи ВДВ Подмосковье, завершил службу в штабе ВДВ г. Москва. За время службы совершил 21 парашютный прыжок. В декабре 1986 года принимал участие в общевойсковых учениях «Электрон-86».

ДЕСАНТНЫЕ ВОЙСКА ОТЛИЧАЮТСЯ ЖЕЛЕЗНОЙ ДИСЦИПЛИНОЙ

Первый прыжок

Первый прыжок всегда самый запоминающийся. В армию нас призвали осенью 1985 года, а ещё в июле Качканарский горвоенкомат направил в Нижний Тагил на подготовку по специальности парашютист.

Сначала в местном клубе ДОСААФ прошли теорию: знакомились с десантным снаряжением, изучали парашют. Там впервые я увидел переносную рацию. Тогда даже не думал, что в дальнейшем буду на ней работать. Впрочем, в те дни многое было для меня впервые в жизни. В Тагиле есть небольшой аэродром. Там я увидел воочию настоящий самолет. Маленький У-2, «кукурузник», но тогда он мне казался удивительным, интересным. Помню, подбежал к нему, а сторож меня не пускает.

– Дайте поближе посмотреть, – прошу у него. – Не угонять же я у вас его собрался. А он ни в какую, так и прогнал меня.

Сам аэродром тогда больше походил на большую лесную поляну. Жили мы в контейнерах. Спортивные самолеты Як 50,52 приходят в специальных контейнерах. Собирают, монтируют самолеты уже на месте. Вот в этих контейнерах мы и жили, они довольно вместительные.

Сначала прыжки отрабатывали на земле: выход из самолета, рывок открывающегося парашюта, приземление на две ноги. Для этого сооружена специальная тросовая вышка высотой метров 15, от нее тянутся до земли тросы. Скорость при спуске достаточно приличная. Парашюта пока нет, а вся подвязка как при прыжке с самолета. Так отрабатываешь рывок. Если подвязки укреплены слабо, дернет достаточно больно. Чтобы иметь представление как действовать в воздухе с парашютом, практикуешься в прыжках с парашютной вышки. Она уже 25 метров высотой.

...Тренировки закончились. Наступил день вылета на прыжки. Когда мы еще летели в самолете, не знаю почему, мне было интересно наблюдать за реакцией ребят из нашей группы. Самый первый прыжок – особый. Не то, что он страшный. Страх нет, страх может прийти на втором, третьем прыжке, а впервые когда прыгаешь, ты не знаешь, как все это будет происходить. Хотя, судя по лицам, реакция тогда у всех была разная. У кого-то действительно страх, что уж тут скрывать, у кого-то чувство отрешенности. Мне досталось место возле кабины пилотов, она меня больше интересовала, и о предстоящем прыжке как-то не думалось. Ведь сам самолет, ощущение полета в самолете, все это тоже для меня было впервые.

...Выходишь из самолета по команде выпускающего инструктора или офицера. Он стоит у двери самолета и с определенным интервалом хлопает каждого по плечу, что означает «пошел». Парашютисты должны идти, не задерживая других, чтобы не было схождения в воздухе. Можно загасить парашют товарища.

Еще опасно, если уже открыт основной парашют, и раскроется запасной. Такое у меня произошло на втором прыжке. Надо сказать, что основной парашют размером 84 квадратных метра (прим. общевойсковой парашют Д-5 в форме 28-ми угольника площадью 84 кв. м., сшит из 11 полотнищ, имеет 28 строп, длина которых 9 метров, вес парашюта 15,5 кг.). Запасной парашют, чуть меньше, 52 квадратных метра. Стропы у него короче, когда он выходит, потоком воздуха его поднимает вверх, он закручивается вокруг строп основного парашюта и начинает его гасить. Это опасно.

Надо отдать должное инструктору, который нас готовил к прыжкам. Мы тогда совсем молодые, «зеленые», порой халатно, несерьезно относились к тренировкам, а он требовал от нас четкого исполнения каждой детали, каждого движения, прекрасно понимая – от правильности действий во время прыжка будет зависеть наша жизнь.

Еще на земле с инструктором мы тщательно отрабатывали такую ситуацию. Поэтому когда это произошло со мной в воздухе, я, как учили, запасной парашют зажал в ногах, не давая ему раскрыться. Приземлился удачно. Испуг пришел уже после приземления.

Служба в армии

Осенью 1985 года из Качканара призывалась большая команда, человек 40. Всех отправили в учебную часть в Прибалтику. Из наших я остался в Егоршино один. А через 4 дня меня направили в Тульскую

воздушно-десантную дивизию. Дивизия имела свой учебный центр. Огромный даже по размерам, как целый город. Жилые казармы, ангары для подготовки механиков-водителей БМД (боевая машина десанта), операторов-наводчиков танков. ВДВ – это армия в армии, у десантников все свое: артиллерия, танки, связь. Меня в числе еще 4 человек отобрали в связь. Это специфическая профессия. Здесь нужно иметь устойчивое внимание, усидчивость, терпение, выдержку, тонкий слух, уметь распознавать десятки обозначений букв и цифр, отработать эти навыки до автоматизма, наращивая скорость передачи информации. С передачей у меня было всё отлично, и контрольные работы сдавал без ошибок (из 100 слов допускалась одна ошибка). Вероятно, это и определило моё будущее распределение в штаб ВДВ. Работа велась как на ключе, так и на клавиатуре. Нас старшина мог ночью поднять и спросить обозначение любой буквы азбукой Морзе. Надо отметить, что каждый радист имеет свой почерк передачи. Работая на своем направлении, я знал почерк передающего мне информацию и мог определить по почерку смену радиста на другом конце линии. Так же могли по моему почерку определить и меня.

За время службы пришлось освоить все виды связи: от телефонной, телеграфной, радиосвязи до космической (спутниковой). При отработке прыжков с парашютом прыгать, естественно, приходилось вместе с переносной рацией. Это вообще разговор особый.

Представьте, на тебе вся амуниция, спереди запасной парашют, за спиной основной. Казалось бы, куда девать эту рацию? А весит она килограмм 10. Так вот, снизу находится лямка, на которой ты сидишь, когда летишь на парашюте. К этой лямке приделано кольцо. За него цепляет-

ся пятиметровый строп, к нему и крепится рация. Стоишь на выходе из самолета и держишь рацию в руках. Как только тебе дают команду прыгать, ты должен выбросить эту рацию вперед себя, а следом за ней сам. Отрыв от самолета – самый неприятный момент, это любой десантник скажет. Когда выходишь из самолета, тебя болтает в воздухе. А тут еще рация мешается. Чтобы не лететь, как попало, к низу головой, вначале открывается маленький стабилизирующий парашют, который тебя выравнивает в полете. Затем дергаешь кольцо, открываются клапаны и выходит основной парашют, при этом стабилизирующий парашют его вытягивает и направляет, чтобы основной парашют расправился. После приземления, ищешь командира роты, сразу устанавливаешь связь и, когда все собираются, начинается выполнение поставленной задачи.

Однажды во время тренировочных прыжков вся группа уже была в сборе, а одного бойца нет. Ждали, ждали, пошли искать. Под Тулой места равнинные, кругом поля и лишь островки леса. Оказалось, вот на такой лес его и удуло. Парашют во время приземления повис сразу на трех деревьях. По инструкции боец должен был распустить запасной парашют и по нему, как по веревке, спуститься на землю. То ли этот Виталий растерялся, то ли испугался, но пока мы его не обнаружили, он так и болтался между трех деревьев. А на улице зима, холодно. Когда нашли, общими усилиями убедили его, он, как и положено, спустился по запасному парашюту на землю. А основной-то остался висеть на деревьях. Это же матчасть, ее не бросишь. Пришлось срубить два дерева и стащить парашют вниз.

Надо сказать, что учебные прыжки совершаются обычно летом и зимой. В межсезонье, когда высокая влажность, прыжков нет. Парашют всегда должен быть сухой, поэтому, не смотря на погоду, его собирают на улице. Как я уже сказал, искали мы Виталия зимой, пока добрались до части, пока на морозе уложили парашюты, была глубокая ночь, а в 6 утра подъем. Десантные войска отличаются железной дисциплиной. Сказано – сделано. Только так, и не как иначе. Дисциплина во всем: внешний вид, физподготовка – ежедневно в любую погоду с голым торсом кросс 10 километров, занятия на тренажерах, теоретические и практические занятия по специальности. Все должно быть на «отлично». Недаром ВДВ называют элитными войсками.

Андрей СПИРИДОНОВ

Андрей Николаевич Спиридонов родился 17 января 1988 года в Качканаре. В 2004 году закончил школу №6. В 2005-2010 обучался в Уральском юридическом институте МВД. Работал следователем по особо важным делам отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета России по Свердловской области. В 2013-2014 году служил в рядах Вооружённых Сил России. После увольнения в запас работает старшим следователем следственного отдела по городу Качканару следственного управления Следственного комитета России по Свердловской области.

Я РЕАЛИЗОВАЛ СВОЮ МЕЧТУ

Я родился и вырос в г. Качканар Свердловской области. С раннего детства, сколько себя помню, мечтал служить в Воздушно-десантных войсках, быть настоящим десантником. Примером настоящего мужчины, человеком, на которого я всегда ровнялся, для меня всегда служил мой отец, Николай Спиридонов, который в свои 19 лет пошел служить в Советскую армию. В то время у молодых людей даже в мыслях не было каким-либо образом уклоняться от призыва на военную службу, служба в армии считалась не обязанностью гражданина, а почетным правом и личным долгом каждого уважающего себя мужчины. Мой отец с детства занимался боевыми контактными единоборствами, одним словом был спортсменом, потому перед ним не стоял вопрос: «в каких войсках проходить военную службу»? Он свой выбор сделал раз и навсегда – служить в Воздушно-десантных войсках, которые по праву считались одним из самых элитных родов войск Советской армии. По распределению отец проходил военную службу в 44-ой Учебной дивизии Воздушно-десантных войск СССР, расположенной в г. Гайжюнай Литовской ССР, был командиром отделения. Навыки и умения, твердость характера, дисциплинированность и военную выправку гвардейца-десантника, полученные отцом в период службы в армии, он пронес через все годы своей жизни. Те же ценности он прививал мне с самого детства, заставляя меня учиться, заниматься спортом, постоянно развиваться, всегда поступать по справедливости и отвечать за свои поступки, не оставлять без внимания чье-то неправомерное поведение и людей, нуждающихся в помощи. Все это и определило мою дальнейшую жизнь и

Николай Спиридонов

выбор профессии, я успешно закончил обучение в Уральском юридическом институте МВД России, после чего работал по специальности следователем в Следственном комитете России, я занимал должность следователя по особо важным делам первого отдела по расследованию особо важных дел следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Свердловской области, имел специальное звание старшего лейтенанта юстиции. Мне нравилась моя работа, она приносила мне моральное удовлетворение от того, что я помогал людям, пострадавшим от преступлений, привлекал к ответственности настоящих преступников – убийц, насиль-

ников и бандитов, занимался расследованием наиболее сложных и «громких» уголовных дел. Однако добившись высокого социального положения, престижной высокооплачиваемой должности, и уважения со стороны окружающих, обзаведшись счастливой семьей и ребенком, я не переставал думать о своей мечте детства, которая не покидала меня все эти годы. Воспитанный на ценностях своего отца, я всегда считал, что только армия может сделать из молодого человека настоящего мужчину, и не мог поступить иначе. Вот так в свои двадцать шесть лет, в свой последний «призыв» я принял твердое решение пройти срочную службу в рядах вооруженных сил Российской Федерации, при этом служить я хотел исключительно в Воздушно-десантных войсках. Мои родные, друзья и сослуживцы не однозначно оценили мое решение. Некоторое считали, что я «сошел с ума», и поступаю крайне неразумно, другие меня поддерживали и одобряли мой выбор.

Пройдя медицинскую и призывную комиссию, получив первую категорию годности, в конце ноября я был призван на военную службу. Честно говоря, мне пришлось воспользоваться моим должностным положением и помощью хороших знакомых, чтобы попасть на областном призывном пункте в команду для отбора кандидатов на службу в ВДВ. А отбор кандидатов был действительно

жестким, из тридцати человек первой партии утвердили только пятерых. Проверялось не только состояние здоровья кандидата, также предъявлялись высокие требования к физической выносливости, уровню образования, семейному положению, имеющейся специальности, спортивным достижениям, а также отсутствию приводов в полицию. Я соответствовал предъявляемым требованиям, в связи с чем успешно прошел собеседование с принимающим нас офицером, был зачислен в команду № 108, готовящуюся к отправке в г. Омск.

Ранним декабрьским утром наш поезд прибыл в г. Омск. В кузове военного «Камаза» нас привезли к воротам 242 Учебного центра подготовки младших специалистов Воздушно-десантных войск Российской Федерации, – единственной на всю страну «учебку ВДВ». Перед призывом я советовался с ребятами, ранее проходившими службу в десанте, в связи с чем знал, что служба в учебном центре – самый тяжелый этап армии, здесь до настоящего времени сохранились все традиции и обычаи Советской армии, здесь твердо следуют букве «Устава», здесь воинской дисциплине, соблюдению распорядка дня, выработке физической выносливости и строевой выправке, освоению военных наук и воинской специальности придают особое внимание. Я морально готовился к этим трудностям.

Сопровождающий офицер провел нас в солдатский клуб войсковой части, где через непродолжительное время началось распределение вновь прибывшего пополнения по конкретным ротам. Волей счастливого случая или неизбежной закономерности я в числе первых был зачислен в отдельную «Учебную роту сержантов», курсантов которой готовили по специальности – наводчик-оператор боевой машины десанта. Надо сказать, мне очень повезло с распределением, так как в данном учебном центре находилось четыре батальона, осуществляющих подготовку механиков-водителей БМД, отдельный артиллерийский дивизион, и две отдельные роты: «Учебная рота сержантов» и «Учебная рота младших специалистов», курсанты которых постоянно состязались между собой за право называться лучшими наводчиками-операторами БМД-2. Вместе со мной в УРС были распределены еще восемь ребят из Свердловской области, один из которых Александр Потеряхин был моим земляком из города Качканара. Отмечу, что Александр был мне ближе других не только потому, что являлся моим земляком, он, как и я, окончил юридический институт, до армии работал в полиции го-

рода Качканара в должности участкового уполномоченного, а стало быть, сталкивался со всеми трудностями нашей профессии. Еще у военкомата при нашей отправке мы нашли общий язык и в дальнейшем поддерживали дружеские отношения на протяжении всей службы в Учебном центре.

После распределения в роту, нас девятерых отвели в кабинет психолога, где мы прошли стандартное тестирование на уровень психофизиологической устойчивости. Там мы впервые столкнулись с солдатами старшего призыва, за нами пришел главный сержант роты – молодой добродушный парень, который сразу стал нам рассказывать об особенностях службы в Учебном центре, что нас ожидает и, что нам предстоит пережить. Он вел себя с нами по-свойски, как будто мы его старые знакомые, оставив в нашей памяти только добрые впечатления. Наконец общение с психологами было завершено, после чего мы строем, пытаясь идти в ногу, под командованием главного сержанта роты направились в нашу казарму, где нам предстояло провести следующие четыре месяца. Хочу отметить, что в расположении нашей роты, как и во всех зданиях Учебного центра, только что был завершен капитальный ремонт, нам предстояло жить и служить в совершенно новеньких казармах, оборудованных современными спортивными тренажерами, новой мебелью, душевыми кабинами, а также стиральными машинами. Хотя, забегая вперед, не всеми этими благами нам удалось воспользоваться.

В казарме нас встретили совершенно по-иному, солдаты старого призыва, которым до дембеля оставались считанные дни, а также те, кто должен был нами командовать – наши командиры отделений тут же накинулись на нас, проявляя нескрываемую агрессию. Каждый пытался нами командовать, неустанно делая нам замечания по поводу шевеления и разговоров в строю, обещая нам «сладкую жизнь». Наши вещевые мешки у нас сразу конфисковали, не позволив нам забрать личные вещи. Затем также строем мы направились в солдатскую баню, где, приняв душ, мы впервые получили голубые тельняшки – отличительный признак воинов-десантников. В тот момент чувства переполняли меня, я был очень рад тому, что, наконец, добился желаемого, получил право носить тельняшку. Там же мы впервые столкнулись с отголоском Советской армии – портянками. У большинства вновь призванных солдат правильное наматывание портянок вызвало определенные сложности, в дальнейшем многие из них страдали из-за проблем с ногами, особенно утром, когда вре-

мени для того, чтобы одеться и встать в строй крайне мало, солдаты наматывали портянки как придется, вследствие чего их ноги были содраны в кровь. Благо у меня таких трудностей не возникло, так как пользоваться портянками я умел, опять же, этому научил меня мой отец, когда мы вместе ходили на рыбалку или охоту.

Первую неделю в армии, когда рота еще только заполнялась, каждый день прибывали новые солдаты, мы ежедневно занимались «рабочкой», то есть выполняли тяжелый физический труд, как правило, всегда что-то разбирали, переносили, укладывали и тому подобное. Очень скоро рота была полностью укомплектована, начался зимний учебный период, а вместе с ним и тяжелые армейские будни. Ежедневный подъем в шесть часов утра, затем в течение часа утренняя зарядка, после всего две минуты на утренний туалет, далее наведение порядка в кубрике и расположении, утренний телесный осмотр, завтрак, учебные занятия, обед, снова учебные занятия, физическая подготовка, ужин, вечерняя поверка, чаепитие, отбой. Примерно таким выглядел наш распорядок дня, которого старались придерживаться офицеры роты. Из всего изложенного самым тяжелым была необходимость посещения туалета исключительно строем и в установленное время, которое при всем этом было крайне ограничено, нам давали всего две минуты, при этом в туалет загоняли взвод в количестве сорока человек, а там было всего восемь умывальников.

В нашей роте было всего девять старослужащих – командиры отделений, при этом сформировали всего два взвода вместо трех, потому трое командиров отделений остались без личного состава. Одно из них назначили главным сержантом роты, второго «каптером», а третьего ответственным за материальную базу. Среди командиров отделений были нормальные ребята, которых мы уважали, с которыми мы постоянно общались. Нам же, то есть первому взводу, достались трое молодых, слабо образованных и не обремененных интеллектом командира отделения. Так получилось, что после завершения обучения от первого взвода в роте остались не лучшие курсанты, как это должно было быть в идеале, а те, кто по каким-либо причинам не смог уехать в войска. Нам пришлось с ними служить долгие четыре месяца, при этом ни один из них не мог дать нам тех знаний, умений и навыков, которыми мы должны были овладеть за время обучения. Отмечу, что при всем этом нам достался самый ответственный, я бы сказал даже фанатичный командир взвода – старший лейтенант Илья Радыгин. Это был грамотный специалист своего дела, на личном примере показывающий как необходимо выполнять поставленные задачи. При всем этом он был жесткий, строгий, требовательный, но справедливый. Во многом благодаря его требовательности большинство курсантов первого взвода в достаточной степени овладели теоретическими знаниями военных наук, научились не просто стрелять из вооружения боевой машины десанта, но и быть действительно хорошими наводчиками-операторами БМД. Командир взвода требовал от нас наизусть знать назначение, основные части, а также тактико-технические характеристики всего вооружения и других элементов боевой машины десанта, требования безопасности при стрельбе и прочее. От того насколько был готов к занятиям курсант зависела продолжительность в дальнейшем проводимых занятий взвода по выработке физической выносливости. Скажу только, что они были крайне продолжительными и тяжелыми, хотя с каждым днем давались все легче и легче.

Ежедневные занятия отнимали очень много сил, каждое утро мы выходили на склад ракетно-авиационного вооружения, получали огромное количество снарядов, затем несли их на директрису, расположенную в трех километрах от войсковой части, там проводили учебные стрельбы, собирали стреляные гильзы, затем все это несли обратно, сдавали на склад РАВ. Меня всегда волновал вопрос, зачем мы получали по полторы тысячи тридцатимиллиметровым снарядов,

в ящиках по шестьдесят четыре килограмма, когда успевали отстреливать не более пятисот. Эти ящики я не забуду никогда. Учитывая, что у ящиков не было нормальных ручек, лишь две небольшие планки, их было крайне неудобно и тяжело нести. Тот, кому выпадало нести два ПКТ (пулемет Калашникова танковый), весом чуть более десяти килограммов каждый, считался счастливым. Учитывая постоянные физические нагрузки, буквально через месяц каждый солдат был приведен в хорошую физическую форму, многие, включая меня, очень сильно похудели. При этом кормили нас достаточно хорошо. Сравнивая комплексные приемы пищи в институте МВД и в армии, отдаю предпочтение и пальму первенства ныне существующей армейской кухне. Все это благодаря гражданскому персоналу, готовящему пищу для солдат. Каждое утро помимо основного блюда мы получали масло, молоко, сыр, сало, печенье, вафли или пряники, в обед – сок, всегда был салат – бар, но ужин был неважный – непонятно какая рыба и капуста, после которых есть хотелось ничуть не меньше. Выручал «балдарь», так называется армейская чайная в Воздушно-десантных войсках. Водили туда не всех и не всегда. Чтобы попасть в «балдарь», командиру отделения в обязательном порядке нужно было что-то купить, чуть позже, наши сержанты открыто требовали с каждого из солдат определенную сумму денег, чтобы их отвести в «балдарь».

В «учебке» жили от воскресенья до воскресенья, это был единственный день, который существенно отличался от других и действительно являлся выходным днем для солдата. Возможно, для кого-то это покажется диким, но почти каждое воскресенье у нас был «сончас», когда мы спали от обеда до ужина, наслаждаясь тишиной и спокойствием. В войсках такого удовольствия нам не доставляли. Как я уже ранее говорил, в Учебном центре сохранились старые пережитки Советской армии, например, в нашей части строго соблюдался запрет на использование средств сотовой связи, в связи с чем, пришлось взять перо и тетрадный листок и писать письма родным и друзьям. Очень увлекательное занятие, а самое приятное в нем – получать письма. В армии существует целая традиция, как вручается солдату письмо от любимой девушки, при этом раздающий письма отвешивает сильнейшую «калабаху» по шее получателя письма. Что только не придумают солдаты, чтобы разнообразить свои унылые будни. Но сотовые телефоны нам все-таки выдавали один раз в неделю, в воскресенье после обеда мы получали свои сотовые телефоны, хранящиеся в специальном

ящике у командира роты, после чего до самого отбоя разговаривали с родными и близкими, чьи голоса так хотелось услышать и хоть ненадолго вернуться к прежней жизни. Были и те, кто не хотел мириться с запретом на использование сотовых телефонов. Будучи разоблаченными командирами отделений, их сотовые телефоны занимали почетное место на специальной показательной доске, скрепленные гвоздями на 150 мм. Были и те, кто попросту покупал у сержантов разрешение на постоянное использование средств сотовой связи. Мне же была противна сама мысль дружеского общения с нашими гнусными сержантами, которые при каждом удобном случае пытались подставить курсантов и поиметь с них деньги. Хотя должен отметить, что среди сержантов были ребята, с которыми мы постоянно общались и которых мы действительно уважали за их человеческое и справедливое отношение к нам. «Охотник» и «Таран», производные от их фамилий. С этими ребятами всегда можно было поделиться имеющимися проблемами и рассчитывать на понимание и поддержку. Мы общаемся и по сей день.

Многие согласятся, что солдатская дружба самая крепкая, это навсегда. Полагаю, все это потому, что друзей – сослуживцев сама служба очень объединяет, сплачивает, делает родными. Когда ты плечом к плечу с товарищем проходишь все те трудности, тяготы и лишения службы, помогая друг другу, тогда начинаешь ценить настоящую дружбу, понимаешь, кто тебе действительно дорог. У нас был достаточно дружный взвод, со мной служили еще восемь человек из Свердловской области, мы постоянно держались вместе, помогали друг другу. При всем этом моим лучшим другом в армии стал не мой земляк, а сибиряк Дмитрий Дадонов, с которым я прошел всю армию до последнего дня. Мы стали общаться с первого дня, сразу появились общие интересы, он выделялся наряду с другими: инженер по образованию, кандидат в мастера спорта по вольной борьбе, молодой энергичный парень с ярко выраженной харизмой и чертами лидера. При всем этом до армии Дима работал индивидуальным предпринимателем, имел стабильный заработок и хороший доход, и, будучи не годным к службе в армии по состоянию здоровья (какое-то там плоскостопие), но ставящий себе в пример отца и родственников – военнотружущих, сделал для себя тот же выбор, что и я. Между нами были крепкие дружеские отношения, мы во всем помогали друг другу. Я и не догадывался, что нам предстояло пережить вместе.

Не обошлось в армии и без конфликтов, это, мягко говоря. Ежедневно с первого дня службы командиры отделений после отбоя занимались «прокачкой» солдат, при этом нас заставляли выполнять различные физические упражнения, вырабатывающие физическую выносливость и силу. Конечно, все это они делали не с воспитательной целью, а ради своего удовольствия. Мы были твердо убеждены, что «качаться» в армии не стыдно, но издеваться над собой мы никогда не позволяли.

Так в один из первых дней службы командир третьего отделения нашего взвода поручил одному из наиболее слабых солдат постирать его бушлат. Мы застали курсанта около раковины, где он замочил бушлат и собирался его стирать. Договорившись о том, что не позволим ни одному сержанту унижать нас, мы сказали, чтобы тот курсант бросил это дело, и не смел стирать одежду за сержанта. В тот же вечер весь наш взвод «качался» за невыполнение приказа старшего по званию, однако сержанты, все, будучи моложе нас, физическую силу ни к кому не применяли. Они нас попросту боялись. Бушлат пролежал в раковине более трех дней, пока кто-то из курсантов второго взвода не постирал его.

Наши сержанты прекрасно знали, кем я работал до армии, потому особо ко мне не придирались, обходили стороной. Но не все и не всегда. Примерно на второй неделе службы в вечернее время после физических упражнений один из старослужащих, оставшийся без личного состава и должности командира отделения, решил нами покомандовать. О чем конкретно шла речь, я уже не помню. Только вот он дал нам тридцать секунд, чтобы переодеться, снять спортивную одежду и надеть форменное обмундирование. При этом счет у него был десантный, то есть такой, какой он сам хотел: 30, 28, 25, 20, 17, 12, 5, 3, 2, 1, затем последовала команда «к бою», по которой военнослужащий, то есть все мы, кто не успел переодеться, должны были упасть на пол. Соответственно, выполнить приказ никто не успел. Понимая, что этот сержант попросту над нами издевался, я не выполнил его команды, после чего между нами произошла словесная перепалка, и он потребовал, чтобы я прошел в сушилку, где происходили «силовые разборки» между военнослужащими. Как только мы зашли в сушилку, он набросился на меня, пытаясь нанести удар, но тут же получил встречный опережающий удар рукой в грудь, в результате чего оказался на полу. Далее все повторилось снова, сержант вновь лежал на полу. Через некоторое время он встал

и уже спокойно продолжил со мной общаться, пытаюсь выставить меня «стукачом». Я объяснил ему, что он и его товарищи сержанты за неделю нашей службы наворотили дел на два года «дисбата» и лет пять колонии общего режима, после чего сержант сильно изменился в голосе и лице, стал крайне спокойным и восприимчивым. В этот момент дверь в сушилку резко распахнулась, и в нее забежал мой друг Дима Дадонов, удерживающий в руках крем и щетку для обуви. Смех переполнял все мое нутро, но я сдержался. Желая помочь мне, «Дадон» придумал реальную причину, по которой ему необходимо было попасть в сушилку. Мы все потом очень долго над этим смеялись. После того случая тот сержант ко мне больше никогда не приставал, мы стали типа «друзьями».

На этом конфликты не закончились. Зная о нарастающей конфликтной ситуации между курсантами и сержантами, мы договорились между собой, что в случае физического насилия в отношении одного из нас, все придут на помощь. Так и получилось. Однажды на вечерней поверке, когда весь наш взвод в противогазах находился в упоре лежа, шесть сержантов нашей роты «взрывали» наши постели, под матрасом одной из которых они обнаружили тельняшку, которую солдат не надел на себя. В армии у каждого из нас было два комплекта нательного белья, которое мы обязаны были носить всегда на себе. В двух комплектах в казарме было очень жарко, в связи с чем многие из нас, я в том числе, носили по одной тельняшке, а вторую искусно прятали в казарме. Найдя в тот вечер тельняшку, сержанты нашли повод, чтобы наказать нарушителя. Подозвав к себе одного из нас, шесть сержантов начали наносить ему удары. Мы не заставили их долго ждать. По сигналу «наших бьют» сорок курсантов поднялись с упора лежа и бросились в сторону обидчиков. При этом понимая, что драться в противогазе неудобно, я его снял. Первым мне попался мой заместитель командира взвода, который тут же оказался лежащим на полу с завернутыми за спину на излом руками, прижатый коленом к полу. Я наблюдал, как один из курсантов сделал классический прием вольной борьбы – бросок через себя и воткнул сержанта головой в пол. Трое из командиров отделений сразу ретировались, покинув нашу часть расположения. Еще один сержант, тот самый, с которым я уже общался, продолжал отчаянно наносить удары попавшим под руки курсантам. Его окружили, но трогать боялись. Я оставил своего противника лежащим на полу, бросился к сержанту, схватил его одной рукой за шею, вто-

На укладке купола

рой за руку и постелил его на пол казармы. Тут же ребята пришли мне на помощь и повязали его по рукам и ногам. Всю эту картину наблюдал командир второго взвода – молодой лейтенант, который остолбенел от увиденного. Затем в казарму ворвался прапорщик, который быстро пресек наше противоправное поведение. После чего были долгие и нудные выяснения причин случившегося, мы обвинили и уличили сержантов в воровстве, вымогательстве, побоях и так далее. Разошлись миром, отбились, то есть легли спать.

В полночь в расположении роты появился наш доблестный командир взвода, который не мог оставить без внимания факт нарушения уставных взаимоотношений между военнослужащими. Тут же была дана команда «газы», и мы приступили к выработке физической выносливости, попутно объясняя причины произошедших событий. В итоге в отношении нас на две недели были установлены следующие репрессии: мы всегда и везде ходили с противогазами, даже спали и выполняли физические упражнения вместе с ними, отдыхали исключительно стоя в двухшереножном строю, все занятия для нас проходили также стоя, «балдарь» был под запретом. Но и сержанты сделали определенные выводы после случившегося, нападки с их стороны прекратились.

Но больше всяких репрессий запомнились те обычаи и традиции, которые нам прививал наш командир взвода. Он требовал от нас

беспрекословного соблюдения воинской дисциплины, строго спрашивал за ее нарушения. Одним из основных требований, которое мне запомнилось, было уважение своего строя, мы не должны были никого пропускать через строй, позволять ходить между строем и командиром. Из-за этого часто возникали конфликты между военнослужащими других подразделений, как правило, это происходило в столовой, когда «чужие» сержанты пытались пройти через наш строй. Неоднократно дело заканчивалось дракой, но мы были непреклонны. Наши сержанты, видя, что у нас происходит конфликт с сержантами из других подразделений, сразу исчезали, чтобы не вмешиваться, но мы стояли друг за друга, потому всегда побеждали.

Самым захватывающим, самым запоминающимся в службе в десантных войсках, безусловно, является воздушно-десантная подготовка и непосредственно совершение прыжков с парашютом. В Учебном центре этой подготовке уделяется особое внимание, этому посвящены теоретические занятия по изучению материальной части парашюта, непосредственное обучение укладки парашюта для прыжка, а также изнурительные практические занятия на воздушно-десантном комплексе. В изучении материальной части парашюта, а также его укладки особых сложностей у меня не возникло. Офицеры воздушно-десантной службы очень доступно проводят соответствующее обучение. Прыжок – совсем другое. Я с детства боялся высоты, и когда мы впервые пришли на воздушно-десантный комплекс, чтобы совершить первые прыжки с десантной вышки, меня одолевали волнения. Наслышавшись от сержантов о том, что при выполнении неправильных действий во время совершения прыжка с вышки некоторые солдаты получают характерные повреждения лица и конечностей, порезы и ожоги от парашютных строп, я испытывал определенные переживания. Поинтересовавшись у командира роты, покажут ли нам на примере как правильно совершать прыжок с вышки, я нарушил одно из основных правил в армии, а именно проявил инициативу, в результате чего получил соответствующий ответ, что, прыгнув первым, я и покажу всем как это надо правильно делать. Мне ничего не оставалось, как выполнить приказ командира, тем более на меня смотрели более молодые товарищи, которые искали во мне пример для подражания. Поднявшись на верхнюю площадку вышки, подойдя к краю, меня пристегнули двумя карабинами за свободные концы подвесной системы, после чего хлопнули по плечу с командой «пошел». Сде-

лав два заученных шага вперед, я оттолкнулся от края вышки и совершил свой первый прыжок. Шквал эмоций обрушился на меня, я испытал ранее неизвестные мне приятные ощущения, и, оказавшись на земле, сразу же побежал обратно наверх, чтобы повторить учебный прыжок. Всего с вышки я совершил пять прыжков, как это и предусмотрено учебной программой, но не всем повезло так как мне, многие с вышки так и не прыгнули.

Прошла «боевая» укладка, то есть мы уложили свои парашюты для совершения первого учебного прыжка, стали ждать погоды, из-за которой прыжки несколько раз отбивали. И вот 25 января настал ясный солнечный день, который я запомнил на всю свою жизнь. На улице стоял сильный мороз, было минус 32 °С, но нас это не пугало, мы мечтали совершить свой первый прыжок с парашютом. На военных «Камазах» нас доставили на аэродром, где, надев экипировку, мы прошли несколько линий проверки и были допущены для прыжка. У каждого за спиной находился парашют «Д-6 серии 4», а спереди запасной парашют «З-5». Первый учебный прыжок совершается без РД-54 и автомата. Когда наша корабельная группа из девяти человек заняла места в самолете «АН-2», мотор «зарычал» и самолет поднял нас в небо, на лицах товарищей я видел волнение, да и сам я очень переживал, но внешне никто страх не показывал, все улыбались и ободряли друг друга. Многие из курсантов вообще впервые в жизни оказались в самолете, я даже не представляю, какие волнения им пришлось испытать. Но вот «заорала» сирена, выпускающий открыл дверь, поступила команда приготовиться, все встали, поправили подвесную систему, взяли за кольцо, которое правильно называется – звено ручного раскрытия. Я стоял вторым, только и успел увидеть, как ушел впереди стоящий солдат. Приблизился к краю, услышал команду «пошел», хлопок по плечу, сделал два шага и вышел с самолета, сразу подхваченный порывом ветра я ушел от борта, выполняя положенный отсчет времени: «501, 502, 503», рванул звено ручного раскрытия и через секунду почувствовал, как раскрылся купол, я стал медленно парить в небе на парашюте. Приземление не вызвало особых трудностей, так как под нами было поле, занесенное снегом глубиной не меньше метра. 15 февраля, в день вывода войск из Афганистана, я совершил свой второй прыжок с парашютом, при этом мы стали не просто парашютистами, мы стали настоящими десантниками, совершившими прыжок с парашютом в соответствующей экипировке, с РД-

54 и АК-74М. Забегая вперед скажу, что мне в достаточной степени повезло с прыжками, в дальнейшем в войсках я прыгал еще много раз уже с парашютной системой «Д-10», всего совершил двенадцать прыжков с парашютом, в том числе три раза с самолета военно-транспортной авиации «ИЛ-76», с вертолета «Ми-8». И учитывая подразделение, в котором я служил, мне довелось совершить пять тяжелых прыжков. Ничего более впечатляющего и эмоционального я не испытывал.

По итогам обучения и службы в Учебном центре мы сдали экзамены по строевой, физической, воздушно-десантной и огневой подготовке. Сейчас я рад, что начал свою службу именно в Учебном центре, мне есть с чем сравнивать, мы, прошедшие «учебку», качественно отличаемся от остальных воинов-десантников. Без преувеличения могу сказать, что солдаты-десантники, прошедшие службу в 242 Учебном центре подготовки младших специалистов Воздушно-десантных войск, служат примером в других подразделениях ВДВ, являются наиболее подготовленными к выполнению учебных и боевых задач.

В «учебке» было тяжело, мы все ждали скорейшего окончания учебы и грезили отправкой в войска. Тут меня подстерегала очередная беда, командир взвода зачислил меня, а также моего друга «Дадона» в список претендентов на должности командиров отделений нового призыва. Мы всячески пытались уклониться от этой обязанности, беседовали с командиром по несколько часов в день. В итоге нашлось трое достойных ребят, согласившихся остаться служить в Учебном центре. А перед нами встал выбор, в каком подразделении ВДВ продолжить службу, хотя и выбор тот был невелик. Нас отправляли лишь в две части: 98 гвардейскую парашютно-десантную дивизию с дислокацией в «городе невест» и 56 отдельную гвардейскую десантно-штурмовую бригаду, расположенную на родине Героя Советского союза, знаменитого военного летчика Алексея Маресьева, в г. Камышин Волгоградской области. При этом ранее 56 ДШБ не входила в состав Воздушно-десантных войск, а была в подчинении Южного военного округа, и боевых машин десанта у них никогда не было, а, следовательно, не было механиков-водителей и операторов-наводчиков. Мы должны были быть первыми, и на нас возлагалась ответственность обучить своей специальности солдат нового призыва, потому руководством роты было принято решение отправить в 56 ДШБ только лучших курсантов. Мне «повезло» и я попал в их число.

Большинство моих друзей, с кем я поддерживал хорошие отношения в армии, оказались в числе избранных 25 бойцов. «Дадоша», «Булат», «Гость», «Ермак», «Каша», «Авдей», «Батура», «Минеич», «Марсик», братаны ГРУшники Серега и «Мишка», «Шиша» и «Затвор» навсегда останутся в моей памяти, как хорошие товарищи и настоящие мужики, следующие восемь месяцев армии мы служили плечом к плечу, хотя и в разных подразделениях бригады.

Дорога в новую часть была весьма занимательной, мы впервые оказались условно свободными от уставных правил строгой воинской дисциплины Учебного центра, в первую очередь мы дорвались до продуктовых магазинов и набили под завязку свои поджарые тела. В каждом городе, где бы не останавливался наш поезд, к нам приходили наши родственники и друзья, помимо общения с которыми нам доставались весомые посылочки с продуктами питания, которых нам так не хватало в армии. По прибытии в г. Камышин нас распределили в две десантно-штурмовые роты миротворческого батальона. Я и еще десяток наводчиков, пару артиллеристов, а также механики-водители попали во 2 ДШР, всего 25 бывших курсантов Учебного центра. Бригада состояла из двух воинских частей, расположенных на противоположных окраинах города. Миротворческий батальон, в основном, состоящий из одних контрактников, базировался в малом военном городке подальше от начальства. Здесь нас ожидали поистине шикарные бытовые условия, нас разместили в отдельные кубрики по 4 человека максимум. До самого вечера мы были голодными, потому, оказавшись в кубрике, первым делом выложили оставшиеся у нас запасы «сухпайка» и домашней пищи. В этот момент к нам в кубрик завалился нагловатого вида молодой контрактник, который без каких-либо объяснений вцепился в наши запасы. В связи с чем я вынужден был в жесткой форме объяснить ему неправоту его поведения. Внимательно осмотрев нас, и поняв, что наш возраст на четверых составляет немногим более ста лет, и мы не из робкого десятка, контрактник извинился и быстренько ретировался из нашего кубрика. В течение следующих двух недель еще несколько опрометчивых контрактнослужащих пытались «наезжать» на нас, но безрезультатно. Все Омские ребята горой стояли друг за друга, потому единичным выскочкам ничего не оставалось, как оставить нас в покое. В большинстве случаев все заканчивалось на стадии беседы, и у наших предприимчивых сослуживцев отпадало желание связываться со «срочниками». Но

среди контрактников нашей роты были и отличные ребята, с которыми мы сразу подружились и нашли общий язык. Наступили «не легкие будни» службы в 56 ДШБ – до нас никому не было никакого дела, все были заняты московской проверкой из Генерального штаба ВДВ. Мы же, приданные самим себе, днями валялись на кроватях и бездельничали. Такая «служба», после настоящей армии в «учебке» меня крайне не устраивала, этот «рассос», как говорят в армии, не шел нам на пользу, потому с первых дней я стал звонить своим хорошим знакомым, чтобы договориться о переводе в подразделение, о котором я мечтал, в разведывательную роту. Хотя было немало лиц, которые отговаривали меня в этом, предрекая непереносимые трудности. И вот после повторного звонка в нашей роте явился сержант-разведчик, который в спешном порядке доставил меня и моего лучшего друга «Дадошу» в казарму разведывательной роты, находящуюся в основной воинской части 56 ДШБ. Оказавшись в роте, мы очутились в атмосфере, до боли напоминающей старый добрый Учебный центр. Первым, кто бросился мне в глаза, был солдатик, ходивший по центральному проходу взад и вперед с двумя двухпудовыми гирями, отработывавший таким образом свой дисциплинарный проступок. Оказалось, что в разведроту проходили службу трое ребят старшего призыва, ранее служившие в нашей Учебной роте сержантов в г. Омске, двое из которых уже были младшими сержантами и командовали отделениями, а один из них – Леха Дудник еще и оказался моим земляком с Екатеринбурга. Стоит ли говорить, что мы сразу стали хорошими друзьями и без особых проблем влились в коллектив разведчиков.

Не прошло и нескольких часов, как рота была построена по тревоге в связи с тем, что один из сержантов был замечен офицером роты в городе, конечно же, он находился там без какого-либо разрешения. Тут же вся рота облачилась в полную экипировку: бронежилет, каска, РД-54, штатное оружие, после чего нас ожидало двухчасовое приключение под названием марш-бросок. С меня сошло с десяток потов, но я был счастлив тем, что теперь моя служба не проходила даром. Учитывая отсутствие штатных должностей, я был зачислен в первый боевой разведывательный взвод на должность радиотелефониста-разведчика, что меня особо не радовало. Мой друг «Дадоша» попал во второй взвод на ту же должность. Надо сказать, что в роте была очень сложная и напряженная обстановка, связанная с беспределом старослужащих и отсутствием контроля со стороны

командиров, ну и конечно, тяжелыми физическими нагрузками. Шутка ли, за последние четыре месяца в роте было шесть попыток суицида, когда молодые солдаты пытались порезать себе вены только для того, чтобы их перевели из разведки, и четыре «СОЧинца» (самовольное оставление части), подавшихся в бега. Авторитет Омских парней в нашей роте был непоколебим, с нами сразу стали считаться, нас уважали и боялись, потому у нас с «Дадоном» не было проблем со старослужащими роты, они считали нас за равных. При этом я попал в самый дружный и адекватный коллектив первого взвода, наши старослужащие ребята были отличными мужиками, с которыми я до сих пор поддерживаю теплые дружеские отношения.

Большую часть времени рота проводила на полевом выходе в Камышинском учебном центре (КУЦ), где условия проживания мало чем отличались от «Спартанских», одним словом «поля». Но в этом были и свои плюсы, минимум два раза в неделю проводились дневные и ночные стрельбы, в ходе которых я отстрелял не один цинк патронов из всех видов оружия, которое только было у нас в роте. При этом мне довелось пострелять из АК-74М, АКМС, АКС-74, СВД, ВСС, ВАЛ, ПКМ, ПКП, РПГ-7Д, ПРГ-24, крупнокалиберного пулемета «Утес», бросать боевые гранаты РГД-5 и Ф-1, получив незабываемые впечатления и навыки. Стрельб было так много, что под конец службы они порядком надоели, и мы отдавали свои патроны молодым солдатам, у которых еще не пропало желание пострелять. Вообще занятия на КУЦу качественно отличались от тех, что нудно проходили в центральном проходе расположения роты, здесь с нами проводили тактические занятия по ведению разведывательных действий, поиску, захвату и уничтожению солдат противника, в ходе которых мы проходили десятки километров, совершая марш-броски в полной экипировке, сутками ночевали в лесу, оборудуя замаскированные пункты отдыха и ночлега, участвовали в многодневных тактических учениях, боевых стрельбах отделений и взводов, выполняя поставленные условные задачи. Менее интересной была подготовка по инженерно-саперным работам, радиохимической и биологической защите. Все эти занятия были мне по душе, я с большим интересом и рвением принимал в них активное участие. В то время я и не подозревал, что все эти навыки мне придется применить на практике в реальной боевой обстановке.

Это была лишь одна сторона медали полевого выхода, обратная сторона была менее привлекательной, постоянная «рабочка» и из-

нурительные физические нагрузки выбивали нас из сил. На КУЦу был и свой вид наказания, как и положено в армии, конечно же, коллективного. За любой проступок одного из солдат все отделение либо взвод в полном составе бегом выдвигался на гору, красующуюся вблизи нашего модуля, в котором мы жили. Эта гора носила название «смерть десантника», говорящее само за себя, вбежать на нее в составе подразделения было крайне тяжело, а таких «пробежек» за день могло быть сколько угодно. Но для нас, для тех, кто прошел Учебный центр, служба в боевой бригаде при всех ее трудностях, была как «сладкий сон». В свободное от занятий время мы ходили купаться на речку, заказывали сладости с водителем водовоза, даже делали шашлык, ведь солдату для счастья не много надо, быть бы сытым – уже праздник. Все потому, что кормили в «полях» совсем по-другому, мы мечтали о столовой пище. На КУЦу же готовили контрактники, на завтрак, обед и ужин мы получали однородную биомассу, вкус которой определить было невозможно. Нас спасал только водовоз и «дед Магнит», проживающий в той местности, который нелегально держал там небольшой магазин продуктов и с радостью продавал солдатам различные лакомства. Кроме того, нас радовали многочисленные бахчи арбузов и дынь, расположенные вблизи нашей дислокации, которых я наелся на всю жизнь вперед.

В бригаде также не обошлось без конфликтов и драк, как между солдатами других подразделений, так и внутри нашей роты. На второй неделе службы в разведроте, когда я еще считался молодым солдатом, у меня произошел конфликт с одним дагестанцем. При выходе из столовой тот без какой-либо причины перегородил мне дорогу и не хотел пропускать меня через дверь, я в свою очередь деликатно отодвинул его в сторону и вышел на улицу. В тот же момент меня окружили трое дагестанцев, включая зачинщика, которые ухватив меня за форму, предложили разобраться по-мужски. Я согласился и пошел с ними в сторону от столовой, при этом все солдаты моей роты, которых было более ста человек, пошли следом за нами. Дагестанцы, понимая, что им не справиться с целой ротой, предложили мне драться один на один, обвиняя меня в том, что я оскорбил и обил их товарища, беря меня «на слабо». Я и раньше на гражданке никогда не отказывался от честной драки один на один, не стал этого делать и в тот раз, хотя дагестанец имел явное преимущество в возрасте, весе, телосложении, по нему сразу было видно, что он спортсмен. Кроме того, незадолго до нашего появления в роте его товарищ в та-

ком же поединке один на один завалил нашего боксера, оставив на его лице множество гематом и ссадин, после чего офицеры прятали его длительное время на своих квартирах. Дагестанцы специально провоцировали разведчиков на драку, чего уж они этим хотели добиться, я не знаю. Мне был известен данный факт, и я был полон желания посчитаться за своего товарища. При этом я попытался миром решить возникший конфликт, но дагестанцы хотели крови. Вечером мы встретились на спортивной площадке за расположением нашей роты, надели боксерские перчатки, условились биться только руками. С первых минут боя дагестанец, будучи гораздо крупнее и тяжелее меня, пытаясь нанести мне удар, проваливался вперед. Чем я не преминул воспользоваться, четко и жестко проводя контратаки. В результате дагестанец выдохся, пропустил целую кучу тяжелых ударов в лицо, истек кровью. Моя победа не вызывала ни у кого сомнения, дагестанец сдался, мотивируя это тем, что Аллах отвернулся от него. Противник сильно истекал кровью, его лицо было неузнаваемо, товарищи отвели его в свою роту. После случившего мой неформальный авторитет в роте среди старослужащих сильно вырос, они уважали и боялись меня, общаясь как с равным.

Летом с начала нового учебного периода меня перевели на должность разведчика-сапера и отправили на двухнедельные курсы, проводимые командиром саперной роты там же на КУЦу. Сначала мы изучали теорию, виды взрывчатых веществ и взрывных устройств,

На горе «Смерть десантника»

затем учились их обнаруживать, изготавливать, маскировать и устанавливать, совершали учебные подрывы тротильных шашек. Этот колоссальный опыт я и сейчас использую в своей профессиональной деятельности следователя. На этой учебе моя саперная деятельность и закончилась, в это время старослужащие солдаты и сержанты уволились из рядов вооруженных сил, и меня, а также моего друга «Дадона» назначили на должности командиров отделений первого взвода, присвоив нам воинские звания гвардии младших сержантов.

С этого времени служба в разведроте пошла по-иному, мы стали требовать соблюдения воинской дисциплины и порядка, внедряя все то, что нам дал Учебный центр, прекратили беспредел в отношении вновь прибывших молодых солдат, постарались ликвидировать неуставные взаимоотношения, наладили доброжелательную атмосферу в роте. За все время службы я ни разу никому не позволил унижать себя, наверное, поэтому и у меня и не было никакого желания унижать молодых солдат, каким-либо образом издеваться над ними. При всем этом солдаты уважали меня и «Дадона», беспрекословно выполняя наши приказы и поручения, благодаря этому первый взвод всегда был лучшим во всех показателях. Однако проблем нам также хватало, некоторые солдаты нашего призыва, охваченные дембельской эйфорией, отказывались выполнять поставленные им задачи. Все, как обычно, решалось грубой физической силой, после чего у бравых дембелей сразу пропадало желание спорить с сержантами. Нам с «Дадоном» крайне не нравилось поведение солдат нашей роты при приеме пищи в столовой, каждый старослужащий всегда лез вперед молодых солдат, а оканчивали прием пищи все одновременно, в результате молодые не успевали поесть, оставаясь голодными. Я всегда заступался за молодых солдат своего взвода, не позволяя дембелям других взводов вставать перед ними в очередь. В Омске никогда не было подобных сложностей, так как все ели поочередно, повзводно, как заходили в столовую. Те же требования мы стали предъявлять ребятам нашей роты и наткнулись на стену непонимания. Весь их начальный период службы они были лишены возможности нормального питания в столовой, потому отыгрывались на молодых. Мы пресекли эту практику, чего мне также пришлось добиваться силой. Один из солдат второго взвода нашего призыва был недоволен тем, что я силой вытаскивал его из очереди и отвел в конец строя, он вызвал меня драться на перчатках, и получил заслуженное наказание. Его никто не поддержал, после чего остальные ребята безоговорочно приняли наши требования.

То же самое было с постановкой в строй, в котором каждый солдат должен был четко знать свое место согласно штатному расписанию и занимать его по команде. Однако наши старослужащие всегда прятались за спинами молодых солдат на общебригадном построении и лезли вперед при походах в столовую. Грубая сила в армии решает все, и нам подчинились. Мы пытались передать сложившуюся атмосферу солдатам молодого призыва, но, как позже выяснилось, все безрезультатно. После нашего увольнения в запас в роте возобновились неуставные взаимоотношения, рукоприкладство, издевательство и произвол, наши приемники, став старослужащими, вернули все на прежний путь. Полагаю, что дедовщину в Российской армии истребить никогда не удастся, пока офицеры будут закрывать на все глаза, что они благополучно и делают, формально выполняя свои служебные обязанности. Своими словами я не хочу бросать тень на всех офицеров нашей великой армии, но большинство из них малообразованные, недалёковидные, бездарные, безответственные и безнравственные люди, которые просто просиживают свои штаны и получают за это неплохую заработную плату. Я вдоволь насмотрелся на них в армии. Вместе с тем, отдельные офицеры, в том числе нашей роты, заслуживают уважения, всячески стараясь должным образом обучить и воспитать солдат, по-человечески помочь им в решении возникающих проблем. Эти люди достойны носить гордое звание офицера России. Наш командир первого взвода молодой лейтенант Александр Слугин был одним из них, мы поддерживали дружеские отношения, уважали его и выполняли поставленные им задачи, благодаря чему к нам никогда не было замечаний, а рота была на хорошем счету у руководства бригады. От этого мы также имели свои плюсы, почти каждые выходные нам давали увольнения в город, где мы с интересом проводили свободное время, ненадолго отвлекаясь от трудностей солдатской жизни.

На каждый государственный праздник или иное значимое событие в Камышине наша рота готовила показательные выступления с демонстрацией эффектных боевых приемов армейского рукопашного боя, мы били стеклянные бутылки и банки, кирпичи, деревянные доски и брусья, бетонные плиты, кололи шифер. Каждый раз после очередного показательного выступления мы длительное время залечивали свои раны, так как всегда выкладывались по полной, действуя максимально реалистично и жестко, зато публика была в полном восторге.

Нет, нас никто не заставлял ехать на войну, мы сами приняли такое решение, понимая, что в нас нуждаются наши товарищи, с которыми нам многое довелось пережить. Мы согласились, затем подписали документы, необходимые для заключения контракта, и уже через час мы были контрактнослужащими. При заполнении соответствующих документов в штабе мы узнали, что мы не единственные выпускники Учебного центра, которые не оставили в трудную минуту своих братьев. Там мы встретили «Батуру», «Булата», «Кашу», «Мишку», Серегу и еще многих других Омских десантников, готовых идти в бой. Хочу отметить, что это был нелегкий выбор, более сотни контрактников, узнав о предстоящей боевой операции, подали рапорта на увольнение, покинули лагерь БТГР. Скажу сразу, это были не настоящие десантники, в них не было ни духа десантного братства, ни гордости за берет и тельняшку, ни желания служить своей Родине. Эти ребята ранее проходили службу в иных подразделениях и частях нашей великой армии, для них честь гвардейца десантника пустые слова, они ретировались при первом намеке на опасность. Но среди разведчиков трусов не было, по крайней мере, в тот момент.

Следующие сутки мы провели в подготовке экипировки, снаряжения и оружия. Передо мной и «Дадоном» впервые была поставлена задача по загрузке полного боекомплекта боевой машины. Ранее в Омске мы грузили не более 30 снарядов одновременно, стреляли исключительно из верхней подачи пушки. В тот день нам предстояло загрузить в каждую машину по 300 снарядов для 30 мм автоматической пушки 2А42 и 2000 патронов пулемётной ленты для ПКТ. Ребята помогали нам как могли, при всем этом погрузку мы окончили в гордом одиночестве с командиром взвода только в пять часов утра, и уже через час вся БТГР стояла на боевом построении, готовая к маршу. Каждому из нас выдали по две капсулы с «Промедолом» – наркотическим средством, предназначенным для обезболивания в случае ранения, затем командир БТГР поставил боевую задачу, после чего выступил священнослужитель, благословивший нас на «правое дело». Далее поступила команда, мы заняли свои штатные места, и колонна тронулась в путь. Первое время мы шли исключительно по пересеченной местности, минуя все поселения, затем вышли на шоссе, и тут случилась первая неприятность. Молодой и неопытный механик моей боевой машины не справился с управлением и на полной скорости влетел в наш второй впереди идущий «бэмс», повредив его и травмировав его команду. Машину

Нет, нас никто не заставлял ехать на войну, мы сами приняли такое решение, понимая, что в нас нуждаются наши товарищи, с которыми нам многое довелось пережить. Мы согласились, затем подписали документы, необходимые для заключения контракта, и уже через час мы были контрактнослужащими. При заполнении соответствующих документов в штабе мы узнали, что мы не единственные выпускники Учебного центра, которые не оставили в трудную минуту своих братьев. Там мы встретили «Батуру», «Булата», «Кашу», «Мишку», Серегу и еще многих других Омских десантников, готовых идти в бой. Хочу отметить, что это был нелегкий выбор, более сотни контрактников, узнав о предстоящей боевой операции, подали рапорта на увольнение, покинули лагерь БТГР. Скажу сразу, это были не настоящие десантники, в них не было ни духа десантного братства, ни гордости за берет и тельняшку, ни желания служить своей Родине. Эти ребята ранее проходили службу в иных подразделениях и частях нашей великой армии, для них честь гвардейца десантника пустые слова, они ретировались при первом намеке на опасность. Но среди разведчиков трусов не было, по крайней мере, в тот момент.

Следующие сутки мы провели в подготовке экипировки, снаряжения и оружия. Передо мной и «Дадоном» впервые была поставлена задача по загрузке полного боекомплекта боевой машины. Ранее в Омске мы грузили не более 30 снарядов одновременно, стреляли исключительно из верхней подачи пушки. В тот день нам предстояло загрузить в каждую машину по 300 снарядов для 30 мм автоматической пушки 2А42 и 2000 патронов пулемётной ленты для ПКТ. Ребята помогали нам как могли, при всем этом погрузку мы окончили в гордом одиночестве с командиром взвода только в пять часов утра, и уже через час вся БТГР стояла на боевом построении, готовая к маршу. Каждому из нас выдали по две капсулы с «Промедолом» – наркотическим средством, предназначенным для обезболивания в случае ранения, затем командир БТГР поставил боевую задачу, после чего выступил священнослужитель, благословивший нас на «правое дело». Далее поступила команда, мы заняли свои штатные места, и колонна тронулась в путь. Первое время мы шли исключительно по пересеченной местности, минуя все поселения, затем вышли на шоссе, и тут случилась первая неприятность. Молодой и неопытный механик моей боевой машины не справился с управлением и на полной скорости влетел в наш второй впереди идущий «бэмс», повредив его и травмировав его команду. Машину

пришлось оставить для эвакуации вместе с ее наводчиком – «Дадоном». Когда меня разлучили с моим другом, в поддержке которого я был уверен и как никогда нуждался, несказанная тоска закралась в мою душу. Но нам ничего не оставалось, как продолжить марш, при этом моего нерасторопного механика-водителя сменил Боря, что в дальнейшем сыграло очень важную роль и спасло мне жизнь. Проезжая по немногочисленным населенным пунктам, расположенным на границе территории противника, мы столкнулись с местными жителями, которые нас встречали со слезами на глазах, видя в нас защиту и спасение, бабушки крестили нас в дорогу, благословляя на успех операции, мужики тащили нам продукты питания и воду, благодаря за оказываемую поддержку и помощь. Мне было не по себе от увиденного, все мое нутро терзало волнение.

Уже на границе территории противника мы встретились и соединились с БТГР «106 Тульской парашютно-десантной дивизией», с бойцами которой нам предстояло выполнять поставленные боевые задачи. Следующую ночь мы провели на границе. Спали по очереди, несли боевое дежурство, в любой момент ожидая нападения разведдиверсионных групп противника, активно действующих в том районе. Я отстоял свою смену и в середине ночи лег спать, сразу отключившись, обессилив за последние сутки. Ночью я вскочил от оглушающего грохота огня артиллерии. Сначала я не понял, что произошло. За лесополосой, возле которой наша колонна осталась на ночлег, раздались мощные взрывы, вырывалась огненная пламя. Спустя доли секунд я осознал, что это работает наша артиллерия, стреляли «Грады», одновременно выпуская десятки огненных залпов, сильно освещающих небо над нашими головами. Поспать мне так и не удалось, артиллерия работала всю ночь с небольшими перерывами. Утром, как только взошло солнце, мы продолжили движение по территории противника. Местность была представлена бесчисленными полями, со всех сторон окруженными небольшими лесополосами. Мы шли быстрым маршем, нам было необходимо пройти далеко вглубь территории противника, несколько раз мы меняли курс, натываясь на вооруженные формирования неприятеля, при этом нам удалось остаться незамеченными и во второй половине дня, пройдя несколько десятков километров, мы достигли заданной точки на карте. Тут же мы разделились, наша разведгруппа на оставшейся одной боевой машине десанта была придана для усиления Тульских разведчиков. Мы в составе восьми боевых машин выдвинулись в заданный ква-

драт, и в этот момент поступила команда «воздух», нам пришлось в спешном порядке искать укрытия в ближайшей лесополосе. Замаскировав боевую машину ветками деревьев, мы замерли в тревожном ожидании. В этот момент над противоположной лесополосой показались две «вертушки» советского производства, это были боевые вертолеты «Ми-24», несущие смерть под своими крыльями. Тут же обе вертушки произвели мощные залпы, и полдюжины неуправляемых авиационных ракет вспахали противоположную от нас лесополосу. В этот же момент с двух противоположных сторон нашей позиции в небо ушли две ракеты ПЗРК «Игла» – наши зенитчики, а по-армейски «мухобои», отреагировали на угрозу. Однако обе ракеты взорвались чуть ниже одной из вертушек, частично поразив противника. Оба вертолета резко ушли вниз и скрылись за лесополосой. Ситуация накалялась, мы раскрыли свою позицию и ждали ответного удара. От командира нашей группы поступила команда «огонь из всех орудий» по воздушным целям. Выполняя приказ, я включил стабилизатор, навел пушку в район, где только что были «вертушки», и с замиранием сердца стал ожидать их возвращения. Они не заставили нас долго ждать, появившись чуть правее и дальше того района, при этом стрелять мне не было смысла, так как дальность поражения моей пушки не более 2500 метров, и «вертушки» для меня были недостижимы. В этот момент прогремело два взрыва, откуда ни возьмись появились две ракеты, подбившие оба вертолета, которые упали на землю. Нашего «воздуха» не было в зоне противника, но нас не оставили без защиты, нас прикрывал ЗРК «ТОР». Узнав это, слало немного спокойнее. Картина падения двух могущих, летающих в небе противников, которые, казалось, недостижимы для нас, немного понизили уровень напряженности, мы почувствовали себя защищенными. Не прошло и минуты, как поступил приказ сменить позицию, мы в спешном порядке выдвинулись из лесополосы, пронеслись через несколько полей и вновь замаскировались в другой лесополосе. Командир как в воду глядел – через минуту артиллерия противника сравняла с землей лесополосу, в которой еще недавно мы дислоцировались. Мы чудом уцелели. Канонада артиллерийских выстрелов с обеих сторон не прекращалась ни на минуту, мы спешили, окопались и стали пережидать артподготовку. Я сидел в естественном углублении рельефа возле своего «бэмса», в любой момент готовый запрыгнуть в башню. Рядом находился 25-летний командир и механик Боря, мы сидели в окопах, прижимаясь к земле. Артиллерия долбила без остановки.

Мы слышали залпы выстрелов с разных сторон, то дальше, то ближе, с диким свистом над нами проносились снаряды, затем, то там, то здесь слышались звуки разрывов. Некоторые из них разрывались довольно близко от нас. По радиостанции нам стало известно, что наша третья рота попала под артобстрел, их были точной наводкой, они несли потери. Нам всем было страшно. Я испытывал ужас, осознавая, что в любой момент мы можем погибнуть неизвестно от чего, даже не вступив в реальный бой, не видя солдат противника, было обидно. Именно тогда я осознал все могущество артиллерийских войск, их силу и потенциал, не зря артиллерию называют «Богом войны». Тот же страх я видел и в глазах своего молодого командира, ранее не имевшего боевого опыта, и в глазах Бори. Через некоторое время я, немного успокоившись, пошел к остальным нашим ребятам, занявшим позиции с противоположной стороны нашей боевой машины. Каково же было мое удивление, когда я обнаружил их спящими в окопах, без малейшего намека на страх. Многие из них прошли «горячие точки», воевали на Северном Кавказе, и потому они по-другому смотрели на происходящие события, они жаждали боя. А пока наслаждались минутами «затишья». Их поведение меня еще больше успокоило, и я отправился отдыхать в свой окоп, но заснуть так и не смог, мысли о доме, семье и моей дочери не оставляли меня в покое. Ближе к вечеру, когда артиллерийская канонада затихла, наша группа вновь вышла на марш, мы миновали несколько небольших населенных пунктов, осматривая их по пути на предмет нахождения там противника, затем остановились в новой лесополосе. Ушлый командир разведчиков 106 дивизии, не желая подставлять своих бойцов, определил мой «бэмс» дежурным огневым средством на предстоящую ночь, Боря выгнал наш БМД к опушке леса, развернув в сторону вероятного появления противника. Стемнело, а на другом конце поля до сих пор горела подбитая артиллерией техника противника, оттуда мы и ожидали удара. Я всю ночь всматривался через прибор ночного видения «БН-3» в горизонт, а горящая техника подсвечивала мне позиции. Кругом «бэмса» в окопах спали наши ребята, которые легко просматривались в «ночник». Там на краю поля у дороги я не мог чувствовать себя защищенным, в любой момент на дороге либо со стороны поля мог появиться враг. Где-то далеко звучали постоянные выстрелы, я безошибочно различал звук «тридцатки» и трещотку пулемета, повсюду в небо взлетали трассера, там шел бой. Над нами постоянно кружили «беспилотники». Мой шлемофон пере-

давал информацию о боевой обстановке, о местах засад противника, о потерях. Так прошла ночь. Ближе к утру меня сменил командир, а я вырубился без сил прямо на «броню», укутавшись в спальник. Для нас эта ночь прошла спокойно, противника мы не видели.

На указанных позициях мы простояли еще сутки, постоянно меня засыхающую листву, которой мы маскировали наш «бэмс», выкопали окопы поглубже, опасаясь атак артиллерии, ждали очередного приказа. Несколько боевых машин ушли на задание, которое стоило жизни их экипажам. Вернувшись ближе к вечеру, ребята привезли на «броню» двух двухсотых, сообщив, что попали в засаду. Еще один боец был тяжело ранен, находился без сознания. Его сразу же эвакуировали в штаб, дальнейшая его судьба мне неизвестна. Именно тогда мы впервые столкнулись со смертью лицом к лицу, настроение было подавленным. Я не знал погибших ребят, но все равно переживал по поводу случившегося. Любой из нас мог оказаться на их месте, и все мы об этом прекрасно знали. Диверсионные группы противника активизировали свои действия, по радиосвязи регулярно докладывали о новых нападениях и засадах. Мы занимали круговую оборону с целью исключения нападения противника с фронта и прорыва с тыла. Наступила очередная ночь. Мы все были распределены по парам, располагавшимся поблизости друг от друга, несли дежурство по очереди по два часа. Спать хотелось смертельно, но сон мог стоить жизни мне и моим товарищам. Я, понимая это, всячески пытался не уснуть, как вдруг услышал звуки ударов и крик командира взвода Тульских ребят. Командир, обнаружив своих бойцов спящими в дозоре, занялся их воспитанием, наглядно демонстрируя, что с ними случится, если они просят нападение противника. Короче говоря, ребятам мало не показалось. После этого я еще больше стал проявлять бдительность.

Глубокой ночью, в отсутствии приборов ночного видения (на нашу группу из 9 человек был всего один «БН-3», который находился у командира), в кромешной тьме, с замыленными от постоянного всматривания глазами, мне вдруг показалось, что в моем секторе стрельбы появилось движение. Я всматривался все сильнее и сильнее, пытаюсь хоть что-то разглядеть. В тот момент я увидел группу людей из шести человек, крадущихся в две колонны, с оружием в руках. Они шли со стороны, где еще вечером мы наблюдали огонь от костра, то есть там находились люди. Дальность до цели не более сотни метров. Мне понадобилось мгновение для осознания того,

что я не успею доложить о них командиру. Противник приближался. Я несколько раз отводил глаза в сторону, зажмурившись и проморгавшись, вновь видел ту же группу людей. Там на территории противника в патроннике моего АК-74М всегда был досланный патрон, я выключил предохранитель, и дал две короткие очереди в сторону группы. Тут же ко мне прибыл командир, я доложил ему об увиденном. Но сколько мы потом не смотрели в ту сторону, так никого и не обнаружили. Позже обдумывая случившееся, я пришел к выводу, что это были всего на всего мои страхи, но в тот момент они казались настолько реальными, что вынудили меня открыть огонь. Сейчас я не знаю, был ли там кто-то или нет, но я рад, что все благополучно закончилось.

Следующим утром перед нами была поставлена новая задача, теперь на нас легла обязанность охранять наши «Грады» и другие артиллерийские орудия. Мы разделились, и тремя боевыми машинами выдвинулись на новые координаты, где заняли позиции с трех сторон поля, на котором орудовали артиллеристы. Четвертый угол поля был единственным местом, откуда мог выйти противник, там проходила «железка», то есть железнодорожные пути, располагалась небольшая деревня. В тот день мы впервые сделали горячий чай, разогрели «сухпак», поели горячей пищи. До этого времени я по мере необходимости питался лишь холодными заготовками «сухпайка», так как у меня не было никакого аппетита и желания есть вообще. Полагаю, что это было из-за того, что я слишком переживал происходящие события. Но на третий день обстрелы поутихли, настроение поднималось, у меня проснулся дикий аппетит. Как обычно, я и Боря окопались возле нашего «бэмса», остальные ребята заняли круговую оборону. Ближе к вечеру вдоль «железки» на полном ходу пронеслись две боевые машины противника, которого мы распознавали по маркировке «свой-чужой». В чем конкретно заключалось отличие наших войск и техники от противника, я рассказать не имею права. Сразу после этих машин на «железке» появились двое бойцов в военной форме без каких-либо знаков отличия. Мы запросили командование и выяснили, что наших ребят там нет. Однако эти военные прогуливались по железнодорожным путям, как по проспекту, что нас возмутило. Тогда наш пулеметчик Толян дал несколько коротких очередей из «винтореза» в сторону бойцов, которые тут же заняли положение «лежа на земле». Группа наших ребят выдвинулась в их сторону, я остался в башне «бэмса»,

готовый поддержать их огнем. Через некоторое время наши ребята вернулись и принесли с собой воду и продукты питания, которыми их наделили местные жители той самой близлежащей деревни. Так как мы выполняли задачи по их освобождению от агрессора, местные жители нас всячески поддерживали и помогали нам. Да, кстати, те двое оказались нашими, решившими бездумно прогуляться на войне. Хорошо хоть никто не пострадал.

Как только стемнело, начала работать наша артиллерия, долбили десятки стволов, в небо уходили сотни «огненных комет». Они находились настолько близко от нас, что я в полной мере мог наблюдать мощь российского оружия, оставляющего непередаваемые ощущения одновременной силы, страха и гордости. Уже ночью, когда я нес свое дежурство, где-то слева от нас начался бой, трассера летели вдоль наших позиций, прямо перед моим носом. В тот бой мы не вступали, не раскрывая себя. Рано утром, когда чуть рассвело, мимо нас пошла колонна танков и другой боевой техники противника, всего не менее двадцати единиц. Они прошли вдоль нашей лесополосы очень близко от нас. Если бы мы выдали себя, полагаю, что бой был бы коротким. Но нам повезло, и мы остались незамеченными.

Утром я с командиром и механиком на «бэмсе», а также экипаж Тульских ребят на своей боевой машине поехали на дозаправку, а также за новыми комплектами «сухпайка», так как наши запасы были почти на исходе. При этом бойцы двух наших групп остались на прежних позициях. Не успели мы прибыть к пункту назначения и замаскировать свои боевые машины в очередной лесополосе, как вдруг артиллерия противника стала наносить точенный огневой удар по позициям, где только что мы дислоцировались, и где до сих пор находились наши ребята. Тульский командир взвода запрыгнул на нашу броню, и мы одним «бэмсом» помчались на помощь нашим группам. На полном ходу мы ворвались в самую гущу событий, повсюду разрывались артиллерийские снаряды, разбрасывая землю на десятки метров и поднимая до небес столбы дыма. В этот момент из лесополосы с огромными бешеными глазами выбежали наши парни, их чудом не зацепило во многом благодаря глубоко вырытым окопам. Так точно артиллерия по нашим позициям еще не била. Все погрузились на «броню», после чего Боря на полном ходу понес нас подальше от этого места. В конце лесополосы нас ожидала еще одна неприятность, на другом конце поля показалась большая колонная техники противника, возможна, та, что мы наблюдали ранним утром. В связи с чем

мы поменяли свой маршрут и стали уходить в противоположном направлении по диагонали поля, затем скрылись за следующей лесопосадкой, вернулись на прежний маршрут, а затем вышли к лагерю, где находились бензовозы. Там мы доложили об увиденном, заправили наш «бэмс», получили «сухпак» на неделю вперед, и через некоторое время организованной колонной двинулись к нашему основному лагерю, где располагался штаб. В тот момент в лагере сосредотачивались все основные силы нашей БТГР для того, чтобы выполнить нашу основную задачу – занять необходимую высоту, укрепить позиции и обороняться. Там мы встретили ребят нашей роты, боевая машина которых была повреждена в аварии молодым механиком. Я не знаю, как и с кем они прожили эти дни, где они находились и какие боевые задачи выполняли, все их снаряжение, спальные мешки, запасы пищи были у нас. Мы чертовски рады были их видеть живыми и невредимыми. Каково же было мое удивление, когда я встретил там своего лучшего друга «Дадона», которому пришлось вернуться обратно в лагерь, расположенный на нейтральной территории, с разбитой боевой машиной, однако он не сдал свое оружие и втайне от всех вернулся на территорию противника с колонной обеспечения. Каким образом все это ему удалось, как он смог повернуть такое нелегкое дело, я не знаю, но в тот момент я был рад, что он рядом со мною, так как знал, что могу на него положиться. Через непродолжительное время, после проведения перегруппировки, нам передали вторую боевую машину, за бортовыми фрикционами которой находился молодой казах-контрактник, место наводчика, соответственно, занял «Дадон». Две наши группы были вновь переданы под командование командира Тульского разведбата, наша группа насчитывала около 10 боевых машин десанта и БТРД зенитчиков. Нам предстояло занять высоту, ближе других расположенную к позициям противника, около нескольких населенных пунктов. Другие группы занимали ближайшие от нас высоты, некоторых из них можно было рассмотреть в бинокль. Как обычно, комбат не стал рисковать своими бойцами, поставив в «головняк» нашей колонны мой «бэмс», однако при этом он сам занял место командира моей боевой машины, взяв командование на себя. Мы осуществляли разведку маршрута для движения колонны. И вот мы двинулись в путь, обстановка была напряженной, так как в любой момент мы ожидали нападения войск противника, остерегались засад. По ходу продвижения колонны мы неоднократно, каждый раз завидя предполагаемого противника, останавливались, спешили,

занимая боевые позиции, досматривая задержанные транспортные средства и обнаруженную боевую технику. До заданного места мы добрались без особых приключений, хотя, как только мы поднялись на установленную высоту, в небе появились два вертолета противника. Это были не «Мишки» советского производства, которые все это время создавали угрозу воздушной атаки наших подразделений, это были знаменитые «Апачи», легко узнаваемые невооруженным глазом, дальность поражения ракет которых составляет около десяти километров, против наших ПЗРК, призванных поражать воздушные цели противника на дистанции вдвое меньшей. При виде неприятеля, сердце замерло, а потом заколотилось в бешеном ритме. Мы замерли в ожидании боя, которому не суждено было состояться, вертушки, виляя из стороны в сторону, скрылись за дальней сопкой. После чего, проведя рекогносцировку местности, мы стали занимать указанные нам комбатом позиции, маскировать и окапывать боевую технику. Нам с «механом» предстояло вырыть капонир для нашего «бэмса», обреченного красоваться у всех на виду на каменистой скале. На эту работу у нас ушел остаток дня, до глубокой темноты мы вгрызались в скалу, выкладывали вокруг боевой машины каменный щит. К ночи работа была выполнена, машина защищена, и мы могли впервые за долгие дни позволить себе немного отдохнуть, привести себя в порядок, постираться и искупаться в протекающей у подножия нашей высоты реки.

Противник, безусловно, знал о месте нашего нахождения, над нами бесперывно летали «беспилотники», большинство из которых уничтожал наш всевидящий «ТОР». С наступлением ночи началась «движуха». Артиллерия противника плотным огнем стала обстреливать нашу высоту. Группировка наших войск взяла в плотное кольцо значительные силы противника, которые стали предпринимать попытки прорыва. С тыла пошла колонна боевой техники, завязался бой. Мой сектор стрельбы находился на противоположной стороне высоты, так как мы держали круговую оборону. Мы не могли наблюдать той колонны, в бой не вступали, продолжали наблюдать за своим сектором. Наш второй «бэмс», в котором находился «Дадон», попал в зону поражения. Мы с ужасом смотрели, как над ребятами один за другим разрывались снаряды артиллерии и минометов. Мы никак не могли им помочь, и это бессилие еще больше угнетало нас. Я находился в своей боевой машине вместе с Борей, наши ребята рассредоточились в окопах по всему периметру нашего сектора стрельбы,

командир находился во втором «бэмсе». Предоставленные сами себе, мы не знали, что нам делать, продолжая всматриваться в приборы ночного видения боевой машины. Приказ был один – наблюдать за своим сектором, и в случае появления угрозы, уничтожать противника. Но это бездействие не давало нам покоя, по радиосвязи постоянно передавали о новых и новых потерях. В тот момент слева от наших позиций на дистанции около трех-пяти километров, на дальней высоте, я заметил шесть вспышек, а затем те же шесть разрывов минометных снарядов над позициями наших ребят. Об увиденном я тут же доложил командиру, который ту же информацию передал начальнику нашего штаба, и уже через несколько минут наша артиллерия сравняла с землей ту высотку. Минометная атака прекратилась, среди наших ребят никто не пострадал, немногочисленная колонна неприятеля также была разбита. Мы немного успокоились, и тут наши ребята плотным огнем из автоматов и пулеметов стали атаковать пехоту противника, наступающую на нас в нашем секторе. Противник показался из-за лесополосы, расположенной сразу за речкой, в которой еще несколько часов назад мы приводили себя в порядок. Боевая машина Тульских разведчиков длинными очередями трассеров поражала невидимые мне цели. Мой механик Боря кричал как сумасшедший, чтобы я атаковал неприятеля. Я же, непрерывно всматриваясь в прибор ночного видения, отчетливо понимал, что никакой угрозы для нас нет. Подобную ситуацию я ранее переживал в лесополосе, находясь в ночном дозоре. Невиданный и неизвестный страх заставил наших бойцов открыть огонь в никуда. В «ночник» я четко видел, что в указанном секторе никого нет. Боря продолжал истерить, проклиная мою нерасторопность. И чтобы его успокоить, а также проверить прицельные приспособления своей пушки, ее работоспособность, я дал две короткие очереди по два-три снаряда в район предполагаемого противника. Это вдвойне напугало Борю, ослепленного яркой вспышкой моих залпов, он был убежден, что нас подбили, ведь ранее он водил только БТРД с установленной сверху зениткой, и не знал, как стреляет боевая машина десанта. Я же поторопился его успокоить, объяснив случившееся. О произошедшем я по внутренней связи доложил командиру, который отдал приказ на прекращение огня, после чего наши мнительные контрактники успокоились. Наступила тишина, мы подсчитывали потери.

Климат вражеской территории был специфическим, днем там стояла жуткая изнурительная жара, а ночью мы замерзали от лю-

того холода, вынужденные постоянно двигаться, находясь в ночном дозоре. Дневной зной вынуждал нас снимать с себя всю броню, находиться в одних тельняшках, а ночью мы надевали на себя все, что только у нас было, спасаясь от холода. Утром по приказу командира мы поменялись позициями с боевой машиной «Дадоши», так как у них вышла из строя радиостанция, необходимая для командира. Теперь нам предстояло защищать наш тыл, в котором находились окруженные нами войска противника. В дневное время по нам периодически работала артиллерия, но в целом мы чувствовали себя достаточно спокойно, возможно, где-то даже расслабленно, готовили себе чай, уничтожали запасы «сухпайка», отдыхали, общались друг с другом. В тот день нашу высоту усилили двумя танками «Т-72», экипажи которых оказались очень общительными и воодушевленными предыдущими победами. Прибывшие нам на помощь танкисты незадолго до этого уничтожили боевые укрепления противника, были представлены к наградам. Их позитив и уверенность в своих силах, а также мощь танковых орудий, согревали наши сердца. Теперь мы могли дать бой любому неприятелю. Следующие несколько дней прошли достаточно однообразно, мы привыкли к постоянным артиллерийским обстрелам, относились к ним как к должному. Было пару незначительных столкновений, мы уничтожили несколько боевых машин противника, пытающихся прорваться из окружения, обслуживали оружие и технику.

Как-то ранним утром мы с ребятами распивали чай около костра, завтракали. Неожиданно для нас начался точечный артиллерийский обстрел наших позиций, артиллерия долбила четко по нашей высоте. В один миг все бойцы рассредоточились по своим окопам, я занял штатное место в башне боевой машины, Боря – за бортовыми. Снаряды разрывались прямо над нашими головами, броню осыпали осколки. Я закрыл крышку люка башни, чтобы уберечься от свинца. По радиосвязи передали, что в нашем районе работает корректировщик огня противника, который, возможно, передвигается на легковом автомобиле белого цвета. После чего я стал просматривать всю территорию на предмет обнаружения данного автомобиля. В этот момент в секторе моего наблюдения появились две боевые машины пехоты противника, которые на полном ходу прорывались по трассе в расположенный вблизи нашей высоты город. Одновременно с трех «бэмсов» мы открыли огонь по противнику, но им удалось уйти. Очень сложно попасть в мчащийся на

всех парах БМП, да и дальность до цели была предельная. Все наше внимание было обращено на ту дорогу. Я же продолжил осматривать весь периметр, и в нашем тылу обнаружил еле заметный белый автомобиль, находящийся в лесополосе. После того, как я доложил о нем командиру, в том направлении вылетел БМД Тульских товарищей. Я продолжал наблюдение за машиной предполагаемого корректировщика огня. В этот момент по радиосвязи командир штаба раздирающим криком дал команду экипажу, вышедшему на разведку, немедленно покинуть указанный район. Я полагал, что там будет работать наша артиллерия, но глубоко ошибался. В ту же секунду из-за лесополосы показались наши парни, которые на полном ходу мчались оттуда прочь. Следом за ними из-за лесополосы показались танки противника, которые тут же открыли огонь по нашим позициям. При этом их не интересовали наши солдаты, находящиеся в окопах, они четко были по боевой технике. Первыми под удар попали наши танкисты, оба наших танка были уничтожены. Но и мы не сидели сложа руки, открыв огонь из всех орудий. Это была огромная колонна, более сорока единиц техники, первыми шли танки, за ними боевые машины пехоты и бронетранспортеры, последними шли грузовики и автобусы, битком набитые солдатами противника. Это была попытка прорыва, выхода из окружения. Мой командир, снабженный шлемофоном с десятиметровой штангентой занял позицию в окопе. Я только и слышал его душераздирающий крик, который на русском матерном языке командовал мне атаковать неприятеля. Начался тот самый реальный бой, когда противник шел в лобовую атаку. С первых секунд я стал стрелять по движущимся на нас танкам противника, однако мои осколочно-фугасные тридцатимиллиметровые снаряды были для них, что слону дробина. При попадании в броню танков, последние, не меняя траектории, продолжали наступление. Я стрелял как сумасшедший, сердце вырывалось из груди при виде движущегося на меня танка. Наши ребята также не спали, из РПГ они уверенно поражали танки и другую боевую технику противника. Но в тот момент я этого не видел, продолжая стрелять по вновь появляющемуся танкам, которые проскакивая мой сектор стрельбы, скрывались за горой. За танками пошли боевые машины пехоты, которые горели за милую душу при попадании в них моих снарядов. И вдруг моя пушка перестала стрелять. В «учебке» мы неоднократно сталкивались с осечками в ходе проведения учебных стрельб, для устранения которых

приходилось затрачивать большое количество времени, которого в тот момент у меня совсем не было. Я поднял вверх пушку, быстро сбросил пулемётную ленту, освободив крышку-груз, заглянул в патронник, в котором, на мое удивление, не оказалось снарядов. Я отстрелял всю верхнюю подачу. Тут же сообразив, что произошло, я переключил тип подачи на нижнюю, опустил пушку в район прицеливания и продолжил вести огонь по противнику. В моем секторе остались лишь боевые машины пехоты и военные грузовики, броня которых легко поддавалась разрушительной силе «тридцатки», а также наступающие силы пехоты. Я стрелял вновь и вновь, бил короткими и длинными очередями. В радиусе десяти метром попадания наряда все покрывалось уничтожающим огнем, пехота бросилась в рассыпную. В этот момент из-за бугра показался танк, который пошел прямо на меня, стреляя в мою сторону. Высматривая данный танк в прицел, я вдруг почувствовал непреодолимую дрожь во всем теле, мое сознание как будто помутилось, я не мог управлять своим телом, руки не слушались, меня будто парализовало. Я не понимал, что происходит. В тот момент моя жизнь пронеслась перед глазами, я смутно осознавал происходящее и ничего не мог поделать, полагая, что нас подбили. В шлемофоне раздавался крик командира, требующего от меня покинуть боевую машину. Но я не был хозяином своего тела, не мог даже пошевелиться. Из последних сил я поднял крышку люка, и в тот же момент Боря, ухватив меня руками за плечи, как котенка вытащил из башни, уложив за броню. Еще какое-то время я не мог понять, что произошло, однако силы стали возвращаться ко мне, рассудок прояснился. Ощувив сладкий привкус во рту, я осознал, что угорел в башне «бэмса» от переизбытка угарных газов, выделяемых при интенсивной стрельбе. Я прекрасно знал о таящейся опасности, и, закрыв крышку люка от осыпавших нас осколков минометных снарядов, включил вытяжку и открыл специальный лючок вентиляции, однако это не помогло мне избежать отравления. Темп стрельбы был настолько интенсивным, что вытяжка не справилась со своей обязанностью. Во время боя Боря находился за бортовыми фрикционами, а боевая машина лобовой частью была обращена в противоположную сторону так, что он не мог наблюдать атакующей нас техники противника. В трудную минуту он помог мне, за что я буду вечно благодарен ему. Придя в себя, я взял свой автомат и вместе с Борей и командиром бегом выдвинулся к нашим рубежам, где ребята продолжали отби-

вать атаку противника. В тот момент командир, подобрав РПГ-26, уверенно поразил БМП, пытающуюся прорваться через наши позиции. Находясь в окопах, мы автоматным огнем уничтожали всех солдат противника, которые выбирались из подбитой нами техники, пытаясь прорваться через наши укрепления. Безусловно, у нас было преимущество обороны, потому нам и удалось отбить атаку неприятеля. При этом, каково же было мое негодование, когда я увидел нашего «контрабаса», прячущегося в окопе во время боя. Я не говорю про всех наших ребят, которые героически отбивали атаки противника, тот трус был всего один, он боялся поднять голову, схоронившись в окопе. Противник отступал, разбегаясь в разные стороны. И вдруг мы услышали разрывающий воздух шум авиации, это были два самолета противника: бомбардировщик и истребитель, которые шквальным огнем покрыли нашу высоту. Такого противника мы не ждали, еле-еле успев укрыться в разломе скалы, расположенном в центре нашей высотки. Самолеты, спикировав над нами, пошли на вираж, и в тот же момент две ракеты «ТОРа» точно поразили обе цели, не дав им ни малейшего шанса. Мы вернулись на свои позиции, продолжая вести огонь.

После этого показался молодой Тульский лейтенант, который просил помочь их раненному бойцу. Я и еще несколько бойцов выдвинулись вперед, на рубеж, где еще недавно находился один из Тульских «бемсов», который был уничтожен танками противника. Мы перебежками добрались до раненного наводчика, которому оторвало обе ноги. Он истекал кровью. Мы наложили жгуты на обе ноги, вкололи ему две дозы «Промедола». Каждый день на своей работе я видел трупы, осматривал и описывал их, возился с кровью, но никогда еще на моих глазах не умирали люди. Это страшно, но еще страшнее осознание того факта, что на его месте мог оказаться любой из нас, в том числе и я. Вот только в тот раз наводчик-оператор танка противника по известной лишь ему одному причине выбрал себе в качестве цели не мою боевую машину, а ту, что была чуть ближе к нему, менее защищенную. Этот парень умирал у нас на глазах. Оказав ему первую необходимую медицинскую помощь, мы уложили его на наши автоматы и под непрекращающимся обстрелом противника, потащили на наши позиции. Тяжелее всего было его родному брату, который волею судьбы оказался с ним по одну сторону баррикад, он рыдал, не скрывая горечи. Мы все прекрасно понимали его, в тот миг он навсегда прощался с родным человеком.

Даже сейчас вспоминая тот день, слезы накатываются на мои глаза. Тот парень умер, не доехав до полевого госпиталя. Механику его боевой машины повезло еще меньше, он погиб в своем «танке», позже мы нашли фрагменты его обгоревшего тела, разорванного на части.

Тогда в центр нашей высоты стали приводить всех раненных бойцов, среди которых оказались двое ребят нашей роты, их накрыло одной миной. Это были мой замкомвзвода Валентин и пулеметчик Толя, взрослые бывалые мужики, прошедшие «горячие точки». Все лицо Валентина было в крови, осколки попали ему прямо в глаза. Анатолий, раненный осколками мины в плечо, сопровождал Валентина. Чуть позже раненных бойцов доставили в штаб нашей группы, а затем вывезли с территории противника, отправили в госпиталь. Они выжили и уже через непродолжительное время вернулись в роту абсолютно здоровыми.

В том бою семьдесят два десантника уничтожили более сорока единиц военной техники, пяти сотен солдат противника, еще столько же в течение следующей недели сдались в плен нашей объединенной группировке. «Дадону» тоже пришлось нелегко, в том бою он уничтожил несколько боевых машин противника, а его «механ» ловко отогнал «бэмс», попавший в прицел танка. Гвардейцы десантники в очередной раз доказали, что для нас нет невыполнимых задач, ни один танк, ни одна боевая машина противника не прошли через наши позиции к своим основным силам. Вся военная техника, которой удалось ускользнуть обратно, уйти по другой дороге, была разбита бойцами нашей третьей парашютно-десантной роты, которые не дали противнику ни единого шанса.

После боя мы осмотрели места сражений, подобрали всех раненных солдат противника, доставили их на нашу высоту, оказали им медицинскую помощь. Мы обращались с ними по-людски, понимая, что они, равно как и мы, всего лишь выполняли поставленный им свыше приказ. Позже их передали работникам «Красного креста». Пока на наших позициях находились раненные военнопленные, мы могли быть уверены, что нас не станут обстреливать артиллерией. По крайней мере, мы на это надеялись. Мы пополнили свои боезапасы из того, что захватили у поверженного врага. Теперь у нас было несколько десятков РПГ-7 и ракет к ним, РПГ-26, огнеметов «Шмель», ручных пулеметов и прочего необходимого нам оружия. Мы с «Дадонем» обзавелись отличными бронежилетами максимального класса защиты, которые были легче и гораздо удобнее

наших «черепках», в которых просто невозможно было находиться в боевой машине, так как они полностью сковывали наши движения, были крайне непрактичными. Среди захваченного добра были и продукты питания, которыми мы поделились со всеми, в том числе со сдавшимися бойцами противника.

В тот же день, спустя непродолжительное время наша разведка доложила о том, что с основной территории противника в нашем направлении выдвинулась танковая рота численностью более двадцати танков, а также до полутора тысяч солдат-наемников, укомплектованных и вооруженных по последнему слову техники. Эта новость не могла ни волновать нас, многие стали заметно нервничать. Все тот же трус, прятавшийся во время боя в окопе, стал истерить и паниковать, убеждая нас в том, что всех нас бросят, подставят под удар, разменяют на уничтоженную нами колонну, то есть пожертвуют нами. Он бегал вокруг нашего танка, действуя нам на нервы, в связи с чем и был послан куда следует. Тут же произошел еще один инцидент, омрачивший нас до невозможности. Один всегда храбрый контрактник из роты снайперов, укомплектованный различными примочками, с апгрейдинной снайперской винтовкой, учинил самострел. Он попросту струсил, у него сдали нервы, и он выстрелил себе в ногу из автомата четко между пальцев, слегка поцарапав их. Трус долго извинялся, говоря о том, что выстрел произошел случайно, когда тот чистил свой автомат, но были люди, которые видели, как он долго выцеливал себе в ногу, не решаясь выстрелить. В тот день он для всех нас умер, потеряв какое-либо уважение, мне было стыдно на него даже смотреть, не то, что разговаривать с ним. Его отправили в госпиталь, вывезли с территории противника, а позже уволили и привлекли к уголовной ответственности. Он недостоин, чтобы мы более говорили о нем.

Весь остаток того дня я не слезил с брони своего «бэмса», вслушиваясь в каждый доносившийся до нас звук и шум двигателей, ожидая появления танков, наступления наемников. Ночь также была беспокойной, мы все время ждали атаки, но ее все не было. Утром разведка доложила о том, что танки противника свернули, ушли в обратном направлении, наступило затишье. На поле боя работали волонтеры «Красного креста», они собирали трупы, оказывали помощь раненым. Так продолжалось пару-тройку дней. Всех военнопленных мы также передали «Красному кресту», лишим их оружия и боеприпасов.

Мы выполнили свою боевую задачу, окружили и уничтожили большую группировку солдат противника, освободили оккупированные ими территории, закрепились на своих позициях. Мы ждали приказа «домой», готовые передать занятые рубежи воюющим вместе с нами местным жителям. Мы также знали, что перед нами будут поставлены новые боевые задачи по освобождению оккупированной территории, но мы надеялись на то, что нам дадут передышку, вернуть нас в лагерь. С территории противника наша группа выходила самой крайней, старт был запланирован на шесть часов утра, однако над нами вновь нависла опасность воздушной угрозы, не позволяющая нам начать движение. Все мы ожидали, нервничали, пристально всматриваясь в небо. Всего за то время, что мы находились на территории противника, нашими зенитчиками было сбито четыре вертолета и шесть самолетов, в основном это была заслуга могучего «ТОРа». После обеда угроза воздушной атаки отпала, поступил долгожданный приказ, и мы двинулись в путь, оставляя за собой клубы пыли и грязи. В этот раз мне выпала почетная обязанность идти крайним, замыкая колонну и прикрывая нашу группировку. Мы хапнули горя, когда следом за нами из лесополосы вылетел БМП противника, как позже выяснилось, захваченный нашими союзниками. Чуть-чуть дело не дошло до стрельбы, но мы вовремя во всем разобрались. Как же было приятно вернуться домой, на родную землю, живым и здоровым. Нашей радости не было предела, мы вновь встретились со своими ребятами, с которыми служили в Омске, делились впечатлениями от увиденного и произошедшего. Там на нейтральной территории мы расстались с нашими боевыми товарищами из 106 дивизии, после чего своей Камышинской БТГР направились к своему лагерю. Наша колонна возвращалась через города, мы шли по центральным улицам, где нас вновь встречали местные жители, которые плакали и смеялись, благодаря нас за нашу работу, и этой благодарности не было конца. Я не могу передать словами те чувства, которые мы все испытывали в тот момент, но на душе было очень приятно, и гордость переполняла меня за наших солдат, и в настоящее время готовых на подвиги. Это отличительная черта русских воинов, которые в трудную минуту, когда в них нуждаются простые мирные жители, не считаясь со своими личными интересами, не щадя свои жизни любой ценой выполняют поставленные боевые задачи. Так всегда было раньше на Руси, в царской России и в Советский пери-

од, и так будет и дальше, всегда. Я преклоняю голову перед мужеством русского солдата и горжусь тем, что мне выпала честь защищать свою Родину.

Когда мы вернулись в наш лагерь, ребята встречали нас с нескрываемым восторгом и радостью, мы были счастливы, что все наконец благополучно закончилось. Еще несколько недель мы несли службу на границе территории противника, в любой момент готовые на выполнение нового задания. Но, прибывшие в лагерь офицеры генерального штаба, узнав о том, что в боевых действиях принимали участие солдаты «срочники», отдали приказ на возвращение всех нас в бригаду. Там же при «разборе полетов» мы высказали свои претензии тому контрактнослужащему трусу, который прятался в окопе во время боя. Его это сильно задело, и он кинулся на меня с кулаками, но тут же получил должный отпор, пропустив два удара в лицо. Ребята нас сразу разняли, но он понял, что потерял всякое уважение среди нас и больше никогда не выступал. Я с «Дадоном», а также многие другие Омские войны вернулись в бригаду, где достойно прослужили остаток службы до самого дембеля. Еще очень много интересных и увлекательных событий произошли с нами за период службы в армии, описать которых мне не хватит никакой книги.

Я реализовал свою мечту, пройдя срочную службу в Воздушно-десантных войсках, получив бесценный опыт и навыки, которые невозможно приобрести на гражданке, заимел настоящих и верных друзей, которые навсегда останутся в моем сердце, научился управлять танком, стрелять из него, совершал захватывающие прыжки с парашютом. Это был увлекательнейший год моей жизни, о котором я никогда не забуду. И уж точно я не жалею о том, что служил в армии. Тем, кто до сих пор сомневается в необходимости службы в армии, я однозначно скажу, что служить можно и нужно, там каждый для себя поймет, кто он есть и чего стоит.

Владас КУЧКА

Кучка Владас Антанович родился 25 мая 1995 года в Качканаре. В 2013 году закончил школу имени К.Н.Новикова. В 2013-2014 годах служил в рядах Вооружённых Сил.

ЭТОТ ГОД ДЛЯ МЕНЯ НЕ ПОТЕРЯН

В армию я отправился через неделю после школьных экзаменов. Здоровье отличное, приписывали к группе «А», а это – элитные войска: морская пехота, десант и спецназ. Ехал я в Егоршино на команду спецназа, но они меня не взяли. А на следующий день забрали – в Иваново, как оказалось, в 217-й полк 98-й дивизии ВДВ.

И вот приехали в Иваново. Вышли из поезда, построились, погрузились в КАМАЗы, и так доехали до полка. Первое, что увидели: глухой забор, КПП, солдаты стоят. Ничего не понимаем сначала. Чувства сложные: вроде и рад, что попал в десант, но не знаешь, что ждёт тебя впереди. Построили, начали распределять. Нас везли со Свердловской области 40 человек, а когда раскидали, осталось нас с области человек 15 в одной роте.

Сначала был карантин: это рота вновь прибывшего пополнения. В ней мы были почти два месяца, проходили первоначальную подготовку – курс молодого бойца. Учились складывать парашюты, полностью, чтобы «от А до Я» знали все тонкости. Отрабатывали наземные упражнения для прыжка, на тренажёры ходили на воздушно-десантный комплекс, там полностью всё отрабатывается до автоматизма, чтобы в воздухе никаких заминок не было. Занимались каждый день. Каждый день была зарядка, три раза в неделю спортивно-массовые мероприятия, часа на два выходили. Разминка, бег, в футбол разрешали играть, когда время было.

В эту программу входили и прыжки. Перед прыжками – допуск. Это прыжки с вышки. 25 метровая вышка, макет парашюта, тебя прицепляют и с этой вышки прыгаешь. 3 подготовительных прыжка. Кто прошёл, кто всё правильно сделал – тех допускают на самолёт. О прыжках с самолёта нас заранее предупредили, выдали

обмундирование специальное: рюкзаки десантников, чтобы приготовить: где подшить, где постирать, и в 4 утра поехали на аэродром. Первые два прыжка – с АН-2, дальше – Ил. У меня получилось 3 АНа, 2 ИЛа. В АН-2 – 9 человек загружается. Сели, сидим, переглядываемся, никто не хочет показывать друг перед другом, что страшно. Я сидел, старался улыбаться, разговаривать с парнями – чтобы самому не струхнуть и парней поддержать. А я ещё по росту и по весу получился первый. Всё, мы взлетели, летим. Команда «Приготовиться!». Первый встаёт, а первый – это я. Встал, двери открыты, где-то полминуты стоял перед раскрытой дверью, эти полминуты были долгими, потом звучит сирена, хлопок по спине. И я пошёл! А дальше на автомате получается, как тренировались: два шага, толчок, «501, 502, 503». Сначала непонятно: выпрыгнул, перед глазами всё мелькает... Потом дёргаешь кольцо, парашют раскрылся – как-то успокоился, уже смотришь по сторонам: красиво. Где-то уже ближе к земле задумываешься, что ещё приземляться. Ну, в принципе, приземления были мягкими.

После курса молодого бойца – распределение в полку по ротам. Меня в 9-ю роту отправили. Там поставили в штат, закрепили оружие, поставили на должность. Моя должность сначала была – номер расчёта, потом через неделю присвоили звание «младший сержант» и поставили на должность «командир боевой машины – командир отделения».

Взвод 30 человек, в нём – 3 отделения. Полностью отвечаешь за личный состав своего отделения, следишь за внешним видом. Каждое утро – утренний осмотр, чтобы были побритые, подшитые, ногти стрижены, кантики ровные. Также и за морально-психическим состоянием. Всякое бывает – у кого-то в семье что-то случается, если у человека серьёзные проблемы, то уже обращались к вышестоящим командирам. Но в нашем взводе такого не было. В основном хорошо переносили тяготы и лишения воинской службы.

Служили в роте, занятия проводились по распорядку, иногда выезжали в поля. У нас был учебно-тактический полигон «Песочный», приезжали туда, там жили в палатках и тоже занимались подготовкой, прежде всего тактической: поведение во время движения по дорогам, вне дороги, боевыми двойками, отработка других тактических премудростей. Там же рабочка была: дрова напилить-наколоть. А последний раз вообще нормально поработали. Я там стоял на бензопиле, пилили делянку, распиливали, выносили, грузили в КАМАЗ, вывозили на лесопилку.

Когда пошли первые новости с Украины, стали возникать вопросы на эту тему. Первый батальон, в котором я служил, он – боевой, 2-й миротворческий, 3-й, как у нас говорили, «рабоче-крестьянский», там в основном служили срочники. В связи с новой обстановкой у нас часто проводились смотры: готовили обмундирование, снаряжение, строили на плацу и проверяли, чтобы всё было готово. Даже один раз выводили технику на плац, полностью подготовленную, 3 дня стояла. Потом были дивизионные командно-штабные учения с выездом. Прыгали на границе с Украиной. Привезли нас на аэродром, загрузились, полетели. Прыгали практически на границу с Украиной. Всё это происходило во время референдума. Полторы тысячи десантников, по телевизору показывали: наша 98-я прыгала. Прыгнули, там же собрались, поехали на аэродром, там же уложили парашюты, полетели обратно и уже у себя прыгали. Сутки в таком режиме.

Довелось участвовать в параде 9 мая в Москве. У нас парадный полк. Каждый год от нашего полка ездят на парад. Вот даже сейчас парнишка из Екатеринбурга (вместе призывались, он подписал контракт, общались с ним хорошо, он приезжал ко мне летом в отпуск), он сейчас в Алабино, тренируется, второй раз на парад пойдёт¹. От-

¹ Материал подготовлен в апреле месяце

бирали по росту, потом в ходе тренировок смотрели, некоторые отсеивались. Я сразу был направляющим второй шеренги, так же шёл и на параде. Нас увезли готовить в Наро-фоминск, где тоже десантная часть. Жили мы там, а маршировать ходили на плац Канте-

мировской дивизии, а уже конкретно тренироваться ездили в Алабино. Старались следить за ногами в первую очередь. Чтобы мыли каждый день. После тренировок разрешали снимать обувь и в расположении ходить в тапочках.

Сначала тренировали прохождение по шеренгам, чтобы привыкали держать равнение, делали упражнения с выносом ноги, на два, на четыре счёта. Потом – прохождение всей коробки. У нас было две коробки: 331-го и нашего полка, и между собой изначально соревновались: кто лучше пройдёт, тот раньше на обед.

И вот – 9 мая. Проснулись, собрались, загрузились в автобусы, поехали заранее. Приехали, сидели в автобусах часа два у Красной площади под мостом. Команда «Строиться». Построились, пошли на Красную площадь. Перед Красной площадью досмотр оружия. Вышли на площадь, построились минут за 20 до начала. Куранты бьют, команды подаются, министр выезжает, всё как по телевизору, всё это мы отработывали, в том числе и на Красной площади были ночные тренировки. От меня министр остановился метров 10, когда кричали ура. Потом он проезжал мимо нас, а я – направляющий, стою близко. И Президента видел, и премьера. Зазвучала музыка и началось прохождение торжественным маршем. Изначально мы стояли примерно в центре, повернулись, пошли до исторического музея, около него развернулись и – уже прохождение вдоль трибуны. Там уже все стараются, носок тянут.

В Алабино когда ходили, на ночных тренировках, казалось – длинная площадь. А ещё пройти строевым, с оружием по брусчатке, в об-

мундировании – это всё равно чувствуется, это тяжело. А вот 9 мая об этом никто не задумывался, всё на подъёме было: улыбка сама натягивается, спинка сама прямая! Подъем был такой, что пролетели – даже не заметили.

Дальше под мост и в автобусы обратно. Видели пролёт авиации.

Приехали, больше никаких занятий в этот день не было, отдыхали и начали собираться из Наро-Фоминска к себе обратно.

Приехали в полк, там нас опять перераскинули, меня в 3-й батальон и там я уже дослуживал в 3-й роте. У нас решили сделать «дембельскую» роту из нашего призыва и увезли в поля. И вот мы полтора месяца последних были в полях.

100 дней до приказа практически не отмечали, по традиции побрились, масло не ели. У нас из части уйти в самоволку было проблемно. Из полка практически не выходили.

Что ещё сказать о службе? С довольствием было всё достойно. Кормили хорошо, я не жаловался. Офицеры были разные: кто-то с пониманием подходил, кто наоборот считал, что солдат и так всего год служит, поэтому должен работать и работать. В основном в ВДВ служат выпускники Рязанского училища – очень подготовленные офицеры, тактическую подготовку, все занятия они проводили сами, знания у них были обширные. Командир дивизии Волок приезжал, смотры проводились, даже в полях один раз он приезжал, полностью технику смотрел. Часть реально была боеготова. Всё было серьёзно. Техника – на ходу. Механики-водители были контрактники.

Приезжали «Голубые береты», пели, зажигали, понравилось.

За три дня до увольнения нас привезли в полк, дали проездные документы. Таким образом, служил со 2 июля 2013 по 8 июля 2014.

Этот год несколько для меня не потерян. Армия – это мужское занятие. А в 18-20 лет – в этом возрасте служба, да ещё в ВДВ за милую душу, за радость. Всё это интересно. Я собирался поступать в военное училище и решил сначала сходить в армию. Желание поступить в училище не пропало.

Очерки

Василий Верхотуров

ЧТОБЫ ВЫЖИЛ... ЧТОБЫ ЖИЛ...

– Я так благодарен своим однополчанам, с которыми прошел дорогами войны, за то, что они не раз спасали мне жизнь, – вспоминает Геннадий Иванович Прокуров, ветеран Великой Отечественной войны. – Ну, куда меня послать, на какое боевое задание, если я метр пятьдесят два ростом, если винтовка выше меня? Вот потому-то и берегли меня старшие товарищи, насколько возможно, – вспоминает воздушный десантник образца 1944 года.

В ноябре 1943 года Геннадий Прокуров был призван в армию. Полгода в учебном полку. Три учебных прыжка с парашютом, курсы снайперов. А вот в боевой высадке поучаствовать так и не довелось. Вслед за десантировавшейся за Днепром 25-й воздушно-десантной бригадой должна была высадиться и 20-я, в которой служил Геннадий. Получив полное десантное снаряжение, сухпак и боекомплект для кратковременного боя, бригада с вечера ожидала сигнала на вылет. Никакого волнения перед первым боем «с неба – на землю» у юного солдата не было. В четыре часа утра поступила команда отбоя. Место высадки было рассекречено врагом, и десантников, по донесению разведки, ожидал очень не радушный прием...

Вскоре после этого воздушно-десантная бригада была переформирована в стрелковую с подразделениями мобильного реагирования. С западного берега Днепра, очищенного от гитлеровцев, эшелонами была дислоцирована бригада до венгерского города Надькереш. Небольшой отдых – и ночные 50-километровые марш-броски к Будапешту и далее, к Балатону. Переходы скрытные, значит, минуя населенные пункты и без дорог. Тяжеловато приходилось 18-летнему парню – небольшого роста, недокормленному с детства из-за бедности в семье – с полной боевой выкладкой скорым маршем поспевать за однополчанами. И только на пятую ночь, измотанные и усталые, заняли стрелки позиции второй линии фронта. Бои за венгерский Балатон, шедшие

зимой 1944-1945 годов, называют еще «вторым Сталинградом», настолько кровопролитны и упорны они были. Геннадий Иванович рассказывает об этом периоде своей жизни без бахвальства: «Мы же во второй линии вынужденной обороны были, нас не атаковали. А вот на передовой – там немец пер во всю мощь. Только уже не та была наша армия – и артиллерии, и танков, и самолетов хватало. Бомбили и нас, но мы успели хорошо укрепиться, основательно обжились. Те, кто воевал в 42-м, говорили: «Эх, тогда бы такую силу!». Долгое противостояние в Балатонской операции привело к разгрому вражеской группировки, выходу из войны и капитуляции верного союзника Германии – Венгрии. Вслед за наступающими войсками двигался и 302-й полк 98-й стрелковой дивизии Геннадия Прокурова.

Геннадий Иванович Прокуров

Потом была Австрия, Германия, снова Австрия, Чехословакия. Скорые эти передвижения, где на захваченных машинах, а то и пешком, не оставили особой зарубки в памяти: деревенскому парню все было в диковинку, везде надо нос сунуть. Одергивали старшие товарищи: «Мины же кругом! Куда лезешь? Успеешь, насмотришься еще, если жив будешь».

Зато в Чехословакии так радостно и радушно нас встречали! – рядовой Прокуров улыбается, вспоминая былое. – Народ стоял вдоль дорог с цветами, продуктами и одеколоном, что интересно. Я сидел с краю в открытой легковушке, так мне всю руку отдергали, и еще три дня я одеколоном пах. А ведь до этого мы месяцами не мылись, поборвались в походах и, чего греха таить, вшей ковшиками собирали. А вот это чешское: «Наздар, Руда Армада!», то есть «Да здравствует Красная Армия!» – запомнилось на всю жизнь.

О своем военном везении Геннадий Иванович рассказывал просто и с улыбкой. Ранение, о котором, по его словам, и рассказывать-то нечего, было «случайным»: недалеким взрывом мины вместе с комом грязи шлепнуло его по шее маленьким осколком. Отряхнул грязь, ни

боли не почувствовал, ни крови не увидел сгоряча. Комроты по прозвищу Ваня Курский, заметив окровавленную спину бойца, перевязал рану, как умел, велел отправляться в санбат. «Да стыдно с такой раной-то, отстану, где вас искать потом?» – отнекивался раненый.

Рана оказалась неглубокой, но воспалилась от грязи. Через две недели стала подниматься температура. Сбегаю на отдыхе к медикам, что расположились недалеко, рану обработали, больному дали место в палатке. Сбежал...

– Вот за это ранение, за то, что раненым не покинул ряды бойцов и был я представлен к медали «За отвагу». Какие у меня подвиги? Не о чем особо рассказывать... Вот такой случай расскажу – не для печати. Рота по тревоге была поднята для выполнения срочного задания. Было это недалеко от города Баден-Баден. «Прокуров, остаешься в расположении», – безапелляционно заявил комроты Ваня Курский. Я чуть не плачу: «Товарищ лейтенант, да как же это? Что я, дефективный какой? Вы пойдете медали заслуживать, а мне здесь отсидеться?». Голос командира был тверд: «Приказ непонятен, что ли? Вот тебе тазик с луком, поплачь над ним, чтобы весь очищен был! Выполнять, рядовой!». Из боя того вернулись не все: один был принесен убитым, другой тяжело раненым. «Иди, простись с товарищем. И радуйся, что не на его месте лежишь, парень», – сказал командир.

А парень этот до сих пор благодарен своим однополчанам за то, что живым остался...

– Опекали и берегли меня, наверное, за внешнюю щуплость и малый рост. Бывалым и опытным 25-летним бойцам я казался чуть ли не сыном полка, – делится догадкой Геннадий Иванович. – Да оно и понятно, если припомнить, что при прыжках с парашютом меня относил ветром дальше всех. Пока соберу парашют, пока добегу до места сбора, все уже поспать успевали, – смеется десантник. – Это я потом заматерел да вытянулся, в мирное время службы, на харчах хороших.

Первого мая 1945 года рота была на марше, впереди полка, не давая уйти в Австрию, занятую союзниками, вооруженным колоннам гитлеровцев. Догоняли и били. Подходили к границе Чехословакии и Австрии.

– Не доходя километров трех до американских блокпостов, наблюдаем такую картину: длинная колонна машин, повозок, кухонь. На обочине лежат и сидят немцы, сушат обувь и одежду, на палках у них белые флажки привязаны – сдаются. Это потом чехи рассказали, что больше суток непрерывным потоком американцы принимали колонны, в три ряда по шоссе шли машины с солдатами, танки и артиллерия,

а этих, интендантов, не пропустили. – Задумался на минуту ветеран и высказал предположение: – Союзники с двойным дном были, «друзья» эти сильно себе на уме. В ночь, второго мая, когда уже разоружили и приняли хоздвор, объявлено было об окончании войны...

Выстроил своих бойцов комбат и сказал: «Двадцать семь вас, ребята, всего осталось из целого батальона. Так что каждый будет представлен к награде». И орден «Отечественной войны» засиял на правой груди рядового Прокурова.

– Американцы приходили к нам в гости посмотреть, что это за красноармейцы такие, – продолжает Геннадий Иванович. – Сами они чистые, холеные, а мы оборванные, небритые, но счастливые. Мы смотрели на них с таким превосходством, что недолго погостили у нас союзнички, видно, неловко им было. Тоже ведь не дурак, этот американец-то рядовой, понимал, что к чему в этой политике.

Самым главным праздником Геннадий Прокуров считает День Победы.

– Я считаю героями таких ребят, как мой старший брат, погибший под Ленинградом, миллионы таких героев, как он. А меня, видно, оставили жить за них...

И жил, и работал на совесть. Никто дурного слова не скажет. В первых вскрышных работах при разработке качканарского месторождения участвовал машинист экскаватора Геннадий Прокуров и остался верен профессии и Качканарскому ГОКу до самой пенсии.

– Желаю всем работникам комбината здоровья и трудовых успехов! – поздравил с наступающим юбилеем Победы своих коллег Геннадий Иванович. – Чего еще пожелать? Успешного освоения новой техники, сложной, мощной, производительной! Ведь как ни крути, а работа ваша на благо Родины. С Победой вас, ребята!

P.S. Что касается заслуженной медали «За отвагу» рядового Прокурова, об этом говорит такой документ: *«Приказ по 302 Гвардейскому полку, 98 Краснознаменной СД № 620/Н, от 11 мая 1945г. От имени Президиума Верховного Совета СССР награждаю автоматчика Прокурова Г.И. за героизм в бою за город Пухберг, где он лично из своего оружия уничтожил четырех немецких солдат. Гв. подполковник Козьмин».*

Михаил Титовец

ДЕЛО ЖИЗНИ ДМИТРИЯ ПОРЫВАЕВА

Фразу «незаменимых людей нет» придумал какой-то никчёмный, ничего из себя не представляющий человек, чтобы оправдать свою никчёмность. На практике же чаще всего как? Есть Человек – есть Дело. Не стало человека – дело в лучшем случае теплится, а чаще рассыпается. Печальные примеры этому имеют место быть и в Качканаре.

Дело Д.П.Порываева (Димы, Палыча – кому как нравится) – неважно, какие занимает должности или вообще их не занимает ... так вот, его дело – развитие ветеранского движения второй волны и увековечение памяти погибших в «необъявленных войнах».

Дмитрий Павлович – коренной качканарец: в Качканаре родился, рос, вырос. Здесь он развил в себе обострённое чувство Родины. Помните известную песню «С чего начинается Родина»? Для Порываева Родина начинается именно в Качканаре. Он ведь действительно необыкновенный, наш Качканар. Он и людей формирует особых, поэтому «качканарский характер» – это не абстрактное понятие, за этим стоит очень даже конкретное содержание. Здесь как минимум две составляющих – это дух пассионарности, который привнесли отцы-основатели, и особая надёжность и прочность, сродни нашей прочной трудновзрывной качканарской руде.

Стоит ли удивляться, что «парни с нашего двора» всегда были востребованы в ратном труде – и в мирное время, и не только. И у самих ребят не существовало альтернативы: служить или не служить? Конечно – служить! Да что б обязательно – в престижных войсках! Самый крутяк – если в ВДВ!

В судьбе этого поколения была полномасштабная война – война в Афганистане. Не миновала чаша сия и Дмитрия Порываева. Нет необходимости излагать перипетии его службы в этой горячей точке: очень ярко и интересно они изложены в книге «Афганистан живёт в моей душе»¹. Отметим лишь два факта: служил он в легендарном «полтиннике» – 350-м гвардейском парашютно-десантном полку, военная специальность – «сапёр» – это тот, который ошибается только раз.

В 1984 году – заветный «дембель» и возвращение в родные края. А через несколько лет в одночасье сменились все какие только можно парадигмы: идеологическая, политическая, экономическая, нравственная... Новая Россия, ставшая правопреемницей Совет-

¹ Афганистан живёт в моей душе. – Екатеринбург, 2006, с. 33-36

ского Союза, на тот момент не хотела принимать наследство в виде последней войны великой империи и ветеранов этой войны, предоставив им полную свободу выбора: хоть на стакан садись, хоть в криминальную структуру отправляйся... Объективности ради следует заметить, что на уровне народном эти парни всегда воспринимались, как герои, какую бы чернуху не источали средства массовой информации об афганской войне и её участниках. Во всяком случае, в Качканаре было так.

«Родина приняла нас такими, какими мы стали», – пишет Дмитрий Павлович. «Родина – это не те, за Кремлёвской стеной, кто развязал эту войну. И Родина – это не те, кто позволил бросать грязь в лица солдат, честно и до конца выполнивших свой интернациональный долг. Родина – это, в первую очередь, родные и близкие друзья. И обшарпанная скамья у подъезда, и залиvistый лай на два года постаревшей собаки. И скорбный взгляд седых мам наших погибших товарищей, всё понимающий и прощающий. И мы благодарны всем им за любовь и поддержку. Благодарны тем девчонкам, кто решил связать с нами свою судьбу и нарожавших нам детей, чей лепет заставил оттаять наши души»².

А дальше? А дальше Д.П.Порываев начинает долгую кропотливую работу по выстраиванию идеологии и практики ветеранского движения. Не один, конечно: один в поле не воин. Но, несомненно, он – душа этого движения.

Идеология же формулируется предельно ясно и просто: «За Качканар!» Как-то на одном из дней ВДВ хороший, в общем-то, паренёк с сопредельной территории, услышав могучее: «За ВДВ! За Качканар», сильно удивился: «Качканар-то здесь причём?» А вот причём. Когда нужно было – ребята брали ответственность за всю страну. А сейчас

² Там же, с. 126

для них большая Родина сконцентрировалась в родине малой. За неё и надо «впрягаться» – всеми возможными способами и средствами.

А практика – это система мероприятий, имеющих колоссальный воспитательный заряд, повышающих самооценку ветеранов и вызывающих уважение к ним со стороны качканарцев. Один только праздник – День ВДВ чего стоит! Ведь напиться и искупаться в фонтане – ума не надо вообще. И совсем другое дело – в Качканаре: молебен в храме перед иконой Илии Пророка, средства на которую сами и собрали, митинг в парке у памятника погибшим, посещение могил погибших товарищей, народное гуляние во второй половине дня с конкурсами и аттракционами...

А ещё мемориальные плиты для учебных заведений с информацией о погибших выпускниках, фильм «Качканарский десант», памятники погибшим в рамках проекта «Журавли»... Ко всему этому Д.П.Порываев основательно руку приложил. И не только руку, но и голову. А сколько раз его имя вспомнили ребята – выпускники клуба «Афганец», особенно первых наборов – вот уж поикал, наверное, Палыч.

Последнее, пожалуй, по списку, но не по важности. Важный момент в деятельности ветеранских организаций – их правовой статус. Качканарские отделения союзов ветеранов войны в Афганистане и воздушно-десантных войск имеют статус юридического лица. А это уже не «художественная самодеятельность». Этот статус позволит решать задачи более высокого порядка. Тем более, и «штаб» теперь имеется: в 2014 году выделено помещение для Центра ветеранов боевых действий и военной службы. Вот и говорите, что незаменимых людей нет.

В личной жизни. Вырастил сына, который, к слову сказать, тоже служил в ВДВ. Дом не построил, но содержит в порядке родительский на Борисовском. Про посаженное дерево – информацией не располагаем.

С учётом того, что Дмитрий Павлович только-только отмерял полвека, это означат только одно: он ещё очень много сделает полезного. Для ВДВ. Для Качканара.

Наталья Титовец

ВОЙНА ТРЕБУЕТ СИЛЫ ДУХА

...Весна, 1984 год. В небе над Кабулом заходят на посадку несколько советских самолетов ИЛ 76. Военно-транспортные самолеты везут в Афганистан для наших бойцов продукты, боеприпасы, газеты и книги. Внезапно, словно ниоткуда, моджахеды начинают обстрел наших ИЛов, используя ПЗРК «Стингер», позволяющий поражать цели на высоте до 3500 метров. Душманам удается подбить один транспортный самолет, на борту которого почта и книги.

Наши солдаты потом еще долго находили в окрестностях Кабула книги на русском языке. Так попал в руки рядового Поченигина исторический роман «Спартак», который на долгие месяцы афганской службы стал для него любимым и практически единственным чтивом в редкие часы отдыха.

Детство

На рубеже 70-80 годов Димка Поченигин был обычным мальчишкой. Как сотни других качканарских ребят, учился в школе, занимался спортом. Перепробовал все: коньки, лыжи, футбол. Учащиеся школы им. К.Н.Новикова хорошо помнят своего преподавателя физкультуры. В.Г.Высотин сам был фанатом баскетбола и увлек этим видом спорта многих своих учеников, в их числе и Дмитрий Поченигин.

– До 7 класса я был очень маленьким, – вспоминает Дмитрий Рудольфович, – но страстно хотел вырасти. Вот и занялся баскетболом. Кстати, помогло. В училище, куда после окончания восьмого класса пришел учиться на сварщика, я вырос на 21сантиметр. Баскетбол люблю до сих пор, даже в этом году еще сыграл в цеховых соревнованиях, а по молодости лет играл в сборной команде города.

Спортивная закалка, трудолюбие и настойчивость пригодились в армейской службе.

Свои первые прыжки с парашютом Дмитрий совершил еще до призыва в армию. После профтехучилища пришел работать в КГОК, а через несколько дней от военкомата его и еще нескольких качканарцев направили в Нижний Тагил на тренировочные прыжки. Несколько дней подготовки, и вот он – первый прыжок в неизвестность. Страх не было, скорее какая-то опустошенность. Вначале гул самолета, а потом тишина. И ты паришь над землей словно птица.

Армейский призыв

После прыжков стало понятно – готовят в десантные войска. Повестки не пришлось долго ждать. 7 октября 1983 года вручили повестку о

призыве в армию, а 9 октября вместе с Владимиром Вепревым, Сергеем Ивукиным, Михаилом Бастраковым, Владимиром Кудряшовым и другими новобранцами ехали на призывной пункт в Егоршино.

Первые уроки будущей нелегкой армейской службы получили именно там. По прибытии всех оставили на целый день на улице, обогреться не разрешали даже с помощью костров, хотя на улице было уже достаточно холодно, и шел снег. На другой день после завтрака новый приказ – выщипать траву на газоне перед столовой. Так, двигаясь гуськом один за

другим, и выщипывали травку, а зачем – до сих пор не ясно.

Через три дня приехали «покупатели», отобрали большую группу призывников, и снова в путь, который теперь лежал через Свердловск (ныне Екатеринбург) до Ферганы (Узбекистан).

Учебка

Ферганская войсковая учебная часть по тем временам была довольно крупным армейским подразделением, где солдат непосредственно готовили к отправке в Афганистан.

– В учебке встретил земляка, с которым учились в одной школе, – продолжает рассказ Д.Р.Поченигин. – Сажу в учебном классе за партой, а на ней выцарапано: «Боха – Качканар», поворачиваю голову, а он в дверь заглядывает. Земляка в армии встретить – особая радость.

Новобранцев распределили по ротам, кого в пехоту, кого в гранатометчики. Готовили в учебке и будущих переводчиков, в основном ими были таджики.

Армейская жизнь от подъема до отбоя: зарядка, политзанятия, стрельбы. Отрабатывали взятие кишлака (был такой специальный городок недалеко от стрельбища). Седьмую роту, где служил рядовой Поченигин, возили еще в Киргизию. Здесь учили вести бой в условиях горной местности. По истечении четырех месяцев сапоги у бойцов пришли в полную негодность.

В общем, гоняли на совесть. Отцы-командиры, уже прошедшие Афган, старались преподать молодым солдатам армейскую азбуку:

куда нужно совать нос, а куда нельзя. Дельный совет мог впоследствии сохранить бойцам жизнь.

Несколько месяцев в Ферганской учебке пролетели незаметно. Недаром какой-то шутник написал на стене казармы: «Ура! До дембеля осталось 715 дней!».

Афган

28 февраля 1984 года борт ИЛ-76 должен был доставить свежее пополнение советских бойцов в Афганистан. Дмитрий накануне позвонил родителям и сообщил, что улетает на новое место службы.

– Отец спрашивает: «Куда летите?», а я отвечаю: «На юг». Мать уточняет: «Где море?» «Нет, – отвечаю, – где горы», – горестно усмехаясь, вспоминает тот давний разговор Дмитрий Рудольфович.

В Фергане раз в 8-10 лет выпадает снег. Для местных жителей – это катастрофа. Именно в тот 1984 год снега выпало 50 сантиметров. У узбеков техники никакой для расчистки снега не было. Опять солдатам работа. Дали каждому по картонке, и айда, на расчистку аэродромной площадки аэропорта. Даже природной стихии не удалось изменить планов военного начальства. Через несколько часов советский самолет уже приземлился в центре Кабула. Так уральский парень Дмитрий Поченигин впервые ступил на афганскую землю.

Карантин; охрана инфекционного госпиталя; ночные засады в долине Паймунар; цветущие апельсиновые деревья и гроздья винограда, растущие на кустах, как у нас смородина; чай с верблюжьей колючкой, незаменимым бактерицидным средством; вода с привкусом резины, потому что несли ее в резиновом сапоге химзащиты; сапер, которому только что, на глазах у всех, миной оторвало ногу; афганские дувалы, обнесенные заборами, за каждым

из которых может скрываться смерть; вражеские ракеты, летящие прямо с гор; сослуживец Семен, которого отправили в родную Белоруссию «Грузом 200» – воспоминания о былом сменяются одно за другим, как кадры киноленты об афганской войне. Несмотря на все трудности, судьба хранила Д. Р. Поченигина.

Весной 1985 года его перевели в разведвзвод. Оператору-наводчику БТР (бронетранспортер) Дмитрию не составило труда освоить БМП-2 (боевая машина пехоты).

Однажды группа из 7 человек на их боевой машине была направлена в штаб, сопроводить машину-водовозку. Как известно, вода в Афганистане на вес золота.

– Возвращаемся обратно. Наша боевая машина впереди, водовозка сзади. И вдруг взрыв. Одно колесо у БМП отлетает метров на 50. Видно «духи» установили нажимную мину. Вот три колеса по ней проехали, а на четвертом рвануло.

Долго раздумывать было некогда. Поченигин нырнул с брони в люк машины, развернул пулемет и начал прочесывать «зеленку». Это и спасло бойцов. Повезло, все остались живы, в том числе ехавший вместе с группой начальник штаба майор Кондратьев.

Домой

Двадцать долгих полных смертельной опасности месяцев длилась служба рядового Дмитрия Поченигина в Афганистане. 24 октября 1985 года вышел приказ о демобилизации. И вновь аэропорт Кабула, затем Ашхабад, Ташкент, Оренбург, Свердловск и вот он долгожданный Качканар. Родной город встретил воина-афганца, одетого по-летнему в китель, тельняшку, берет, 25-градусным морозом. Но это было уже не важно. Он дома. Он жив.

С тех пор прошло немало лет. Все эти годы после армии Дмитрий Рудольфович трудится в КГОКе, возглавляет бригаду электрослесарей по ремонту горного оборудования РУ. В его бригаде много молодежи, иногда спрашивают ветерана о войне. Поченигин уверен – главное для любого воина быть сильным человеком.

Именно такими были Спартак, солдаты Великой Отечественной, воины-интернационалисты.

Максим Плесников

В НАС СТРЕЛЯЛИ. МЫ В ОТВЕТ СТРЕЛЯЛИ ТОЖЕ

Близится знаменательная дата – день вывода войск из Афганистана. Сколько же жизней забрала и искалечила эта жестокая и беспощадная Афганская война, сколько страдания она причинила матерям, чьи сыновья не вернулись...

Иной раз я задумываюсь: а ведь там, в Афганистане, умирали ребята почти моего возраста, ведь они были еще совсем детьми, им так же, как и мне сейчас, хотелось жить. Но война не спрашивает никого...

Решив написать про участников афганской войны, я созвонился с Николаем Алексеевичем Чекушиным. В назначенное время мы встретились, он был вместе со своим однополчанином Владимиром Сергеевичем Астраханцевым. Все вместе мы поехали к Николаю Алексеевичу домой. С первых минут разговора сложилась дружеская атмосфера. Мы заварили чай на кухне и сели разговаривать.

К сожалению, мои собеседники неохотно вспоминали о своей службе в Афганистане. Я отнесся к этому с пониманием, но все-таки кое-что мне удалось из них вытянуть.

– Призвали меня в 1981 году, – рассказывает Николай Алексеевич. – У меня тогда еще как раз отпуск на работе заканчивался, и так не охота было на работу выходить, а тут бац – повестка из военкомата. Тогда я еще не знал, где служить буду, но прапор в военкомате сказал, что где-то за границей: то ли в Польше, то ли в Афгане. Тут наш призыв уже стали догадываться.... В итоге так и оказалось – служили в Афганистане.

Николай Алексеевич прервал свой рассказ, задумался. Наверно, вспоминал те дни. Затем продолжил:

– Я попал в отдельную 56 десантную штурмовую бригаду, был командиром отделения разведки 3 батареи. Наш батальон распо-

Владимир Сергеевич Астраханцев

лагался около Гардеза, осенью 1982 года перевелся в Бараковский батальон старшим стрелком.

Тем временем Владимир Сергеевич наливал нам чай и доставал конфеты.

– Мы ведь тогда как это восприняли, как войнушку, – включился в разговор Владимир Сергеевич. – Мы мало мы об этом думали, нам дали автоматы – мы и стреляли. Помню, наши ребята поймали духа и расстреляли его, дали очереди из трех автоматов по нему, ну он и упал как подкошенный. Мы с товарищем тогда подошли, попинали его, ну мертвый и мертвый. Мало что понимали тогда...

На столе появились фотографии, мужчины рассматривали их, вспоминали, кто из однополчан на фотографиях. Это их документальная память о тех годах.

– Ну а в целом служба проходила «весело», – продолжает Астраханцев. – Колонны сопровождали. Что не колонна, то обстрел, засады делали, кишлаки прочесывали. В нас стреляли, ну и мы в ответ тоже стреляли. Эмоций-то особо не было, не до них было. Поначалу мы не думали, что ведь и убить могут. Но постепенно, ближе к дембелю, начали думать о жизни, ведь домой вернуться надо живым, дома ведь ждут... Раньше мы этого как-то не понимали... Демобилизовался я в январе 1984 года.

Тяжело было привыкать к мирной жизни... Ходили с товарищем обратно проситься в Афганистан – не взяли. Первое время, когда приехали, кошмары снились, глушили всё водкой.

Николай Алексеевич, глядя в армейский альбом, добавил:

– Жаль фотографий у меня мало, там ведь нельзя было фотографироваться, все под секретом было, фотоаппараты забирали...

Ну а между нашими героями и по сей день настоящая крепкая мужская дружба, проверенная годами. Владимир Сергеевич работает в ГОКе машинистом насосных установок, воспитал двух замеча-

Николай Алексеевич Чекушин

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Владимир Сергеевич Астраханцев родился 30 сентября 1963 года в Качканаре. Учился в первой школе, 8 класс заканчивал в школе №3. В 1978 году поступил в ГПТУ-87. Призван в армию 30 сентября 1981 года. Свое 18-летие Владимир отпраздновал уже в поезде.

Николай Алексеевич Чекушин родился 16 декабря 1962 года в Алатарском районе Чувашской республики. В Качканар приехал в 1968 году. Сначала учился в 1 школе, 7-8 классы заканчивал в 7 школе. Потом поступил в ГПТУ-92. Призван в армию в 1981 году.

тельных сыновей. А Николай Алексеевич на пенсии по инвалидности с 2000 года, судьба подарила ему хорошую семью и прекрасную дочь. Они дружат семьями и помогают друг другу во всем.

Наверное, мало кто вспоминает сейчас ту войну, ребят, которые воевали в Афганистане, мало кто задумывается, где они сейчас, а ведь они живут среди нас! Быть может, это твой сосед или папа твоего одноклассника. Сейчас они живут мирной жизнью, но они никогда не забудут тот ужас, который пережили. Они, молодые и веселые, выполняли свой долг перед Родиной, самое прекрасное время своей жизни они провели, находясь на волоске от смерти.

Ирина Пономарёва

ОН ОЧЕНЬ РАД, ЧТО ЕГО ЖИЗНЬ ПЕРЕПЛЕТЕНА С НЕБОМ!

Сергей Васильевич Гирев родился 3 июня 1969 Курганской области в рабочем поселке Каргополье. Кроме него в семье было еще три старших сестры. Отец Василий Григорьевич работал слесарем, мать Галина Максимовна – поваром. Когда мальчику исполнилось 4 года, умер отец. После его смерти в 1973 году, семья переехала в Качканар. Здесь жила бабушка и родственники по маминой линии.

Для того чтобы содержать четырёх детей, мама устроилась работать сварщиком на завод ЖБИ. Работа была очень тяжелой, вред-

ной для здоровья. Вскоре старшая сестра Ольга вышла замуж, средняя – Надежда, уехала учиться в спортивный институт в г. Великие Луки, где вышла замуж. В последствии она вернулась в Качканар, и в течение долгого времени работала тренером вместе с мужем Александром Жуковым. Теперь семья Жуковых живет в Екатеринбурге и продолжают тренерскую карьеру. Младшая сестра Татьяна вышла замуж и уехала в Ростовскую область.

С самого детства сестра Надежда начала заниматься с Сергеем легкой атлетикой. До конца училища юноша тренировался у нее, активно принимал участие в соревнованиях и постоянно занимал призовые места. Спортивная закалка, выдержка и сноровка пригодились в годы службы в армии.

Окончив в школе №7 восемь классов (1984 г.), поступил в СПТУ №92 на специальность автокрановщика.

К тому времени, мама Сергея получила профессиональное заболевание – ревматоидный полиартрит (отложение солей в суставах), ей стало трудно передвигаться, а к моменту поступления парня в училище, она перестала ходить совсем. Сергей после учебы спешил домой помогать маме, готовил еду: мама-повар учила детей вкусно готовить с самого детства. Периодически посещал тренировки по легкой атлетике.

В те годы существовала такая практика, когда городской военкомат направлял юношей допризывного возраста на прыжки с парашютом. Для того, чтобы попасть в число счастливиц, необходимо было обладать крепким здоровьем, быть физически развитым, по-

казывать хорошие результаты в учебе и дисциплине. Когда зимой 1986 года отбирали несколько человек, Сергей оказался в их числе. Получилось так, что за несколько лет до призыва на действительную военную службу, Сергей Гирев стал готовить себя к службе в ВДВ.

Вместе с другом, Олегом Груздевым, Сергей поехал в Нижний Тагил на тренировочную базу. В первый же день там объяснили причину сбора: для ВДВ нужны подготовленные солдаты. Юноши должны были изучить устройство парашютов, технику безопасности и совершить по три прыжка из самолета, а позднее, когда придет время призыва в армию, отдать свой долг Родине, служа в десантных войсках.

Первые прыжки Сергей Васильевич помнит до сих пор: *«Нас привезли на аэродром, направили в самолет АН-2. Страх почти не было, было очень интересно. Прыжки осуществляли зимой – с одной стороны хорошо: мягко приземляешься в сугробы. Когда шагнул в дверь самолета, по лицу хлестанула тугая струя воздуха, я уже падал, кувыркаясь, вниз со стремительной скоростью. Чувствую, стропы стали выходить из ранца парашюта. Вдруг резкий рывок вверх, ноги оказались выше головы. Мой парашют раскрылся, значит, буду жить. Глаза еще не открывал, боялся. Когда до сей поры неизведанное чувство страха, неизвестности и невесомости стало отступать, открыл глаза и стал вспоминать, чему нас учили на земле. Уже через несколько секунд начал четко следовать инструкциям, пытался управлять куполом. Некогда было лишний раз голову повернуть, осмотреться. Не получалось, но я старался. Когда приземлялся, не потянул за нижние стропы, чтобы «загасить» купол парашюта, поэтому порывом ветра протащило метров 30. От всплеска адреналина и волнения появилась одышка».*

Когда собрались на пункте сбора, все юноши обсуждали первый прыжок, делились впечатлениями.

На следующий день пошли на второй прыжок. Разместились в самолете и стали ждать подъема до нужной высоты. Когда прыгнули, Сергей экспериментировал, пробовал маневрировать в воздухе. Самое главное при полете – чтобы не унесло в лес или на линию электропередач. Поэтому умение совершать маневры в воздухе является очень важным. В парашютах Д-5, с которыми осуществлялись прыжки, не было строп для управления и для того, чтобы развернуться по ходу полета, нужно было руками перехлестнуть (развернуть) лямки подвесной системы. Все получилось легко, оставалось

время посмотреть окрестности – небольшие населенные пункты, трассы, лесополосу – юноша в первый раз смотрел на землю с высоты птичьего полета. Третий прыжок был выполнен намного лучше предыдущих. Профессионально управляя парашютом в воздухе, Сергей приземлился в непосредственной близости к пункту сбора.

После прыжков юноша испытывал неопишуемое чувство гордости. По приезду в город, Сергей делился впечатлениями с однокурсниками и друзьями, рассказывал о прыжках, полете на самолете и эмоциях, которые пришлось испытать впервые в жизни.

После прыжков с парашютом Сергей с другом Олегом мечтали попасть в воздушно-десантные войска в армии. Но поскольку Сергей был единственным опекуном матери, вопрос об армии не стоял.

«Я очень хотел в армию, просил бабушку пожить у мамы 2 года, пока я буду проходить службу, – рассказывает Сергей Васильевич, – После долгих уговоров бабушка согласилась. Окончив училище, готовился в армию на осенний призыв. В июне, в возрасте 52 лет, умерла мама. После ее смерти очень помогали сестры».

После похорон Сергей устроился в автотранспортный цех ГОКа слесарем по ремонту автомобилей. С трудоустройством проблем не возникало, работа очень нравилась. По прошествии трех месяцев, в ноябре 1987 года 18-летнего юношу вместе с другом Олегом Груздевым призвали в армию.

Сначала призывников привезли в Егоршино, там прошли медкомиссию. Потом в течение трех дней шло распределение по войскам. На построение прибывали военные в форме и отбирали солдат для службы в разных родах войск. В воздушно-десантные войска нужно было набрать всего 200 человек из 2000 желающих. Списки попавших в ВДВ менялись каждый день. *«Когда назвали мою фамилию, я был очень рад, а когда услышал, что Олег Груздев так же отобран для прохождения службы в ВДВ, был рад вдвойне, – с улыбкой вспоминает Сергей, – Всю свою армейскую жизнь я отдал службе в самых боеготовых войсках Советской армии — воздушно-десантных».*

В этот же день солдат посадили в поезд и повезли в Литву, а оттуда – в учебную часть ВДВ Гайжюнай.

В учебной части было 3 полка. Когда шло распределение по полкам, друзьям хотелось попасть в 301 полк, который формировался для прохождения службы в Афганистане. По итогу Сергей попал в 285 полк, а куда ушел служить друг, он не знал. В полку солдат начали расформировывать по профессиям. Сергей хотел попасть води-

телем, но по этой профессии набор был закончен. Новобранец встал перед выбором – механик-водитель боевой машины десанта, командир БМД, оператор-наводчик БМД. Больше всего не хотелось быть оператором-наводчиком, но попал именно туда. В дальнейшем, по словам Сергея Васильевича, эта специальность очень понравилась. Это помогло расширить кругозор, попробовать себя в совершенно новой сфере и обрести определенные профессиональные качества.

Первые три дня проходили как в пионерском лагере. Солдат знакомили с войсковой частью, кормили. На четвертый день началась серьезная подготовка – подъем, зарядка (сначала общеполковая – бежали 1 км, потом зарядка повзводно – бежали 3 км), завтрак, учебные занятия, кросс 10 км в полной боевой экипировке, обед, стрельбы. Какие бы результаты не были, результат для всех считался по последнему прибежавшему солдату. Если не укладывались в норматив, бежали повторно в конце дня. Но Сергею бег очень нравился – сказались многолетние занятия легкой атлетикой. Конечно, не все новобранцы так же легко справлялись с длинными дистанциями. Был в полку один солдат из города Свердловск-35. Он был очень умным, начитанным, но физически слабым. Ни разу за всю службу он не уложился в норматив по бегу. Последние километры приходилось помогать ему – подхватывать, и даже нести на руках. Из-за него солдаты взвод всегда бежал повторно вечернюю дистанцию.

Сергею сложнее всего давалась техника: *«Мы были первыми операторами наводчиками БМД-2. Части уже перевооружали, поступали машины нового поколения, но операторов БМД-2 еще не было».*

Каждый день в течение четырех часов десантники проходили теоретическую подготовку, а после обеда – учебные стрельбы. Так продолжалось в течение полугода.

Процесс обучения давался Сергею легко, он стрелял на «отлично», был дважды награжден грамотами. Первую благодарность от командира части Сергей Васильевич заработал уже на второй месяц службы: *«За умелые действия на тактическом учебном занятии, высокое боевое мастерство, проявленные инициативу и настойчивость, объявляю Вам благодарность. Желаю Вам новых успехов в боевой и политической подготовке, выражаю уверенность, что Вы и впредь будете являться образцом в службе, с честью выполните свой почетный долг вооруженного защитника нашей социалистической Родины».* Второй грамотой Сергей Гирев был награжден спустя полгода: *«Рядовой Гирев Сергей Васильевич мастерски владеет ору-*

жьем и боевой техникой, служит образцом в выполнении служебного и воинского долга, в службе руководствуется требованиями советских законов и воинских уставов, готов в любую минуту прийти на помощь товарищу. Ему предоставляется почетное право водить и стрелять за Героя Советского Союза старшего сержанта Николая Петровича Чепика».

Было несколько смешных случаев, которые могли бы закончиться очень трагично, с солдатом Андреем из Свердловска-35, о котором было написано выше.

В учебке проводились стрельбы из 3 машин. Задача оператора – наводчика заключалась в следующем: как только поднимается мишень танка, необходимо совершить выстрел из пушки. Если поднимается мишень пулеметного расчета, стрелять необходимо из пулемета. Была так же подвижная мишень безоткатного орудия. По ней так же нужно стрелять из пулемета. У всех получалось достаточно хорошо, попадали почти всегда. Но у Андрея попадать по мишеням никогда не получалось. Единственный раз он попал в цель – выстрелил по подвижной мишени из пушки. После выстрела была разбита узкоколейка, по которой двигалась мишень. После удачной стрельбы Андрея узкоколейку восстанавливали всем взводом до двух часов ночи.

Второй случай произошел на полигоне. Стрелять уже умели, но впервые выехали на ночные стрельбы. Смысл учений заключается в уничтожении противника в условиях плохой видимости. На полигон выезжают три БМД, на ходу оператор-наводчик ищет мише-

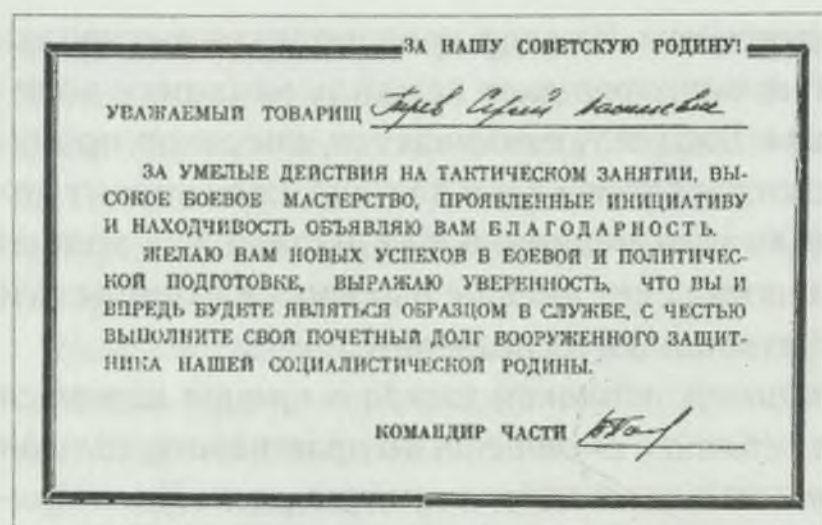

ни, которые немного подсвечены. На ходу производятся выстрелы. При обнаружении мишени, оператор дает команду механику-водителю по радиации «Короткая». БМД останавливается, оператор производит выстрел, БМД сразу трогается и едет дальше. Если звучит команда «Дорожка», водитель едет медленно, без рывков. Как только стрельба произведена, машина едет дальше быстро. Слаженность и четкость действий отрабатывались на полигоне.

«Были трудности, например, одинокая звезда в прицел кажется мишенью. Я подсказывал ребятам смотреть на противовес, если он на уровне руки, значит вы палите в небо, в пустую расходуя снаряды». При ночных стрельбах опять отличился юноша из Свердловска-35. В темноте он не смог сориентироваться, и, увидев в прицел ярко освещенное место, развернул башню БМД и произвел выстрел из пулемета. Оказалось, он выстрелил по командному пункту. Хотя нас не раз предупреждали, что за знаки, стоящие в конце полигона, разворачивать башню нельзя, он забыл об этом. Сразу в наушниках прозвучала команда «Прекратить стрельбу! Всем на рубеж прекращения огня!». Мы прибыли на рубеж, разрядили оружие, доложили по радиации «Стрельбу закончил, оружие разряжено». Оружие на всех машинах было разряжено. Механики-водители начали покидать свои отделения. Водитель БМД, наводчиком в которой был Андрей, ранее паливший по командному пункту, вылезая из отделения, наступил на спусковой механизм ПКТ. В ту же секунду прямо над головой механика-водителя прозвучал выстрел. Чудом пуля не угодила в человека. После этого случая парня отстранили от стрельб. Пока солдаты стреляли, Андрей ползал по-пластунски и таскал за собой ящик с песком.

Сергей вспоминает, как в учебке впервые был впервые сделан прыжок с ИЛ-76. Перед прыжками открывали два боковых выхода, скорость самолета минимум 400 км/ч. Только прозвучала сирена, более 20 десантников должны были за несколько секунд покинуть самолет. *«Только высовываешь голову, тебя сразу сдувает – скорость огромная. Конечно было жутковато, страшнее, чем на АН-2!»* – вспоминает Сергей.

«Так прошла учебка. В конце учебки я узнал, что мой друг, Олег Груздев, попал в 226 учебный полк и все это время мы вместе служили, находясь через забор. Но ни разу не увиделись за полгода. В конце учебки нас расформировали по дивизиям. Я остался в той же 7-й дивизии, меня направили в г. Алитус Литовской ССР в 97 гвардейский воздушно-де-

сантный полк. Когда мы прибыли на место, увидели здания старой постройки, все было каким-то мрачным и серым. Потом выяснилось, что это ранее это были царские конюшни, из которых сделали казармы. Сначала был

распределен оператором-наводчиком. За нами была закреплена машина, работали постоянным составом. Потом у нас был полевой выход, на полигоне «Волчье поле» под городом Гродно (Белоруссия). Заместитель по техчасти узнал, что я по гражданской специальности машинист крана, меня забрали обратно в город Алитус в связи с тем, что им был необходим квалифицированный автокрановщик. Было несколько кранов, а специалистов не было. В дальнейшем служба проходила в 3 взводе десантного обеспечения. Там я познакомился с Виктором Бевзом (Украина), Александром Ждановым (Н. Тагил) и Сергеем Кройтором (Молдавия), с которыми дружим до сих пор».

Задача Сергея – подготовка платформ, на которые десантируется БМД. Платформы привозили на грузовых машинах, на автокране их нужно было расставить на территории. Затем взвод передвигал их в нужное место, на платформы заезжала БМД солдаты упаковывали машины: устанавливали парашютно-реактивную систему, плотно закрепляли машину к платформе ремнями, затем закатывали в самолет. Помимо этого Сергей выполнял различные хозяйственные работы.

«Каждые полгода делались два прыжка с самолета Ан-2, и один – с ИЛ-76. У меня всего 27 прыжков. Почему так много? После определенного срока, если парашют не использовался, нужно его переукладывать. Незадолго до выхода этого срока прапорщик разрешал нам сделать не один, а два прыжка за 1 раз. Во время прыжков уже никакого страха не было, все было отработано до деталей. Помню, уже в конце службы все-таки произошел запоминающийся случай. Во время прыжков иногда, когда попадаешь в поток теплого воздуха, тебя начинает немного поднимать вверх, все опускаются, а ты поднимаешься. Один раз прыгнул, чувствую – опять поднимает вверх,

жду, когда закончится подъем. Время идет, а я все поднимаюсь, поднимаюсь... Все ребята, которые были со мной примерно на одном уровне, уже превращались в точки, опустились очень низко, а меня все поднимало. Тогда, несмотря на приличное количество прыжков, я ощутил испуг. Сколько меня поднимало, не смогу сказать, но по сравнению с другими прыжками это был самый затяжной спуск.

В конце лета 89 года, когда до «дембеля» оставалось 3 месяца, пришел приказ передать автокран и автокрановщика в Витебскую дивизию в Беларусь. Сергей не хотел уезжать, ему хотелось уволиться вместе с друзьями. Думали даже сломать Сергею руку, настолько не хотелось покидать часть. В конечном итоге перевели. Когда Сергей приехал туда, солдаты находились на войне в Афганистане. В течение нескольких лет боксы пустовали, постепенно приходили в негодность. Сергей с солдатами строил ангары, восстанавливал боксы полка под технику. Время до дембеля пролетело очень быстро, так как постоянно был занят работой.

«Обычно в частях увольняют партиями. Но «афганцев» уволили всех сразу, а меня – на следующий день. Вернулся обратно в Прибалтику в г. Алитус к друзьям. А там еще не демобилизовалась даже первая партия. Все очень обрадовались, что я вернулся. Один из офицеров, увидев меня в гражданской одежде, грозно спросил: «Почему ты не в строю, да еще и в гражданке? Быстро переодеваться и в строй!». Я показал ему военник, он удивился, потому как не знал о моем переводе. Дождался увольнения друзей. Вместе мы поехали в Молдавию, затем в Одессу, приехали в Качканар под новый год. Со мной приехал друг Виктор из Одессы.

Помню, подъезжали на поезде к Качканару, одели форму. Решили выйти на Сортировке. Зима, холодно, лес кругом. Я то привык, а Виктор вышел из поезда и провалился по пояс в сугроб, озирается, говорит «Ты куда меня привез-то? В тайгу какую-то». Посмеялись и пошли в город, к моей будущей жене Татьяне. С ней я познакомился еще в школе, начали встречаться в 7 классе. Татьяна ждала меня из армии, приехала ко мне в г. Алитус на несколько дней».

Через месяц Сергей устроился в КГОК на автокран, а друг Виктор – на КРАЗ. В феврале сыграли свадьбу, через год родили дочь Аню.

После армии работал в разных городах, но всегда по специальности. Последние 11 лет Сергей Васильевич отдал службе в МЧС России. Работал старшим инструктором по вождению автолестницы. В мае этого года вышел на пенсию.

Так же в течение 6 лет работает в кадетской школе-интернате дежурным офицером. Занимается с детьми строевой и физической подготовкой, контролирует дисциплину, соблюдение распорядка дня. Сергею Васильевичу очень нравится эта работа, очень интересно смотреть, как взрослеют и мужают юноши, которые приходят маленькими, часто плачут от большой нагрузки.

Сергей Васильевич гордится своими детьми: дочь работает на заводе «ЕЖК» в Екатеринбурге. Школу и институт закончила на одни пятерки. Сын учится в 7 школе, заканчивает 6 класс. Занимается рукопашным боем. Учится на 4 и 5.

Своё отношение к службе С.В.Гирев сформулировал так: «Я очень рад, что моя жизнь переплетена с небом!»

Инна Васильева

КАК МОРЯК СТАЛ ДЕСАНТНИКОМ

К перелетам на самолётах Дима Васильев привык с детства, не малую часть своей жизни он провёл в перелётах между городом, где родился и городом, который считал своей малой Родиной. Родился Дима 16 августа 1971 г. в городе Видное Московской области (сейчас это практически район Москвы), когда будущие мама и папа прилетели в отпуск, к родителям мужа. Понятно, что вскоре молодым родителям нужно было отправляться домой на Сахалин. Олег Павлович был самым настоящим капитаном дальнего плавания, полгода, а то и 9 месяцев в году он проводил в море, чаще всего ходили к берегам Японии.

Маленького Димочку бабушка и дед, властные ветераны Великой Отечественной, защитники Москвы, с родителями на далёкий

остров не отпустили: «Нечего ребёночку скитаться!..» Знали бы славные предки, какие скитания выпадут на долю их внука!

Только в 4 года Дима прилетел в Южно-Сахалинск – столицу Сахалина, а оттуда в Холмск. Он полюбил этот город на берегу Японского моря сразу и на всю жизнь... Но «место под солнцем» в родном Холмске пришлось завоевывать, мальчишки во дворе встретили «чужака с Москвы» не особо дружелюбно. Надо сказать, что район был ещё тот – «молодежка», что-то типа качканарской Первомайки, только дома типовые 5-этажки. В соседнем доме жил будущий известный композитор и певец – Игорь Николаев, но он всё детство «ходил со скрипочкой», т. е. в музыкальную школу. Понятно, что такие навыки во дворе полном будущих моряков был не в почёте. А в том, что все мальчишки двора станут моряками, сомневаться не приходилось. Холмск – город портовый, все мужчины – в море, жёны – на берегу. Людмила Алексеевна, мама Дмитрия, ждала мужа истово, таких называют «мечта моряка», при любой возможности, а порою и без таковой, получив телеграмму могла сорваться и лететь, ехать, плыть, идти к мужу – в «порт приписки». Иногда всего на сутки, а порою и того меньше. Понятно, что детство Димы было таким, каким было: с одной стороны, отец-капитан, любые вещи из загранки, самые последние музыкальные записи, которыми можно шикануть на дискотеке; а с другой, родители далеко, дома не ждёт горячий обед, ужин, учебный процесс отдельная песня... Очень часто Димку отправляли на материк, к бабушке и дедушке в Москву, на месяцы, на год. А там мальчишеский авторитет приходилось зарабатывать по-новому, помогала природная любознательность и книги, которых прочитано было без счёта, сказывались одинокие вечера.

Но вот школа позади, поступление... куда бы вы думали? Не сюрприз: в мореходное училище. Как говорят в Холмске – «в бурсу». По-

жалуй единственный предмет, который у «бурсача» Васильева не вызывал никаких нареканий, что называется «отскакивал от зубов», – был английский язык. (И это потом сыграет немало важную роль в его судьбе). Сказалась домашняя практика – отец часто ходил «в загранку», английский знал превосходно.

Но ведь эта книга не о моряках и читатель справедливо спросит? а как же? где же?

Вот, начинается. Судьба человеческая не предсказуема и самому человеку не известна, впрочем, как и его близким.

Педагоги мореходки тянули студента Васильева, тянули, всё-таки сын капитана, стыдно

отчислять, но ... Когда Васильев Д.О. проспал экзамен, расшвыряли все, включая родителя. А что ждёт каждого мальчишку «вылетевшего» за неуспеваемость – конечно, Армия.

В Советской Армии для Дмитрия Васильева были, что называется, открыты все самые лучшие двери. Лучшие, элитные (да простят меня остальные) войска – ВДВ. Подготовленный призывник, с практически окончанным военным образованием. Военная специальность Дмитрия – связь, помогло знание азбуки Морзе (всё-таки мореходка за плечами). Учебка в Уссурийске, Васильев один из лучших, оно и понятно учиться здесь ему было легко, всё знакомо. Дальше срочная служба, потом перед самым дембелем, Чечня. Не долго – три месяца, кто знает три месяца или вся жизнь? Ранение, не тяжёлое, правительственная награда и наконец-то, дембель. Долгожданная встреча с Сахалином, дом, родители, друзья. Нам, женщинам, сложно понять: всю службу солдаты ждут дембеля, потом всю жизнь вспоминают службу.

Вот такая вот история о том, как моряк стал десантником. А мореходку десантник Васильев Д.О. всё же закончил, мог бы по специальности стать штурманом. Но стал дробильщиком 6 разряда (как сам

себя называл) фабрики дробления, пролетев пол страны с Сахалина на Урал, встретил свою судьбу, в 33 года стал замечательным, любящим отцом – сына Льва Дмитриевича. вырастил дочь Анастасию. Но это, как говорится, совсем другая история, про то, что роду Васильевых суждено продолжаться.

Все годы, которые Дмитрий Васильев прожил в Качканаре, 2 августа неизменно отмечались как праздник, он очень уважал и чтит эту традицию. В Холмске, конечно, такого единений десантников и торжественности нет. Последние годы День десантника стал общегородским праздником: храм, парк Строитель, открытие памятников погибшим товарищам. Жаль, что судьба послала Дмитрию такую короткую жизнь. Но он прожил её с удовольствием, успел не мало, побывал на войне, получил награду: медаль «За заслуги перед Отечеством».

К огромному сожалению, Дмитрий практически ничего не рассказывал о своей службе, да и мы, честно сказать, не особенно расспрашивали, о чём сейчас горько сожалеем. В семейном архиве бережно храним немногочисленные документы этого периода его жизни.

Вот военный билет. Из него мы узнаем, что Дмитрий Васильев проходил действительную военную службу с 2 декабря 1993 г. по 10 мая 1995 г., в том числе с 19 января 1995 по 28 апреля 1995 принимал участие в боевых действиях на территории Чеченской республики при в/ч 20707. А вот его послужной список: командир отделения приёмных радиоустройств и коротковолновых радиостанций большой мощности специальной радиосвязи, младший сержант.

Вот удостоверение к медали и сама медаль – красивая и величественная.

Сохранилось несколько писем из армии. В них он совершенно не пишет о тяготах и лишениях воинской службы, но они мысли, чувства, настроение солдата хорошо передают.

2.01.94 г.

Здравствуйте, дорогие мои родители, ну и Лорд, конечно!

Получил Вашу посылку, большое спасибо. У меня всё по-прежнему, а это значит, что я жив, здоров и служба тащится нормально. Сегодня ходили на стрельбище, стреляли с автоматов. Сначала ехали

на машине, а потом на лыжах добирались до места, правда, не далеко: где-то с километр. Было раннее морозное утро, берёзы стояли все в инее, и над этим пейзажем поднималось солнце. Всё было чудно, если бы не мороз, который пробил до костей. Хорошо ещё, что я был в бушлате и в валенках. Но вроде всё обошлось, и я ничего себе не отморозил. О результатах стрельбы лучше не вспоминать, толи руки замерзли и не в состоянии были держать автомат, толи стрелял я не в свою мишень, а результат – в белый свет как в копеечку, но, как говорится, важна не победа, а участие...

Меня поставили в караул, и теперь я от остальных нарядов отмазался. Охраняю всякую технику, в основном машины. Два часа в ночное время брожу вокруг да около, а в дневное зависаю на вышке. Экипировка моя состоит из ватника, шинели, бронежилета, тулупа и в добавок на плече автомат, а на поясе подсумок с магазином, полным патронов. К концу караула плечи болят с непривычки от бронежилета, зато времени свободного побольше, еды всякой разной (с магазина и из общего котла) навалом и никто не торопит, сиди себе попивай чаёк с пряниками и конфетами. Вот такие тут у нас дела на сегодняшний день.

Целую, красноармеец Дима В.

24.01.94 г.

Здравствуйте, мама, папа и Лорд.

16 января принял присягу. Мы уже начали обучение и у меня в этом плане всё о,кей, можно сказать лучше всех, если не в роте, то во взводе точно. По моим контрольным работам проверяют все работы взвода, а иногда это делаю я сам. Так что не зря я учился в Южном. С питанием всё по-старому – едим с одного котла с офицерами, через день по утрам дают по банке сгущёнки на стол, так что жаловаться не приходится, плюс ещё магазин и «чипок» (чайная). Служба тянется помаленьку, дни бегут, вот скоро буду заступать в караул и рад этому, потому что стоять в карауле лучше, чем ходить в остальные наряды.

До свидания, целую. Ваш непутёвый сын Дима.

23.03.94 г.

Здравствуйте, дорогие папа, мама и Лорд.

У меня всё нормально и как всегда на здоровье не жалуюсь. Со времени последнего письма жизнь моя почти не изменилась, за ис-

ключением учёбы, в том плане, что постоянно что-то новое. Голова моя пухнет от всякого рода информации и скоро, наверное, она пойдёт наружу. Сегодня приступил к практическим занятиям на радиостанции, а это значит скоро конец учёбе. Я рассчитываю, что где-то в начале мая меня уже здесь не будет, лишь бы не оставили здесь. Так, что посылок сюда больше не шлите, когда обоснуюсь на новом месте, напишу. Насчёт переговоров вышла небольшая неувязочка, а именно. В этот день по закону пакости наша рота заступила в небольшой наряд, а с других заступают сержанты и меня не с кем было отправить на почту (один-то я заблудился бы). Я подошёл к ротному, так мол и так, и он обещал отправить меня в другой день, чтобы я сам позвонил, но к тому времени у меня кончились деньги и я обломился. А вообще в этом Шао-лине (часть находится на территории, к сожалению, бывшего, женского монастыря) выйти за пределы довольно проблематично для всех кто здесь находится. До скорой, надеюсь, встречи, целую. Дима В.

17.05.94 г

Здравствуйте, дорогие мама и папа.

У меня все нормально, я жив-здоров, чего и вам желаю. Служу я в ВДВ, в батальоне связи, или как его здесь называют – «болоте». Не успел я ещё толком оглядеться, куда меня в очередной раз забросила злодейка судьба, а уже прошло два месяца, и всё потому, что где бы тот не служил, везде одно и то же с небольшими вариациями и дни похожи один на другой, а потому проходят незаметно, складываясь в месяцы.

Немного о том, чем я здесь занимаюсь. Так как у нас батальон связи, то из этого следует, что заниматься мы должны ей, но это не совсем так. Из всего батальона только человек 7 как-то с ней связаны, в том числе и я. Задача у меня такая: сижу на приёмном центре, (комната заставленная аппаратурой), немного принимаю, немного передаю два раза в сутки часа по два, а остальные время здесь сидят женщины-контрактницы. Сейчас начались прыжки и нам приходится дежурить за них сутки напролёт, в общем это не плохо, но очень жарко, (на улице + 25, а то и больше, да ещё приёмники вместо батарей), один вентилятор уже сдох, а один ещё дышит, принося хоть какое-то облегчение. Также на центре имеется вторая комната – для отдыха, где стоит кровать и имеется плитка, на которой я иногда что-нибудь творю.

Уже один раз прыгнули с вертолѐта, с высоты 800 м, ощущение – острое. Пока был на земле, было всё равно, но как только оторвались от грешной земли и начали набирать высоту, как-то неприятно стало в животе и начал жалеть о том, что не совсем аккуратно складывал парашют, но, к счастью, всё обошлось благополучно, иначе не писать бы мне этого письма. Пока с прыжками заминка – нет подходящей погоды: то ветер сильный, то облачность, или нет вертолѐта, но, думаю, скоро опять сигану. Ещё я числюсь на должности водителя, и не только числюсь, но уже раз прокатился на КАМАЗе километров 150. Скоро должен быть марш и мне понадобятся права. Так что вышлите сразу, как получите это письмо на адрес, указанный ниже, ценным письмом. И если что захочется послать, то тоже на этот адрес.

Часть наша небольшая, стоит за городом, рядом какие-то посёлки. Кругом растёт вишня, даже в самой части и поел я её от души, даже варенье варили. Недалеко от части есть озеро, но я там ещё не купался, да и вода там не ахти какая чистая. Вот, в принципе, и вся информация обо мне и чем я занимаюсь. Может быть отпустят в отпуск, на что я слабо надеюсь, а нет, то через месяцев десять прикачу насовсем, сниму свой голубой берет, повешу его на гвоздь и буду вспоминать свою службу, не всегда кажущуюся мѐдом.

17.05.94 г.

Здравствуйте, дорогие мама и папа.

Я, наверно, немного поторопился написать про последний караул и про то, что скоро меня здесь не будет. Вот уже середина мая, а о том, когда и куда, ничего не известно. С учёбой покончено и теперь мы целыми днями занимаемся подготовкой к приезду духов.

На 9 мая выходили в город, на кладбище, и удалось немного посмотреть то, куда я попал. Проходили по улицам, где одни старые дома, хоть кино снимай и шли через площадь, на которой две церкви и колокольня, с которой как раз звонили. Одна церковь небольшая и довольно необычной архитектуры, а другая размером с большой театр, и по форме такая же – с колоннами, а так в основном одни деревянные дома и всё как-то разбросано. В общем можно сказать, хоть и с небольшой натяжкой, что город я видел и теперь можно срываться на новое место. Жду с нетерпением этого момента, да и не только я, а вся часть, все разговоры только о том,

когда в войска. С нашей роты забрали одного вчера, но видно за него договорились.

Здесь уже довольно тепло, всё распустилось и солдаты тоже.

Целую, ваш сын Дима.

14.12.94 г.

Здравствуйте, мои дорогие мама и папа, а также бродяга Лорд.

Как я уже говорил, дали нам молодое поколение в количестве 10 человек, и служить стало полегче. В наряды ходим в столовую через день и по батальону – круглосуточно. Постепенно присматриваю себе замену на приёмном центре, а то скоро увольняться, а замены ещё нет. Насчёт того, что скоро увольняться – не шутка, вот уже через пару недель с небольшим Новый год, а через неделю начинается стодневка (100 дней до приказа), а всего осталось столько же, сколько я здесь нахожусь, а может и поменьше, это как масть покатит.

Особенным таким ничем не занимаемся, сейчас, наверно, начнётся предпрыжковая подготовка, уже было одно занятие с молодыми, чисто ознакомительное, а потом начнётся укладка куполов и где-то в феврале-марте будем прыгать. Обещают, что будем прыгать не только с вертолёта, но и с самолёта. Насчёт моего отпуска вроде всё конкретно, 20 числа приезжает боец и начнётся моя суета, думаю числа 25 должен стартовать. Со мной едет ещё один парень с Сахалина из под Корсакова, так что вдвоём будет веселее добираться. Было бы неплохо, конечно, прикатить под Новый год. Я бы опять, как тогда, сходил с Лордом за ёлочкой, ну а с тебя, мама, торт «Наполеон», надеюсь ты ещё не разучилась его делать. Вот такие предпраздничные настроения владеют мной на данный момент.

Ваш исправившийся сын, а также рейнджер спецназа, Дима В.

Уважаемые Олег Павлович и Людмила Алексеевна!

К вам обращается командование воинской части, где проходит срочную военную службу ваш сын мл. сержант Васильев Дмитрий Олегович.

С удовлетворением сообщаем, что он с честью выполняет свой воинской долг и ваш родительский наказ служить Родине так, как служили ей во все времена лучшие сыны нашего народа. Дмитрий верен присяге, стойко переносит тяготы и лишения

воинской службы, содержит в хорошем состоянии вверенные ему оружие и боевую технику, показывает высокие результаты в боевой подготовке, смело совершает парашютные прыжки, не допускает сам и удерживает товарищей от недостойных поступков.

Вы можете гордиться своим сыном – бесстрашным воином-десантником, верным защитником Отечества.

От всей души благодарим вас за воспитание сына. Желаем доброго здоровья, большого личного счастья и успехов в труде.

Командир воинской части 74864

Полковник А.Лихидченко

Заместитель по воспитательной работе

Подполковник Ю.Сюневич

30 декабря 1994 г.

01.01.95 г.

Здравствуйте дорогие мама и папа, а также кореш мой Лорд.

Пишу это письмо в растрёпанных чувствах, так как не смог вырваться к вам на праздник.

Не думайте, что я залетел, просто на праздники были сняты все смены с дежурства и кроме меня некому было их заменить. Теперь ждите числа после 20 января, не раньше. Так, глядишь, и до дембеля дойду в ожидании отпуска, хотя сильной тяги как по началу уже нет, потому что мысли о том, когда покину часть не на время, а навсегда. А ждать осталось недолго, первая партия будет увольняться в конце апреля и, думаю, лишнее будет говорить, что я постараюсь в ней оказаться. Пока что все предпосылки для этого есть. Недавно зачитали приказ о присвоении мне звания «младший сержант», а заодно объявили благодарность, хотя я сам не слышал, так как не всегда хожу на построения. Подтянул к себе на смену двоих молодых с «учебки», так что скоро дежурить уже не буду. Вот с такими новостями вошёл я в новый год, который, думаю, будет удачным, хотя бы потому, что скоро я откинусь. И стану опять гражданским человеком.

А теперь о том, как я провёл Новый год. С полочки скинулись, купили всякой всячины, включая три или четыре торта, два пирога, фруктов, шампанского. Сели вечером возле ёлки, посидели, думая

каждый о том, что дома было бы намного лучше. Ёлка, конечно, была шикарная, сами ходили за ней в лес. Расположение украсили гирляндами, в общем, небольшое ощущение праздника было. Но ничего, следующий Новый год я буду по любому встречать дома. Пусть этот год для всех нас будет лучше прошлого. Целую, Дима.

26.02.95 г.

Здравствуйте дорогие мои мама, папа и Лорд.

У меня всё нормально, на здоровье не жалуясь. Стоим там, где стояли, то есть недалеко от Моздока. Занимаемся повышением своей квалификации, выезжаем пострелять. Недавно ездили в баню в близлежащую станицу, а после бани нам устроили обед, было всё очень вкусно, особенно борщ. На 23 февраля приезжали к нам казаки с концертом, мы тоже показали им небольшое шоу, с метанием ножей, рукопашным боем и небольшим концертом. В общем, не скучаем. Обзавелись видеоманитофоном и теперь по очереди смотрим фильмы. У нас уже наступила весна, трава зеленеет, солнце припекает, так что зимы я в этом году почти не застал.

Ещё раз поздравляю вас с 23 февраля и 8 марта желаю всего самого наилучшего, а самое главное не волноваться за меня, уверяю вас, я в полной безопасности и по-прежнему нахожусь в резерве. Обещаю не скрывать от вас, если будут какие изменения.

На этом заканчиваю, до скорого свидания. Целую, ваш сын.

Семья и друзья помнят и уважают Дмитрия Васильева, а сын всегда будет гордиться отцом-десантником.

Династия

Надежда Трушкова

ИЗ 11 БАННИКОВЫХ, ТРОЕ – «ДЕСАНТУРА»

В канун главного праздника глава семьи вспоминает знакомство с легендарным «Дядей Васей», а его сын – годы службы под Оренбургом

Как-то, английского премьера Уинстона Черчилля спросили: «Сколько детей надо иметь в семье?» на что он ответил: «Четверо. Один – для жены, другой – для меня, третий – общий, четвёртый – про запас!» Так вот, в семье десантника Анатолия Павловича Банникова 11 детей! Из них, 6 парней и 5 девчонок.

Все братья Банниковы отслужили в Армии, причём трое – в десантных войсках. А всё началось с отца и его дембельского альбома, который, в конце – концов, затерялся.

– Ребята его до дыр чуть не затёрли, – рассказывает-жалуется отец. – Очень любили разглядывать мои фотографии, интересовались что да как, вот и «заболели» десантурой.

Особа ценная в альбоме Анатолия Павловича фотография – та, где он запечатлён с самим «Дядей Васей» – Василием Филипповичем Маргеловым, которого по всей стране считают

главным десантником, родоначальником элитных войск ВДВ.

В канун праздника в честь Воздушно – Десантных Войск мы встретились с отцом и сыном Банниковыми и задали им ряд вопросов.

– Нужна ли современным ребятам армейская школа?

– Нужна! Кто не служил – тот не мужчина!

– Если бы представилась возможность выбора войск, то что бы выбрали вы?

ВДВ! Мы даже сами просились служить именно в этих войсках и никаких иных.

– Чем занимается «десант» на гражданке?

Банников старший – Анатолий Павлович: Работаю в ЖРЭП-4 водителем. Дома – большое хозяйство: огород, козы, кролики, куры.

Банников младший – Юрий Анатольевич: Работаю в Рудоуправлении комбината. Свободное время стараюсь быть с семьёй, у меня жена, дочь и сын. Сыну 18 лет, но пока ему дали отсрочку от армии в связи с учёбой в училище, но он рвётся, как его дед и отец, служить в ВДВ. Интерес и любовь к этим войскам у нас в семье не прекращается.

– Ваш жизненный девиз?

– В любой ситуации оставаться человеком.

– С чего начинается праздничный день?

Банников – отец:

– Звоню сыновьям, поздравляем друг друга.

Банников – сын:

– Собираемся с друзьями на молебен в Храм, к иконе нашего небесного покровителя Илии – пророка. После идём в «Строитель» к мемориалу, потом едем на кладбище помянуть ушедших друзей. В неофициальной обстановке встречаемся на запасном поле, где проводятся игры, розыгрыши для детей и взрослых.

– Тост за праздник ВДВ?

– Здоровья, успехов, не забывать друзей!

Поэтической строкой

Татьяна Семакина
БРАТСКАЯ МОГИЛА

*Памяти Юрия Змеева
И Михаила Ладейщикова*

Висят портреты рядом на стене,
Мать с горестным лицом сидит в сторонке.
Двух сыновей доверила стране,
А та вернула только похоронки.
Их старший Юрий в армии погиб
При выполнении воинского долга.
Дорога жизни сделала изгиб,
Страшнее смерти стала та дорога.
Второго сына ждал Афганистан,
Попал туда с десантными войсками.
Ну вот, и у него экзамен сдан,
Который продолжается веками.
Погиб героически младший Михаил,
Он заслонил собою командира.
Ах, сколько нужно мужества и сил,
Чтоб день и ночь стоять на страже мира!
Уже домой готовился стрелок,
Но грянул бой у старого ущелья...
Как давят стены, давит потолок,
Родителям теперь не до веселья.
Однажды жизнь разбилась, как стекло,
Им не собрать звенящие осколки.
С тех пор воды немало утекло,
Но помнят этих воинов в посёлке.
Два брата дружно рядышком лежат.
На памятнике – солнечные блики.
Они теперь земле принадлежат –
Безмолвны, безмятежны и велики.

ПОГИБШАЯ МЕЧТА

Памяти Владимира Вепрева

Владимир награждён посмертно орденом
За подвиг, совершённый на войне.
Не может рассказать солдат о пройденном
В далёкой неприветливой стране.

Повестку получив и став водителем,
Он был направлен временно в Кабул.
Однажды оказался очень бдительным,
Услышав приближающийся гул.

Заданье выполняя вместе с ротой,
Мятежников заметил среди гор.
Война тогда была его работою –
И воин первым стал стрелять в упор.

Сыграла роль решительность Володина,
Он сделал главный выбор для себя:
Ведь так его воспитывала Родина,
Ведь так его готовила судьбы.

В тяжёлом поединке моджахедами
Он уничтожить нескольких сумел.
Война ознаменована победами:
Становится героем тот, кто смел.

Зловещий контур цинкового ящика
Перечеркнул всю жизнь одной чертой.
Лишился Качканар электросварщика,
Так долго одержимого мечтой.

Убитые мечты с солдатом прибыли,
Не смог присвоить их Афганистан.
Осталась навсегда причина гибели
На совести двух дружественных стран.

Погибший на враждебной территории,
С друзьями о родной земле мечтал.
Владимир Вепрев будет жить в истории,
Он в девятнадцать лет героем стал.

СВЯТАЯ ДАТА

Пятнадцатое февраля –
Для матери святая дата.
Встречает русская земля
С войны последнего солдата.
Домой вернул его Афган,
Шли БТР-ы дружным строем.
Вот так вчерашний мальчуган
Национальным стал героем.
Уж много лет прошло с тех пор,
По всей стране идут парады,
Заложники афганских гор
Поют на праздниках баллады.
Привычны эти голоса
Любому братскому застолью.
О, материнские глаза,
Всегда пронизанные болью.
Мать молча встала у плиты
В пустом квадрате скорбных линий.
Живые яркие цветы
Уже сковал февральский иней.
У монумента – ряд гвоздик,
Традиционная гирлянда.
Когда обычай тот возник,
Кто возложил их, чья команда.
Нуриев, Вепрев, Куликов,
Ладейщиков – в плену у славы.
От всех других фронтовиков –
Поклон защитникам державы.
Среди героев тех времён
Шумихин оказался пятым...
Важнее шелеста знамён
Почтение к солдатским датам.

Наследники

Дмитрий Травкин
КОЛЫБЕЛЬ ДЕСАНТНИКОВ

Вся суть многопрофильного клуба «Афганец» начертана на стене: – Оптимист – изучает английский язык. Пессимист – китайский. Реалист – автомат Калашникова. Если кто-то до сих пор считает, что этот старейший клуб всего лишь мелкое подвальное сборище, то это, как минимум, заблуждение. Во-первых – в клубе занимается около сотни человек разного возраста. А во-вторых – это уже далеко не подвал, а целых два этажа бывшей школы №2. Руководитель клуба – бессменный Николай Арапов, который на момент нашей встречи слегка приболел.

– Альфия, а можно мне немного кипяточку в кружечку? – хрипящим голосом попросил Николай Александрович у своей помощницы. Простой, крепкий мужик лет пятидесяти с начавшей сесть головой.

– Вообще, наш военно-спортивный клуб был организован группой ребят-афганцев, – рассказал он. – Или, как раньше нас называли: войны-интернационалисты. Дата создания клуба символична: 26 декабря. Если кто-то не помнит, то это дата ввода войск в республику Афганистан. В прошлом году нам стукнуло 25 лет. До этого момента мы постоянно базировались по адресу 10-20, но, вот уже

почти два года, волею судеб, нам пришлось переехать сюда, в помещение бывшей школы №2.

От футбола до кольчуги

Сегодня в клубе существует восемь формирований или направлений деятельности. В первую очередь – это военно-прикладное направление, в котором занимаются мальчишки и девчонки старше 14 лет. Пулевая стрельба в двух группах, армейский рукопашный бой, пауэрлифтинг и общая подготовка, шахматы и историческая подготовка, а также фитнес и аэробика.

– На всех этих направлениях деятельности нашего клуба работают очень хорошие тренеры, – продолжил Арапов. – Занимаются ребята всех возрастов. Вот, кстати, совсем новое направление – историческая подготовка. Там парни восстанавливают обмундирование битв, которые проходили в прошлом. Сейчас, например, мы восстанавливаем форму ледового побоища 1242 года. То есть делаем обмундирование, как рыцарей тевтонского ордена, так и кольчуги Александра Невского. Ребята сами, вручную крутят кольца, режут их и плетут кольчуги. Одинарная в итоге весит порядка 15 килограммов. А если двойные кольца, то там уже под 30 кило будет. Работа эта непростая и занимает достаточно много времени и сил. Одна кольчуга – месяц работы.

Кстати, фитнес и аэробика также возникли весьма спонтанно. Мамочки, которые водили своих детей к нам на занятия, зачастую по долгу ожидали ребят, чтобы забрать их из клуба. И вот, пришла мысль, чтобы и их чем-то занять. Теперь и дети, и родители при деле. Так что у нас достаточно большой спектр услуг.

– А что вас отличает от других спортивных школ и кружков города?

– Главное отличие – это разнообразие занятий. Ну, скажем, в спортивной школе учат играть в футбол. И все. А у нас не так. Детская мотивация не всегда устойчива. Пришел к нам ребенок, попробовал себя в шахматах – не пошло. Тогда мы его отправляем, скажем, на стрельбу. У ребенка есть право выбора того направления, которое ему подходит по душе и в котором он добьется результатов. Ну, и не надо забывать, что клуб – это место для общения. После уроков в школе они приходят сюда, общаются, играют в игры и так далее.

– Сколько человек у вас занимается на данный момент?

– Порядка ста. Это не только дети. Есть и взрослые люди, и пенсионеры. С сентября по май мы ведем плотную работу с пожилыми людьми. Те же самые настольные игры, фитнес и тренировки. За-

нятия для пенсионеров и детей всех категорий бесплатны. Единственные сборы с родителей мы проводим в тех случаях, когда надо ехать на какие-либо соревнования...

– Знаете, есть очень устойчивое мнение, и оно, скорее всего, правдиво, что клуб «Афганец» – это некая кузница качканарских десантников...

– Совершенно верно. Предыдущий выпуск клуба, с которыми я занимался 3-4 года с пятого по девятый классы, ушел в армию. Двенадцать человек. Восемь из них уже служит, а четверо еще доучиваются. Так вот из восьмерых парней – шестеро в десантных войсках.

И большую заслугу в этом имеет именно клуб «Афганец». Тут они получают полную подготовку, которую дают в армии. А строевой подготовке, сборке-разборке оружия и стрельбе могут поучиться даже многие военные. То есть выходя из клуба – человек полностью готов к службе. Ну, и кроме того, ребята, которые занимаются по три и более лет, имеют право на три прыжка с парашютом на базе аэродрома Быньги.

– А как вам тут, на новом месте дислокации?

– Вы про здание бывшей школы №2? Да, в принципе, прекрасно. Кто бы что не говорил. Знаете, это, как первая любовь. Не всегда она такая, какая хочется. Ну, и плюс ко всему, выросли мы из того, подвального помещения.

– Повлияло ваше перемещение на воспитанников клуба?

– Нет. Никаким образом. Отток нулевой. Скорее наоборот. Были, конечно, проблемы. Особенно в первый год. Но это связано с некоторыми внешними проблемами. Приходили какие-то пацаны и били в школе окна. Ловили их. Возьмешь его бывало за шкуру и спрашиваешь: – Зачем секла бьешь? А он в ответ: – Я школе мщу... Так школы-то давно нет! А если энергии много, так иди к нам, занимайся, выпускай пар. Так и отвадили.

– Ну, правильно. Занятия в любой спортивной школе или клубе – это в любом случае лучше, чем сигареты и алкоголь...

– Кстати, я не знаю, почему, но у нас ни один воспитанник не курит. По крайней мере в последние годы никогда не встречал. А еще очень много стали приводить мальчиков, которые ведут себя, как девочка. Вот он весь такой застенчивый, жеманный, слово скажешь – он соплю на кулак мотает. Приводят таких и откровенно просят сделать из него мужчину. А ведь есть и такие, кто сидит и куколкам платяца шьет. Ну, какой это мужик и будущий защитник Родины? Таких мы исправляем. Если они сами того желают.

– Зачем Вы занимаетесь этим клубом столько времени? Зачем это все нужно?

– Это риторический вопрос. Когда-то начал, затянуло, а теперь даже не мыслю себя вне клуба... Это как неизлечимая болезнь. Заразился – и на всю жизнь. Ну, и мне уже почти 60 лет. А эта работа постоянно держит в тонусе.хлопотно, но, уже просто необходимо...

Лариса Плесникова

Кадеты – украшение Качканара

Мы уже привыкли к тому, что участниками всех городских митингов, военных праздников и парадов стали красивые, подтянутые ребята в кадетской форме. И даже кажется, что качканарская кадетская школа-интернат (КШИ) «Пограничник» была в нашем городе всегда. Красивые подтянутые парни в камуфляжной форме действительно украшение любого мероприятия.

Но чего стоят эта военная выправка и стать? И каково это – быть кадетом? Чтобы ответить на эти вопросы, накануне последнего звонка я встретила с директором Качканарского горнопромышленного колледжа, при котором и создана кадетская школа Татьяной Алексеевной Карасёвой, заместителем директора Светланой Борисовной и с мастер-кадетами ...

В этом году в КШИ девять мастер-кадетов (в прошлом был всего один). Это высшее звание у кадетов. Чтобы его получить, нужно очень постараться. Ребята рассказывают, что не все желающие проходят испытания: кросс на 12 с половиной километров с полным снаряжением, через каждые два с половиной километра какое-то испытание – стрельба, метание гранаты, разборка-сборка автомата и рукопашный бой, причем полторы минуты с мастером спорта. А еще чтобы получить это звание, нужно хорошо учиться.

– К званию мастер-кадета стремятся многие, но получить это звание очень сложно, – поясняет Светлана Борисовна, – к сдаче допускается большее количество человек, но испытания проходят не все. Сдача происходит в два этапа: сначала в Качканаре, потом в Серове.

Спрашиваю ребят, кто откуда. Оказывается из девяти моих собеседников только один качканарец, остальные из Верхотурья, Новоуральска, из-под Нижнего Тагила, Красноуральска. Но все в один голос утверждают, что за семь лет учебы Качканар стал им родным. Да и они стали родными качканарцам.

– Мы дружим с пограничниками, десантниками, афганцами, – рассказывает директор Татьяна Алексеевна. – Хорошие связи у нас с Домом детского творчества, с 11 отрядом ОППС, с Госавтоинспекцией, с клубом «Афганец» из ГЦД.

– А помните, какими вы пришли в кадетскую школу? – спрашиваю я ребят.

Улыбаясь, они отвечают:

– В первые месяцы было отчаяние, смотрели на 11-классников, которые по сравнению с нами казались настоящими мужиками. За годы учебы мы стали головой думать, возмужали. Привыкли к распорядку, к дисциплине. А сейчас уже не представляем для себя другой жизни.

Теперь они стали для младших ребят примером для подражания. Теперь на них смотрят, как на мужиков. А это обязывает! Как говорят ребята, сильные тащат за собой остальных. Оказывается, в училище есть такая обязанность – старшие помогают младшим. За каждым мастер-кадетом закреплены свои ученики. Как рассказы-

вают ребята, если бежишь кросс, за тобой закреплены два претендента на мастер-кадетов.

– Каждый из нас кого-то ведет, – подтверждают мои собеседники.
– Надо же после себя кого-то оставлять!

Такая поддержка особенно важна для тех, кто только что пришел у училище. Педагоги не скрывают, что не все выдерживают пребывание в кадетской школе. Бывает, что родители хотят отдать ребенка в школу-интернат, а ребенок либо не хочет, либо до конца не осознал, что такое – кадетская школа. Но такие случаи, конечно, единичны.

Чтобы стать настоящим кадетом, нужно много работать над собой, и потом, не все способны жить по уставу. Кадетская школа – это не то, что показано в сериале «Кадетство».

Спрашиваю ребят, смотрели ли они этот популярный сериал и как к нему относятся? Они ответили, что именно из-за этого фильма и захотели стать кадетами.

– Когда смотрели – всё нравилось, но оказалось, что там слишком уж всё мягко. Но сейчас мы знаем, что там все не так, как в жизни. Потому что быть кадетом – это большой труд, и нужно приложить много сил и ума.

После окончания кадетской школы ребята собираются поступать в военные училища Перми, Новосибирска, Кургана, в Рязанское высшее командное училище ВДВ. И нужно сказать, что эти учебные заведения предпочитают брать кадетов на учебу, потому что они более подготовлены к военной службе люди. Кто-то будет поступать сразу после окончания училища, кто-то определится уже после армии. Кстати, Татьяна Карасёва отметила, что только кадетам Свердловской области в армии разрешено носить знак кадета.

Как живут мальчики в одинаковой форме, чем наполнен их день и их жизнь? Оказывается, ребятам есть что рассказать и есть чем похвастаться. Они постоянно участвуют в соревнованиях по рукопашному бою и привозят призовые места. В этом году выезжали на соревнования по панкратиону, и оттуда привезли два призовых места. Недавно вернулись из Казани. А кто-то вспомнил, что в минувшем году ездили в Москву на соревнования по самбо. Ребята постоянно участвуют в кадетских сборах. В этом году заняли там 1 место. Такие результаты не остаются незамеченными в области. Наша кадетская школа вошла в десятку лучших по военно-патриотическому воспитанию и получила премию в 250 тысяч рублей. Так

же министерство образования выделило 250 тысяч на организацию тира для учащихся КШИ.

А еще ребята прыгают с парашютом. Каждый год ребята проходят 10-дневную подготовку в Логиново (это под Нижним Тагилом) и делают два прыжка с 800-метровой высоты.

– Понравилось прыгать, – говорят ребята, – причем второй раз страшнее, потому что знаешь, что будет. А после второго прыжка можешь прыгать и прыгать, как дома с дивана.

При такой загруженности и напряженном графике есть ли у ребят личное время? Оказывается, они могут выходить в город, но только с воспитателем. Есть у них и доступ в Интернет.

– Наверно, вы с кем-то в городе подружились, с девчонками познакомились, – спрашиваю я их.

В ответ все засмеялись:

– Конечно! Мы всё успеваем! Но у нас первым делом самолет, а девушки потом!

Трудно ли посвятить жизнь военному делу? Для этих ребят такого вопроса не стоит. Они выбрали своё будущее, и другой жизни не представляют:

– Мы уже другого пути для себя не видим.

Дмитрий Порываев, ветеран афганской войны, член правления Свердловской областной организации «Российский Союз ветеранов Афганистана»:

– У нас, ветеранов-афганцев и десантников, прямой контакт с кадетами. Мы стараемся вовлекать их в свои мероприятия. Например, в Сосьву зимой ездили на открытие памятника Герою России. Всегда приходим к ним на линейки в начале и в конце учебного года.

Я много общаюсь с ними, и знаете что заметил: вот приходят они в училище в 11-12 лет, еще такие домашние, пирожки мамыны еще просматриваются. А уходят – и у их уже другой взгляд, другие лица, другое восприятие жизни. У них умные живые лица. Я вижу в них какую-то определенность, уверенность. И мне становится спокойно за будущее России. Я понимаю, что страна в надежных руках.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

КАЧКАНАРСКИЕ ГРАНИ

СПЕЦВЫПУСК

Редактор: Титовец М.И.

Ответственный за выпуск: Порываев Д.П.

Дизайн, верстка: Худяков А. С.

© 2015, МКУ «Качканарский городской архив»

© Качканарское отделение Межрегиональной общественной организации ветеранов Воздушно-десантных войск и войск специального назначения

Подписано к печати 02.07.2015

Бумага ВХИ 80 г/м2. Печать офсетная

Гарнитура Cambria.

Формат 60x90/16.

Усл. печ. листов 27,5

ДЕСАНТ ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ

Боевые действия
Сысоев Максим,
обучающийся 26 класса / 8 лет
МОУ «ООШ №5»
Руководитель
Захарьина Светлана Павловна
учитель начальных классов «ООШ №5»

ДЕСАНТ ГЛАЗАМИ ДЕТЕЙ

Беродина Александра,
МОУ Лицей №6
ученица 1 А класса
Руководитель: Бурманова Н.М.

Шу Асият,
Алсувати Карен,
обучающиеся 5 класса
МОУ «СОШ №5»
Руководитель:
Павлова Ирина Владимировна
учитель МОУ «СОШ №5»

«Сила земли»
Гарина Ольга,
обучающаяся 5А класса
МОУ СОШ №7
Руководитель:
Корсакина Наталья
Викторовна
Учитель ИЗО МОУ СОШ №7

ДРУЗЬЯМ МОИМ,
ИЖИВШИМ ИМЕРТВЫМ,
ВОЙНАМ - ПОСВЯЩАЮ.

15.02.1989 -
15.02.2044

